

Сетевой научный журнал

Научный результат

Research result

Том 1

№2 2014

Сетевой научный рецензируемый журнал
Online scholarly peer-reviewed journal

*Вопросы теоретической
и прикладной лингвистики*

ISSN 2313-8912

9 772313 891002

Сайт журнала:

<http://belsu-research-result.ru/>

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СЕРИЯ «ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

Включен в библиографическую базу данных
научных публикаций российских ученых РИНЦ

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2013 г., ежеквартально
ISSN 2408-9346

Том 1. №2(2), 2014

Учредитель:

ФГАОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ:

Дехнич О.В., кандидат филологических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ СЕРИИ:

Деревянко Ю.С.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор

Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор

Беседина Н.А., доктор филологических наук

Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор

Дьяченко Т. Д., кандидат филологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виноградов В.А., доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Россия

Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, Германия

Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, Россия

Воркачёв С.Г., доктор филологических наук, профессор, Россия

Гренарова Ренее, доктор педагогики, доктор философии, Чешская Республика

Златев Дж., доктор философии, профессор, Швеция

Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, Россия

Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Россия

Пернель Б., доктор филологических наук, профессор, Франция

Магировская О.В., доктор филологических наук, профессор, Россия

Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор Словакия, Украина

Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Словакия

Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Польша

RESEARCH RESULT

THEORETICAL
AND APPLIED LINGUISTICS SERIES

Mass media registration certificate
El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Included into bibliographic database of scientific publications of
Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2013.
Frequency of publications: quarterly
ISSN 2408-9346

Volume 2(2), 2014

Founded by:

Belgorod State University

EDITOR-IN-CHIEF OF A SERIES:

Olga V. Dekhnich, Candidate of Philology, Associate Professor

EXECUTIVE SECRETARY:

Yulia S. Derevyanko

EDITORIAL BOARD:

Alexander M. Amatov, Doctor of Philology, Professor

Baghana Jerome, Doctor of Philology, Professor

Elena A. Oгнева, Doctor of Philology, Professor

Natalia A. Besedina, Doctor of Philology, Professor

Nikolai F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor

Tatiana D. Dyachenko, Candidate of Philology, Associate Professor

CONSULTING EDITORS:

Beatrix Pernelle, Doctor of Philology, Professor, France

Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, Germany

Jana Sokolova, Candidate of Philology, Professor, Slovak Republic

Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Sweden

Nataliya I. Panasenko, Doctor of Philology, Professor, Slovak Republic, Ukraine

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, Russia

Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Russia

Renée Grenarová, PaedDr, PhD, Assistant Professor, Czech Republic

Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Krasnodar

Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Russia

Victor A. Vinogradov, Doctor of Philology, Russian Academy of Sciences Corresponding Member, Russia

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Russia

Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, Poland

РАЗДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Василенко А.П. Основные документы языковой личности (на примере литературного персонажа).....	4
Воркачев С. Г. «Быдлить-быдлеть»: герпес в лексической системе.....	11
Гузий Т.Н. Христианская картина мира древних англосаксов.....	16
Иванченко Н.В. Особенности дискурса конфуцианства.....	23
Нагорный И.А. Модально-персуазивные частицы и субъектная перспектива односоставных предложений.....	29
Прокофьева В.Ю., Прончатова Е.Г. Гендерный аспект рекламного хронотопа: лексический уровень текста.....	37
Седых А.П., Сосоенко С.С. Языковая и спортивная картины мира.....	44
Семенов Г.Н. Абсолютные причастные предложения в ранненовоанглийском языке: социолингвистический аспект.....	49
Соколова Я., Корина Н. Б. «Центризмы» в лексическом пространстве языка.....	55
Ужегова С.О. Внутритекстовые коммуникативные отношения в ранних рассказах А. П. Чехова.....	61
РАЗДЕЛ II. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ПРАГМАТИКА	
Керимов Р.Д. Климатические метафоры в немецком политдискурсе (лингвокогнитивный аспект).....	68
Огнева Е.А. Концепция интерпретации архитектоники текстового когнитивного сценария.....	75
Озерова Е.Г., Потиль Н.В. Когнитивные аспекты апперцепции памяти.....	88
Besedina I.G. The cognitive low-dynamic script in the novel E.R. Burroughs «PRINCESS OF MARS».....	94
РАЗДЕЛ III. ЭТНОЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ	
Багана Ж. Особенности функционирования вопросительных слов в языке киконго.....	99
Гренарова Р. Простые устойчивые сравнения с названиями предметов из неживой природы и с союзом КАК – ЯКО в чешском и русском языках.....	104
Ляшенко И.В. Этнические прозвища украинцев в российской и украинской блогосферах.....	110
Панасенко Н., Варечкова Л., Ручкова Г. Средства стилистической морфологии в русских, украинских и словацких народных песнях.....	120
Сташко Г.И. Особенности американской фольклорной песни.....	131
РАЗДЕЛ IV. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД	
Юзефович Н.Г. Русскокультурный субстрат в англоязычном интерлингвокультурном произведении: переводческие сложности.....	137
Budykina V.G. The role of electronic dictionaries in language acquisition, translation, and intercultural communication.....	144

SECTION I. METHODOLOGY
OF SYSTEM RESEARCH LANGUAGE

Vasilenko A. P. The main documents of language personality (based on the literary character).....	4
Vorkachev S. G. Bydl'it'-bydl'et': herpes in lexical system	11
Guzii T.N. The christian worldview of ancient anglo-saxons.....	16
Ivanchenko N.V. Specific features of confucianism discourse.....	23
Nagornyy I. A. Modal-particle persuasiveness and subjective perspective mononuclear offers.....	29
Prokofyeva V. Y., Pronchatova E. G. Gender aspect of the advertising chrnotope: the lexical level of the text.....	37
Sedykh A.P., Sosenko S.S. Language and sport picture of the world.....	44
Semenenko G.M. Absolute participial clauses in early modern english: a sociolinguistic study.....	49
Sokolová J., Korina N. B. 'Centrisms' in the lexical space of language.....	55
Uzhegova S.O. Intratextual communicative relations in early stories of A. P. Chekhov.....	61
SECTION II. COGNITIVE LINGUISTICS AND PRAGMATICS	
Kerimov R.D. Climatic metaphors in the german political discourse (linguistic cognitive aspect).....	68
Ogneva E.A. The concept of interpreting the textual cognitive script architectonics.....	75
Ozerova E.G., Popil N.V. Cognitive aspects of memory apperception.....	88
Besedina I.G. The cognitive low-dynamic script in the novel E.R. Burroughs «PRINCESS OF MARS».....	94
SECTION III. ETHNOLINGUISTICS AND CULTURAL LINGUISTICS	
Baghana J. The characteristics of functioning of interrogative words in the kikongo language.....	99
Grenarová R. Simple fixed comparisons with the names of objects of inanimate nature and with the conjunction как-яко in czech and russian languages.....	104
Lyashenko I.V. Ethnic nicknames for ukrainians in russian and ukrainian blogospheres.....	110
Panasenko N.I., Varečková L., Ručková G. The means of stylistic morphology in russian, ukrainian and slovak folk songs	120
Stashko G.I. Some aspects of the american folk song.....	131
SECTION IV. INTERCULTURAL COMMUNICATION AND TRANSLATION	
Iuzefovich N.G. Russia's substratum in english interlanguacultural text: translation challenges.....	137
Budykina V.G. The role of electronic dictionaries in language acquisition, translation, and intercultural communication.....	144

РАЗДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'233 + 801.73

Василенко А. П.

Основные документы языковой личности (на примере литературного персонажа)

АННОТАЦИЯ

Языковая личность – это сложившийся способ существования индивидуума в пределах лингвокультурной среды. Автор статьи демонстрирует довольно известные критерии, называя их основными документами, или параметрами, по которым происходит идентификация языковой личности. Эти параметры отражаются в условно называемом документе, свидетельствующем о языковой оснащённости собеседника, его языковой мобильности и компетентности. Роль документа в таком случае выполняют, как считает автор статьи, две формы существования естественного языка – письменная и устная.

Те или иные особенности применения языкового инструментария отдельно взятым индивидуумом дают возможность говорить о специфике языкового мышления, об особенностях алгоритмического построения высказывания и, как результат, последующих предпринимаемых или планируемых речевых или физических действиях.

Автор статьи приходит к выводу о том, что фундаментальные позиции устной и письменной форм общения для языковой личности оказываются одинаковыми. И в том, и другом случае индивидуум проявляет системность в мышлении, готовность к ответной коммуникативной реакции, умение выбирать подходящий языковой материал, а также умение оперировать языковыми данными в целом.

Ключевые слова: языковая личность; анализ текста; документ; диалогическая речь; монологическая речь; устная речь; письменная речь.

Vasilenko A. P.

The main documents of language personality (based on the literary character)

АБСТРАКТ

Language personality is a mode of existence in the linguistic and cultural environment. The author demonstrates a fairly well-known criteria, calling them the basic documents, that result in the identification of language personality. These settings are reflected in the conventionally called document demonstrating the language equipment, mobility and competence of the person. The role of the document is played by two forms of the natural language – written and oral.

Linguistic tools provide an opportunity to talk about the specifics of language thinking, algorithmic construction of statements and, as a result, undertaken or planned speech or physical actions.

The author comes to the conclusion that the fundamental positions of the oral and written forms of communication are the same for a language personality. In both cases the individual shows consistency in thinking, willingness in communicative reactions, ability in choosing suitable language material.

Key words: language personality; text analysis; dialogic speech; monological speech; speaking, writing.

Языковая личность – это человек или персонаж, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определённой целевой направленностью (например, [2, с. 235]). В свою очередь, письменная и устная форма как основные формы существования языка являются благоприятным полем для лингвистической самореализации личности.

В этой связи познавательным является язык в его двух ипостасях – письменный и устный: письменный, который можно рассмотреть в роли начертанного (документального, запротоколированного подтверждения) свидетельства речевой деятельности индивида, устный – в виде различных форм словесного обмена информацией.

Тут же возникает вопрос, относительно того, что изложено в заглавии статьи: о каких документах языковой личности идет речь? И почему именно *документы*? Ответ, стоит полагать, достаточно прост: документ – это, прежде всего (и в общем плане), один из способов идентификации материального объекта во времени и пространстве. В качестве такой идентификации можно предложить основные пути самопредъявления (подачи себя перед другими) для носителя любой языковой системы, а именно: умение писать (или письменный документ) и умение говорить (или документ устный).

Итак, *документ* как термин в формате данной статьи обозначает многопрофильную языковую компетентность собеседника, которая становится очевидной в ходе лингво взаимодействия с этим индивидуумом в устном и/или письменном режиме, а результатом такого взаимодействия становится общая картина *языковой личности* искомого собеседника.

1. Письменный документ

Письменный документ и способы его оформления реализуются большим жанровым своеобразием. Это не только приказы, распоряжения, декреты и законы, но и различные объявления, заявление, объяснительные, открытки, записки, компьютерная переписка, граффити, рукописный журнал, гравировка, дневники, альбомы, записи на

доске, шпаргалки, конспекты, контрольные работы, сочинения, изложения, черновики, журналы дежурств, книги отзывов и предложений, записные книжки, еженедельники, расходные записи, планы, тетради рецептов, заговоры, молитвы и многое другое (перечень из: [4, с. 4 – 11]).

Вполне очевидно, что данные документы можно как увидеть (прочитать самому), так и услышать (узнать из уст другого). Поэтому рассмотрим такую двойную подачу – *зрительную* и *слуховую* – и зададимся вопросом, есть ли существенная разница между формой подачи документа и его содержанием.

В нашей статье разберём языковую личность на примере Фантомаса в лице главного героя серии детективных романов Марселя Аллена и Пьера Сувестра, а в качестве документа обнаружим некоторые приёмы оформления письменного свидетельства, отражающие персональный набор эмоционально-волевых качеств и поведенческих особенностей упомянутого персонажа.

1.1. Зрительная подача документа

Действие происходит в Руайяль-Палас-Отеле поздним вечером. Апартаменты княгини Сони – одна из именитых и значительных постоялиц, обладательница огромного состояния.

Во время принятия ванны дама вынуждена общаться с неизвестным, который проник в её номер. Благородное воспитание княгини не позволяет ей позвать на помощь – она в ванной комнате без одежды. После ухода непрошеного гостя Соня обнаруживает в ящике письменного стола вместо бумажника только визитную карточку таинственного грабителя.

Comme elle reprenait ses sens peu a peu, la princesse, quasi fascinée, regarda encore le bristol et cette fois ses yeux hagards s'agrandirent d'imesurément: sur la carte, jusqu'alors et d'une blancheur immaculée, se précisèrent peu a peu des signes, des lettres, et la princesse lut: «Fan... tф... mas!» (букв.: Начав понемногу приходить в себя, княгиня, словно зачарованная, опять посмотрела на визитную карточку, и на этот раз блуждающие глаза широко раскрылись: на карточке, до этого абсолютно белой, проявлялись понемногу знаки, буквы, и княгиня причитала: Фан... то... мас!) [5, с. 223].

Данный письменный документ (визитная карточка) содержит имя вымышленного героя, хорошо известного широкому кругу населения (согласно детективному сценарию). Следуя нормам изложения подобного рода информации, как правило, любая визитка содержит ряд устойчивых основных данных о её владельце, т.е. ФИО, название организации, номера телефонов, адрес, должность.

В нашем случае владелец (Фантомас) данного письменного документа ограничился только написанием своего псевдонима, что, с точки зрения Фантомаса, должно являться необходимым и достаточным объемом сведений для тех лиц, которые, с одной стороны, занимаются расследованием его преступлений (*полиция*), и тех, которые пострадали от его желаний, действий, целей (*жертва*).

Данный письменный документ выполнен в форме трехэтапного силлабического представления и набран посредством дистантного межслогового интервала с одновременным постпозиционным инкорпорированием многоточия на исходе первых двух слогов.

Также в документе графически представлена разновидность декламационного приёма скандирования, при котором акцентируется метрическое представление строки (по схеме звучания фонем 3 – 2 – 3) посредством градации нарастания, разворачивающей знакомый и наводящий страх звуковой комплекс – *Фантомас*.

Есть основания полагать, что в рамках отображения скандирования на письме многоточие может быть рассмотрено как неполная реализация стилистической фигуры *умолчание*, а сам автор умолчания (Фантомас) дает читателю (герою) возможность индивидуально поразмыслить над происходящим, хотя в самом начертании *Fan... tф... mas!* уже содержится фоновая информация, которая доступна пострадавшим или следователю, а именно: 1) причастность к ситуации имеет Фантомас; 2) личность опасная, неуловимая; 3) все совершаемые преступления остаются безнаказанными и нераскрытыми в силу отсутствия улик, либо отсутствия самого исполнителя; 4) Фантомас всегда скрывается под маской какого-нибудь человека и за очень короткий промежуток времени меняет эти маски по мере необходимости.

1.2. Слуховая подача документа

Из психиатрической клиники выписывают мадам Ромбер. В это же время в клинику из Дании приезжает якобы профессор Свилдинг (переодетый Фантомас). В круг профессиональных интересов прибывающего псевдопрофессора входят люди с диагнозом, как у мадам Ромбер, поэтому учёный пристально изучает таких пациентов, а по результатам исследований публикует научные статьи. Из диалога врачей клиники узнаём о письме, который Фантомас заранее отправил на их служебный адрес:

– *Le professeur danois?... c'est ce matin qu'il vient?* (букв.: Профессор из Дании?... Сегодня утром приезжает?)

– *Il parait...* (букв.: Похоже)

– *Je croyais qu'il avait publié quelque chose, l'an dernier...* (букв.: Мне кажется, что он уже публиковался в прошлом году...)

– *C'est-à-dire que dans sa lettre, il faut allusion à l'un de ses livres: Recherches cliniques sur l'idéontologies des imaginatifs surexcités...* (букв.: Да, в его письме упоминается одна из его работ: «Клинические исследования по идеонтологии чрезмерно впечатлительных»...) [5, с. 246].

При составлении письменного документа, не представленного фактически (зрительно), а лишь упоминаемого на страницах детективного романа (на слух), даётся название действительно существующей книги, написанной реальным человеком, которого искусно интерпретирует Фантомас. Ставка делается на профессиональный интерес: чтобы выглядеть правдоподобным в глазах окружающих врачей, Фантомас в своем письме намекает на известный в определённых кругах научный труд.

Название научной работы соответствовало диагнозу мадам Ромбер. Зная психологию видных врачей, которые в большинстве своём предпочитают хвалиться своими достижениями, Фантомас сделал ставку на то, что ему, тоже крупному учёному в области психиатрии, обязательно покажут мадам Ромбер как пример положительной динамики лечения, а Фантомас им докажет так необходимый ему обратный факт: мадам Ромбер безнадежно больна. Расчёт оказался верен.

В рассматриваемой ситуации речь идёт об эпистолярном жанре, который можно причис-

лить к разновидности оформления письменного документа. Внедрение в переписку элементов научного стиля (в нашем случае – формулировка названия публикации с использованием составляющих терминосистемы), которые расцениваются как стилистический приём *аллюзия*, сужает компетентностный подход в организации и ведении рассматриваемой корреспонденции, делает корреспонденцию более целенаправленной и целеполагающей в адресном исполнении.

Эти и другие случаи способов оформления письменного документа от лица Фантомаса экспонируют лаконичность, представлены по-разному графически, но одинаково характеризуются строгой предметной формулировкой с опорой на знание фоновой информации участниками ситуации общения, что, в рамках отображения языковой личности на письме, говорит о человеке, умеющим понимать суть дела.

2. Устный документ

Под понятие *устный документ* можно подвести способность (врожденную или приобретенную) индивида принимать непосредственное участие в коммуникативных актах. Широко известно, что основными формами коммуникативного акта является диалогическая и монологическая речь.

2.1. Диалогическая речь

Действие разворачивается на платформе железнодорожного вокзала. Этьен Ромбер (он же – Фантомас) занимает одно из пустых купе в вагоне первого класса, где появляется начальник поезда (*chef de train*). Между ними завязывается разговор: есть два поезда, разница у которых во времени отправления составляет 5 минут, а во времени прибытия – 3 часа. Этьен Ромбер предпочел поезд, который прибывает позже.

М. Etienne Rambert: – *Le train de huit heures quarante-cinq, questionna M. Rambert, c'est bien l'express, n'est-pas?* (букв.: – Поезд на 8.45? – спросил месье Ромбер, это же экспресс, неправда ли?).

Chef de train: – *Oui, rйpondit l'employй, il est direct et ne s'arrkte pas comme celui-ci a toutes les petites stations... il le prйcude et arrive avec plus de trois heures d'avance a Luchon... c'est le convoi que vous voyez a cftй...* (букв.: – Да, – ответил рабочий, он – прямой и не останавливается как

вот этот на маленьких станциях... он его опережает и прибывает на три часа раньше в Лущон... Вот этот состав Вы можете видеть там).

Chef de train continua: – *D'ailleurs, si monsieur veut le prendre, il a encore le temps; monsieur a parfaitement le droit de choisir entre les deux trains, puisqu'il a un billet de premiere classe...* (букв.: – Впрочем, если господин желает ехать в этом поезде, время еще есть; хотя господин имеет полное право выбрать один из этих поездов, поскольку у вас билет первого класса...)

М. Etienne Rambert: – *Non!... je prйfure prendre l'omnibus... Avec l'express, il faudrait que je descende a Brive et j'aurais vingt kilometres a faire pour atteindre Saint-Jaury, le bourg ouц je vais...* (букв.: – Нет!... я предпочитаю ездить на пассажирском поезде... На скором поезде, надо было тогда мне сойти в Бриве и пройти двадцать километров, чтобы попасть в Сент-Жори, местечко, куда я направляюсь...) [5, с. 143].

В данном примере использованы синтаксические структуры, которые отличаются своей семантической крупноблочной определенностью: определенность решения (*Non!* – букв.: Нет!), определенность выбора (*je prйfure prendre l'omnibus* – букв.: Я предпочитаю пассажирский поезд) и определенность в аргументации выбора (*j'aurais vingt kilometres a faire* – букв.: мне пришлось бы пройти 20 км).

Каждую реплику авторы детективного романа завершают многоточием, которое, как представляется, призвано обозначить паузирование (временной интервал) между актами вербализации мыслей. Данный факт свидетельствует о неспешном, расчетливом, взвешенном решении, о системности и в его принятии, и, наконец, об аналитическом подходе к действиям. Представим запись внутренней алгоритмической переработки информации: 'нет (пауза) – лучше другое (пауза) – потому что (пауза)', – вот основная когнитивная (операционно-мыслительная) модель приведенного примера.

Итак, лексико-синтаксическая емкость – главная черта данного диалогического представления речи Фантомаса, – иначе говоря, краткость и аргументированность высказывания.

2.2. Монологическая речь

В примере рассматривается несколько реплик Фантомаса, которые употребляются последовательно в рамках одной ситуации.

Действие происходит в вагоне поезда в ночное время суток, когда все спят крепким сном. В одном из купе вагона находится управляющий Доллон. По просьбе комиссара Жюва управляющий должен приехать в Париж и передать комиссару обрывок географической карты, найденной в районе замка маркизы Лангрюн. Остальную часть карты Жюв уже обнаружил в квартире мсье Гарна, или человека, который под маской Фантомаса совершает преступления.

Намерение Фантомаса заключается в том, чтобы изъять обрывок карты и избавиться от ненужного свидетеля, поэтому злоумышленник пристраивается четвертым в купе, где спит управляющий, оставляет там сумку с бутылью жидкого углеводорода (средство для усыпления) и уходит. По истечении некоторого времени (когда все спят непробудным сном), Фантомас возвращается, обменивает обрывок карты на другой, а свидетеля выбрасывает на рельсы перед приближающимся поездом.

Arriv  dans le couloir, le myst rieux voyageur ne retenait point un soupir de satisfaction. Tirant un cigare de sa poche, il l'allumait. (букв.: Зайдя в коридор, странный путешественник даже сдерживал себя от вздоха удовлетворения. Вытянув сигару из кармана, он закурил.)

Fant mas: – *Ouf! r p ta-il encore; jusqu'ici les choses marchent merveilleusement et je peux me f liciter de profiter du plus utiles des concours de circonstances... Je maudissais tout a l'heure cette temp te abominable, elle me sert a merveille... Il est bien  vident que par un temps pareil, il ne peut venir a l'id e de personne d'ouvrir les fen tres.* (букв.: – Ух! – повторил он еще раз, – до сих пор все шло хорошо, и я могу себя поздравить с тем, что воспользовался сложившимися обстоятельствами... Я недавно проклинал эту отвратительную непогоду, а она сыграла мне на руку... Вполне очевидно, что из-за такой погоды никому не придет в голову открыть окна.)

Il se promenait de long en large, v rifiant, de minute en minute, l'heure de sa montre. (букв.:

Он прогуливался взад и вперед, проверяя время на часах.)

Fant mas: – *Je n'ai point trop de temps, se dit-il, il importe que je me d p che, ou mon individu ratera son train!* (букв.: – У меня не так много времени, – сказал он, – мне надлежит поторопиться, иначе мой субъект опоздает на свой поезд!).

Il v rifie encore l'heure a sa montre et ajouta: (букв.: Еще раз он проверил время на своих часах и добавил:)

Fant mas: – *Le diable, c'est que les cas de cauchemars sont fr quents en pareille circonstance... ce serait terrible!* (букв.: – Черт, именно кошмарные случаи случаются в подобных обстоятельствах...это должно быть ужасно!) [5, с. 310].

На этом примере необходимо разобрать несколько реплик Фантомаса.

В монологической речи, с точки зрения синтаксиса, реплики Фантомаса в большинстве своем состоят из сложносочиненных предложений, которые можно разбить на простые двусоставные предложения, строго организуемые по следующей структурной модели: подлежащее – сказуемое – дополнение: *mon individu ratera son train!* (букв.: мой субъект опоздает на поезд!), *jusqu'ici les choses marchent merveilleusement* (букв.: до сих пор все шло хорошо). Также наряду с этим встречаются инфинитивные структуры, например: *je peux me f liciter de profiter du plus utiles des concours de circonstances* (букв.: я могу себя поздравить с тем, что воспользовался сложившимися обстоятельствами).

В монологической речи присутствуют выделительные конструкции типа *c'est...que, ce sont (c'est que les cas de cauchemars sont fr quents en pareille circonstance* – букв.: именно кошмарные случаи случаются в подобных обстоятельствах, *ce serait terrible* – букв.: это должно быть ужасно), которые служат для обособления. Как представляется, использование данных конструкций позволяет интонационно выделить коммуникативный центр высказывания.

Все три реплики Фантомаса, как и в случае с диалогической речью, имеет свою строгую алгоритмическую модель.

Первая реплика можно представить в виде следующей когниции: результат проделан-

ной работы (*Ouf! rûpûta-il encore; jusqu'ici les choses marchent merveilleusement et je peux me fûliciter de profiter du plus utiles des concours de circonstances...*) – анализ погодных условий (*Je maudissais tout a l'heure cette tempkte abominable, elle me sert a merveille...*) – вывод (*Il est bien ûvident que par un temps pareil, il ne peut venir a l'idûe de personne d'ouvrir les fenktres.*).

Следующая реплика: прогнозирование времени (*Je n'ai point trop de temps, se dit-il,*) – прогнозирование деятельности (*il importe que je me dûркche,*) – прогнозирование результата (*ou mon individu ratera son train!*).

Последняя реплика: констатация факта (*Le diable, c'est que les cas de cauchemars sont frûquents en pareille circonstance...*) – характеристика факта (*ce serait terrible!*).

Приводя такое достаточно строгое ограничение документального свидетельства для носителя языка, следовало бы, однако, упомянуть следующее. Дело в том, что устная подача языка со стороны говорящего сопровождается также невербальными средствами информации (мимика, жесты, поза и т.п.), а если говорить о письменном языке – это, например, почерк – тоже немаловажный источник его обладателя. Поэтому паралингвистическая характеристика языковой личности (*сказал, ухмыльнулся, вздрогнул, кивнул, зевнул* и т.п.) также имеет место быть как прием изучения индивида. Но, большей частью, паралингвистика сопровождает основные документы (письменная речь, устная речь),

являясь их составной и (что важно!) неотъемлемо сопутствующей частью (поскольку жест накладывается на слова, дополняя их), нежели способна обособляться, организуя независимый информативный пласт (т.к. жест вне коммуникативного контекста представляется малозначимым).

Таким образом, принципы документального подтверждения языковой компетенции напрямую связаны не только с существующими системными языковыми правилами и нормами, но и могут стать свидетелем реализации и самой языковой личности автора этого документа.

Различные формы подачи документа (письменного или устного) существенно не сказываются на его содержании, в одинаковой мере могут глубоко иллюстрировать языковую личность (его создателя), которая, в любом случае, не лежит на поверхности, а вскрывается путём гипотетико-дедуктивного метода познания предлагаемой ситуации.

Устная и письменная речь (документ), являясь ведущими приёмами иллюстрации языковой личности, несмотря на неоднородность своего материального выражения, может использовать экономию слов, которая в равной степени прямо пропорциональна их информативной насыщенности. Используемые стилистические приёмы в письменной и устной речи также в одинаковом объеме ориентируют интерпретатора на свою собственную широту суждения и обстоятельность умозаключения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик В. И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики // Известия ВГПУ, 2011. Т. 62. № 8. С. 109-115.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
3. Козырев В. А., Черняк В. Д. Языковое образование и языковая личность // Вестник Герценовского университета, 2008. № 1. С. 30-36.
4. Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического

исследования // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. Барнаул, 2001. № 1. С. 4-11.

5. Строев А.Ф. Арсен Люпен и Фантомас. М.: Радуга, 1989. 397 с.

6. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. М.: Прогресс, 1999. С. 58-92.

7. Шахнарович А. М. Языковая личность и языковая способность // Язык - система. Язык - текст. Язык - способность: Сб. ст. М., 1995. С. 213-223.

8. Campbell R., Wales R. The Study of Language Acquisition // New Horizons in Linguis-

tics / J. Lyons (ed.). Harmondsworth: Penguin, 1970. Pp. 242-262.

9. Coates J. Language, gender and cancer // Language and gender: interdisciplinary perspectives / S. Mills (eds.). New-York, 1995. Pp. 13-30.

10. Hacker W. Perceptions of and Reactions to Work Situations: Some Implications of an Ac-

tion Control Approach // Toward a Psychology of Situations: An Interactional Perspective / ed. D. Magnusson. Hillsdale, 1981. Pp. 115-117.

11. Kardiner A. Individual and his Society. New York, 1939. P. 12.

12. Lado R. Linguistics across cultures. Ann Arbor, 1958.

REFERENCES

1. Karasik V.I. Language Personality as an Object of Anthropological Linguistics // Izvestia VGPU, 2011. V. 62. № 8. Pp. 109-115.

2. Karaulov Yu.N. The Russian Language and Language Personality. M.: Nauka, 1987. 262 p.

3. Kozyrev V.A., Chernyak V. D. Language Education & Language Personality // Vestnik Gertsen University, 2008. № 1. Pp. 30-36.

4. Lebedeva N.B. Natural Russian Written Speech as an Object of Linguistic Research // Vestnik BGPU: Human Sciences. Barnaul, 2001. № 1. Pp. 4 - 11.

5. Stroyev A.F. Arsine Lupin & Fantomas. M.: Raduga, 1989. 397 p.

6. Whorf B.L. The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language // Foreign Linguistics. M.: Progress, 1999. Pp. 58-92.

7. Sakhnarovich A. M. Language Personality & Language Ability // Language – System. Lan-

guage - Text. Language - Ability: collected articles. M., 1995. Pp. 213-223.

8. Campbell R., Wales R. The Study of Language Acquisition // New Horizons in Linguistics / J. Lyons (ed.). Harmondsworth: Penguin, 1970. Pp. 242-262.

9. Coates J. Language, Gender and Cancer // Language and Gender: Interdisciplinary Perspectives / S. Mills (eds.). New-York, 1995. Pp. 13-30.

10. Hacker W. Perceptions of and Reactions to Work Situations: Some Implications of an Action Control Approach // Toward a Psychology of Situations: An Interactional Perspective / ed. D. Magnusson. Hillsdale, 1981. Pp. 115-117.

11. Kardiner A. Individual and his Society. New York, 1939. P. 12.

12. Lado R. Linguistics across cultures. Ann Arbor, 1958.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ:

Василенко Анатолий Петрович

профессор кафедры французского языка, доктор филологических наук

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

ул. Бежицкая, дом 14, Брянск, 241036

Россия

E-mail: a.p.vasilenko@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Vasilenko Anatoly Petrovich

Doctor of Philology, Professor
Department of the French Language

Academician I.G. Petrovsky Bryansk
State University

14 Bezhitskaya St., Bryansk, 241013, Russia

E-mail: a.p.vasilenko@mail.ru

УДК 800; 801

Воркачев С. Г.

**«Быдлить-быдлеть»:
герпес в лексической системе**

АННОТАЦИЯ

Рассматривается речевое употребление глагольной пары быдлить-быдлеть. Устанавливается, что быдлить здесь реализует признаки производящего имени, относящиеся к поведенческим, социально-статусным и моральным характеристикам личности, а глагол быдлеть наследует признаки «управляемость» и «стадность».

Ключевые слова: быдлить; быдлеть; словообразовательная модель; семантика.

Vorkachev S. G.

***Bydl'it'-bydl'et':
herpes in lexical system***

АБСТРАКТ

The article covers the speech usage of the verbs *bydl'it'* and *bydl'et'*. It is established that *bydl'it'* here realizes the semantic features of its producing name relevant to behavior, social and moral characteristics of personality, and *bydl'et'* inherits such its features as submissiveness and gregariousness.

Key words: *bydl'it'*; *bydl'et'*; word building model; semantics.

Словарный запас национального языка, как известно, пополняется двумя основными путями: через заимствования из других языков и за счет собственных резервов – через словотворчество. Новообразования, как правило, появляются на периферии лексической системы языка: в разговорной речи – жаргонах и сленге, уж затем через язык СМИ движутся к её центру – основному лексическому фонду.

Полузабытое и диалектное слово «быдло», некогда заимствованное в восточно-славянские языки из польского в значении «крупный рогатый скот» (см.: [7, т. 1, с. 258]) в начале 21-го века внезапно обрело новую жизнь и в качестве словообразовательной основы

породило несметное количество дериватов и даже превратилось в квазиприставку (см.: [3, с. 16; 4, с. 263]). Среди этих производных особый интерес представляет глагольная пара «быдлить-быдлеть», в толковых словарях русского языка пока не зафиксированная, однако достаточно активно функционирующая в разговорной речи и в Рунете – чатах и блогах.

Глагол *быдлить* образован по вполне продуктивной модели от основы имени существительного *быдло*. Глаголы этого типа, особенно при наличии префиксов, чаще всего имеют переходное значение (см.: [2, с. 435]) и означают действие, имеющее отношение к значению существительного (см.:

[6, с. 230]), а ударение в них падает либо на суффикс, либо на последний слог именной основы (см.: [2, с. 436]). Соответственно, в приставочном исполнении он выглядит как *обыдлить* кого-либо, – *превратить в быдло: Гламур по-русски!!! Всё ли мы способны обыдлить? (Рунет); Не дадим нас запугать и окончательно обыдлить!* (Рунет).

Подобно многочисленным глагольным образованиям разговорной речи, принимающим новое метафоризированное значение с утратой прямообъектной валентности (*зажигать* = *веселиться*, *темнить* = *вводить в заблуждение*, *скрывать что-либо*; *тупить* = *не понимать что-либо или делать вид, что не понимаешь* и др.), глагол *быдлить* означает *вести себя как быдло*.

Глагол *быдлеть* образован по модели, продуктивной, главным образом, для производства непереходных глаголов от основы имени прилагательного в большинстве случаев в форме компаратива: *светлее* – *светлеть*, *темнее* – *темнеть*, *глупее* – *глупеть*, *хитрее* – *хитреть* и пр. (см.: [2, с. 243]). Подобные глаголы обозначают «становиться, казаться, быть таким, какого обозначает производящее имя прилагательное» [2, с. 436]. Модель образования глаголов этого типа от основы имени существительного малопродуктивна и ограничивается именами оценочно-кваликативной семантики: *хам* – *хаметь*, *дурь* – *дуреть* и пр., результирующий глагол означает «приобретать признак того лица или предмета, которые названы мотивирующим существительным» [6, с. 243].

Слово *быдло* представляет собой аксиологически окрашенный субъектно-позиционный вариант имени лингвоидеологемы *народ*, а лингвоидеологема – это прагматически маркированная разновидность лингвокультурного концепта, в семантике которой представлено мировоззренчески обусловленное отношение субъекта к денотату.

Одним из конкурентных преимуществ термина «лингвокультурный концепт», как установлено, является его представленность в плане выражения всей совокупностью лексических (и не только) единиц соответствующего тематического поля. Ядро же выразительных средств лингвокультурного концепта представлено суммой частеречных дериватов его имени, в семантике которых реализуются семантические признаки этого концепта.

Эти признаки рассредоточены в употреблении частеречных производных имени лингвокультурного концепта и воссоздание по ним полной семантической модели этого концепта можно назвать его «палеонтологией».

Из трех, выделяемых в русских толковых словарях лексико-семантических вариантов лексемы *быдло* (см.: [3, с. 17–19]) – одного прямого (*рабочий/рогатый скот*) и двух переносных (*презрительное название крестьян помещиками* и *о тупых, безвольных людях, покорных насилию; о людях, духовно неразвитых, тупых, покорно подчиняющихся чужой воле и проводящих жизнь в тяжёлом, изнурительном труде на кого-либо; символ покорности, тупости, ограниченности, стадности мышления, поведения*), – в семантику глаголов *быдлить-быдлеть*, как и можно было ожидать, переходит последнее, морально-оценочное, связанное с отрицательной оценкой чьих-либо личностных свойств.

Наблюдения над речевым использованием слова *быдло* в Рунете (см.: [3, с. 19–23]) и в текстах Национального корпуса русского языка (см.: [4]) позволяют выявить более полусотни семантических признаков, из которых лишь два – *управляемость* и *стадность* – выводимы непосредственно из прямого значения быдла и представляются существенными и дефиниционно значимыми, в то время как все прочие имеют «добавленный» характер, из прямого значения не выводятся и являются дополнительными.

БЫДЛИТЬ. На сегодняшний день акцентная и объектная формы этого глагола еще не устоялись. Так, если «Викисловарь» (см.: [1]) приводит форму с ударением на основу – *быдлИть* (видимо, по аналогии с приставочным *о'быдлИть*), то в речи «пользователей» этого глагола встречается преимущественно форма с ударением на суффикс – *быд'лИть*. Что касается объектной формы, то он может употребляться и прямообъектно (*А может хватИть быдлИть людей?* – Рунет; *Да! Давайте теперь быдлИть хохлов!* – Рунет), и с предложным объектом (*Представитель разработчика быдлИт на профильное СМИ* – Рунет), и даже в страдательном залоге (*А может им самим хватИть быдлИться?* – Рунет).

В то же самое время наиболее частотным в речи выступает непереходное употребление этого глагола в безобъектной форме: *Очень жалко девушек и женщин, которые*

едут по утрам в маршрутке № 19. Мало того, что водитель частенько быдлит, но и сам транспорт не оборудован стойками, чтобы комфортно ехать стоя (Ва-БанкЪ в Краснодаре, 19.01.2013); Если Вы – нормальный человек, который приехал не быдлить, а просто отдохнуть, понаслаждаться жизнью, происходящим вотокруг, если Вы сами добрый и открытый душой человек и настроены на хороший отдых – то Вам этот отель понравится так же, как и нам! (Рунет); Российские чиновники продолжают быдлить на дорогах (Рунет); Вчера был в Тики баре – охрана быдлит, алкоголь разбавляют, особенно заметно по водке, больше туда не пойду (Рунет); Нат, все он прекрасно понимает, его врач предупредила, да и я говорила, спрашивала перед терой о его готовности к самому худшему, сказал что готов. Быдлит он иногда, натура у него такая (Рунет); Я на позитиве и не готов быдлить («Чё ты паришься», АК-47).

Быдлить толкуется и понимается как вести себя нагло, агрессивно, по-хамски (см.: [1]): Быдлить – в разных смыслах используется. Бычить всегда кого-то (ну насколько я слышала), быдлить на кого-то, или просто быдлить, самому по себе, раздражаться, вести себя агрессивно или просто громко, бурчать – все вместе (Рунет). Как можно видеть, базовые, дефиниционные признаки имени быдло – управляемость и стадность – в семантике производного глагола отсутствуют, а сам он частично синонимизируется по «животной» ассоциации с глаголами бычить и быковать приблизительно в том же значении (ср.: бычить – разг. вести себя или говорить с кем-либо агрессивно, грубо, дерзко, на повышенных тонах – [1]; бычить – разговаривать о чем-либо на повышенных тонах; быковать – беспричинно нападать на других, быть агрессивным по отношению к кому-либо – [5, с. 52]: Они мгновенно понимали свою неправоту и быковать больше не пытались (Солдат удачи, 2004.04.07); А если ты быковать приехал, так я тебе кольцо в нос продену, реально говорю (Пелевин); Так что ты это... Готов будь, а то ты у нас нежный... А вот если я бычить начну, орать там, замочу тебя еще... Вот проблема, понял? (Глуховский); И вот еще что: не надо бычить на тетку за попытку отпороть от одежды твои супермодные пуговицы (Хулиган, 2004.07.15).

В речевом употреблении этого глагола реализуются, главным образом, другие, дополнительные и метафоризованные, признаки производящего имени, относящиеся к поведенческим и социально-статусным характеристикам личности, к её моральным качествам. Признаки эти раскрываются преимущественно в соответствующих лексических контекстах.

Чаще всего в речевом употреблении быдлить реализуются признаки, связанные с отрицательной оценкой общих социально-культурных поведенческих черт личности – хамство, грубость, невежливость, невоспитанность, показушность, «разговор матом»: Диспетчер – быдлит, и грубо разговаривает. В частности, сразу предложила позвонить в другое такси (Рунет); Пирожок быдлит, у меня хавает, дышит как Дарт Вейдер, рыгает постоянно (Рунет); Он создает шоу (т. е. ругается, обзывается, быдлит – это его образ и этим он интересен), а новенькие все такие правильные, аж тошнит (Рунет); Не нужно мне тыкать и затыкать мне рот, потому что я ничего не нарушал на форуме. Нужно соблюдать правила приличия и корректно объяснять в чём причина, а не быдлить (Рунет); Сергей – быдловат... может быть – в последние несколько лет появилась такая черта. Когда стоишь между высшим руководством и конечными исполнителями, то мягким быть нельзя – съедят обе стороны – с одной стороны народ деньги трясёт, с другой выполненные работы. Приходится порой разговаривать и принимать решения жёстко... в общем быдлить (Рунет); Кто тупей? Если подросток где-то тупит и быдлит или всё же человек на 15-20 лет старше, опускающийся до такого же или даже ниже? Что разве 40-летняя баба, ругающаяся в Рунете с подростком никоим образом её не тронувшим, умная? При этом сами взрослые и образованные кроют матом на пустом месте, иногда даже желают смерти (Рунет).

Следом по частоте появления идет агрессивность: Я ходил на бокс год и получил норм техники – шел по улице тут 2 быдло появились ну начали быдлить один мне делает удар ну я их и положил двоих» (Рунет); Два брата Саркисян, взрослые мужики 45 и 43 года, выпустили 14 пуль из травмата в неизвестного гражданина. А тот в ответ сделал всего 2 выстрела, но из боевого пистолета, и завалил одного из Саркисянов. Лично я счи-

таю, что это очень поучительная история. Нефига быдлить, чувствовать себя безнаказано и тыкать свой пистолетик с резиновыми пульками (вдумайтесь 2 обложки выпустили) в незнакомых людей (Рунет); Оля сначала показалась мне нормальной, но сейчас тоже быдлит, лезет во все эти конфликты и по началу боялась Милу и Катрин (Рунет).

С такой же частотой отмечается «антиэлитарность» субъекта этого глагола – его низкий социальный статус, приближающийся к криминальному: Все правильно! есть мозги – пойдешь дальше, если нет, то останешься с 90% населения и будешь быдлить на весь белый мир! (Рунет); Я готов оставить его хоть премьером, хоть президентом, при выполнении следующих условий: 1. Первое и самое главное – он перестает быдлить и гонничать (Рунет); «Самая феерия была в конце, когда он начал быдлить как пацанчик из Бутово» (Рунет); Ирина Александровна отметила, что Леру все ребята просили стать леди и перестать быдлить, что она и попыталась сделать, но при этом явно «затухла», так что теперь просто не знает как быть и что делать дальше (Рунет).

И, наконец, отмечают бездуховность и «примативность» субъекта быдлить, запаралеленные с тупостью: Зачем возвращать на проект этого морального уродца? Что может дать проекту интересного и нового этот Самсонов? А Задойнов? Опять будут только на диванах лежать, жрать, быдлить и дедовщину устраивать, ничего интересного (Рунет); Чем труд от работы отличается? Если только ради денег, на которые потом тупо гламуриться и быдлить? (Рунет).

БЫДЛЕТЬ. Этот глагол употребляется исключительно в качестве непереходного и представляет собой речевой эквивалент префиксально-возвратной формы обыдливаться (ср.: Почему мы обыдлились и оскотинились? – Известия, 2010.08.10): Я тоже быдлом был, но два года назад завязал, а сейчас приходится работу менять и, скорее всего, опять быдлеть начну (Рунет); До какой степени люди будут быдлеть? (Рунет). Морфологически и семантически он аналогичен другому весьма употребительному в разговорной речи глаголу – тупеть, с которым часто появляется в одном синтагматическом ряду.

В отличие от своей пары – глагола быдлить – он полностью наследует от произ-

водящего имени базовые дефиниционные признаки последнего – «управляемость» и «стадность», которые чаще всего и реализует в речевом употреблении: Любая система образования способна сделать из вас раба, даже всеми почитаемая «советская». Она также изначально настроена на послушание, выполнение человеком определенных функций, решение типовых задач. В итоге всё зависит только от вас: быдлеть или не быдлеть? (Рунет); Да и народу не надо в угоду капиталистов ссучиваться и быдлеть: меньше смотреть Дом-2, проявлять гражданскую позицию, напоминать власти, что у народа по конституции есть право выбора и чиновники это казнокрады (Рунет); Да, нужны перемены, но лидеров я не вижу. И революций кровавых не должно быть. А лучше каждому из нас даже в быту проявлять себя человеком, не быдлеть, не заискивать (Рунет).

Из дополнительных, метафоризированных признаков быдла в речевое употребление быдлеть переходят, главным образом, «примативность» и «антиэлитарность».

Быдлеть отправляет к отсутствию у своего субъекта каких-либо духовных и интеллектуальных потребностей, животности, «примативности»: Просыпайтесь уже, все это временно, не будьте животными, оставьте хороший след в Русской истории, чтобы потомки гордились. Объединяйтесь во Христе, а не с кем попало. Сейчас особенно видно как зерна от плевел отделяются, будете пить и курить, да в Храм не ходить, своей головой не думать, а телевизор смотреть на радость врагу, быдлеть и тупеть, да уменьшаться, как в количестве, так и в качестве, все придатками иноверцев станете, на кого так равняться нас заставляют! (Рунет); По всей видимости картины, народ не одумается и будет дальше продолжать кайфовать (быдлеть, тупить, стерилизоваться, слабеть) (Рунет); Ну, это приводит к тому, что появляются бедные и богатые, но что заставляет людей быдлеть, не думать вообще ни о чём, кроме как потрахать, пожрать и бухнуть? (Рунет); Потом после армейки, парни приходят на голову сдвинутые, как будто из плена. Начинают спиваться и быдлеть, вместо того, чтобы быть гордостью отечества (Рунет).

Субъект быдлеть, как правило, принадлежит к общественным «низам», к безликой и

серой массе, лишен индивидуальности: 48-я гимназия, когда-то гордость новокузнецкого образования, почти элитарное (с интеллектуальной точки зрения) заведение... Так нет же, кому-то в Комитете образования и науки эта гимназия оскомину в глазах набивала! Там подумали, а давай-ка мы объединим её со школой №7! В результате и “большинство” до “сливок” недоучили (невозможно из болота тянуть бегемота), и “элита” начала потихоньку *быдлеть* (Рунет); Бывают такие ситуации, когда либо ты идешь в аспирантуру по известной (не “знакомой”, а просто известной), но не слишком теплой сердцу, тематике, либо ты идешь гулять мимо, тупеть и *быдлеть*, становясь “как все”» (Рунет).

Итак. Появление в разговорной речи глагольной пары *быдлить-быдлеть* – свидетельство продолжающейся словообразовательной экспансии лексемы *быдло*, ставшей

в последние годы чуть ли не «ключевым словом» Рунета.

Глагол *быдлить*, образованный по вполне продуктивной модели от основы имени существительного «быдло», означает поведение субъекта, имеющее отношение к значению производящей основы. Глагол *быдлеть* образован по малопродуктивной в современном языке модели от этой же основы и обозначает обладание качествами производящей основы.

Однако если в речевом употреблении глагола *быдлить* реализуются, главным образом, дополнительные признаки производящего имени, относящиеся к поведенческим и социально-статусным характеристикам личности, к её моральным качествам, – хамство, агрессивность, «примативность» и «антиэлитарность», то глагол *быдлеть*, наряду с дополнительными полностью наследует от производящего имени базовые дефиниционные признаки последнего – «управляемость» и «стадность».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Викисловарь URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki> (дата обращения: 15.09.2013).
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.-Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
3. Воркачев С. Г. «Быдло» как ключевое слово Рунета // Политическая лингвистика. № 3 (41). Екатеринбург, 2012. С. 16-26.
4. Воркачев С. Г. Феномен слова «быдло» по данным корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. № 2 (26), 2013. С. 263-271.
5. Левикова С. И. Большой словарь молодежного сленга. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. 923 с.
6. Шведова Н. Ю. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Астрель-АСТ, 2003.

REFERENCES

1. Wikidictionary <http://ru.wiktionary.org/wiki> (accessed: September 15, 2013)
2. Vinogradov V. V. Russian Language (Grammatical Study about the Word). Moscow-Leningrad: Uchpedgiz, 1947. 784 p.
3. Vorkachev S. G. “Bydlo” as Runet Key Word // Political Linguistics. № 3 (41). Ekaterinburg, 2012. Pp. 16-26.
4. Vorkachev S. G. The Word “Bydlo” Phenomenon after Corpus Linguistics Data // Language in Scientific Light. № 2 (26), 2013. P. 263-271.
5. Levikova S. I. The Great Dictionary of Youth Slang. Moscow: FAIR-PRESS, 2003. 923 p.
6. Shvedova N. Y. The Grammar of Modern Russian Literary Language. Moscow: Nauka, 1970. 767 p.
7. Vassmer M. Etymological Dictionary of Russian: in 4 v. Moscow: Astrel-AST, 2003.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ:

Воркачев Сергей Григорьевич
профессор кафедры научно-технического перевода,
доктор филологических наук
Кубанский государственный технологический университет
ул. Московская, 2, г. Краснодар, 350072
Россия
E-mail: svork@mail.ru; svork@kubstu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Sergey Grigorievich Vorkachev
Doctor of Philology, Professor
Department of Scientific and Technical Translation
Kuban State Technological University
2 Moskovskaja St., Krasnodar, 350072
Russia
E-mail: svork@mail.ru

УДК 811.111:39

Гузий Т. Н.

Христианская картина мира древних англосаксов

АННОТАЦИЯ

Современные работы в области лингвистики широко используют понятие картина мира и подтверждают, что это понятие многоаспектное, многогранное, до сих пор находится в стадии становления и развития, и что проблема отражения в сознании человека целостной картины мира, находящей свое выражение в языке, является одной из самых актуальных в современной лингвистике. Особенного внимания заслуживает изучение картин мира на основе памятников древней письменности, так как этот материал малоисследован, но является очень важным для воспроизведения целостной картины мира лингвосообществ. Существуют различные картины мира: языковые, концептуальные и др. Автор данной статьи исследует христианскую картину древних англосаксов, прослеживает особенности ее формирования в условиях распространения христианства среди германских племен, влияние языческой культуры на христианскую. На основе поэм древнеанглийского языка рассматривается христианская картина мира в системах пространства и времени. Пространственные представления включают в себя три уровня: Небо (Рай), Землю и Ад, а временные – связаны с религиозными представлениями древних германцев о создании и конце света.

Ключевые слова: картина мира; религия; язычество; христианство; англосаксы.

Guzii T.N.

The christian worldview of ancient anglo-saxons

АБСТРАКТ

Recent works in the field of linguistics are replete with the notion «worldview.» They demonstrate that this notion is multidimensional, multifaceted and is still in its formation and development. Besides, the studies prove that the problem of reflection of coherent worldview in human mind and its expression in the language is one of the most challenging problems of modern linguistics. A particular emphasis should be given to the studies of worldviews based on the records of ancient writing, as this understudied material plays an important role in the reconstruction of the coherent worldview of various linguistic communities. There are different types of worldviews: linguistic, conceptual etc. The author examines the Christian worldview of Anglo-Saxons, the peculiarities of its formation in the condition of the spread of Christianity among the Germanic tribes, and the influence of paganism on the Christian culture. The Christian worldview is considered on the basis of the Old English poems in the systems of space and time. The spatial views include three levels: Heaven (Paradise), Earth and Hell. The temporal views are associated with the religious beliefs of the ancient Germans about the creation and the end of the world.

Key words: worldview; religion; Christianity; paganism; Anglo-Saxons.

Введение

Одной из центральных проблем когнитивной лингвистики является изучение картин мира. Языковые картины отображают представления людей о мире, способствуют познанию объективной действительности, которая потом воплощается в речи. Определенный интерес представляет изучение картин мира древних людей, так как исследование памятников письменности древних германцев позволяет воспроизвести картину мира, в которой отражены такие особенности мышления древнего человека, как конкретность, нерасчлененность, образность, отождествление разнородных предметов и явлений, отождествление слова и предмета, называемого данным словом, мифологичность, диффузность и др.

Ученому, который стремится реконструировать фрагменты древней картины мира, необходимо учитывать эти особенности. При этом очень важно изучение данных древнего языка в контексте культуры, так как при восприятии и переводе древнего текста можно легко перенести особенности современного мироощущения на древний текст и интерпретировать его с точки зрения современных категорий мышления [1]. В настоящее время на основании разновидностей духовной культуры принято выделять шесть картин мира: религиозную (мифологическую), научную, эстетическую, этическую, художественную, политическую [3].

Религиозную картину мира древних англосаксов мы разделяем на мифологическую (дохристианскую) и христианскую. Целью нашей статьи является анализ христианской картины мира древних англосаксов, рассмотрение ее в системах пространства и времени на основе памятников древней письменности.

Формирование христианской картины мира древних англосаксов

Распространение христианства среди германских племен – между IV и V ст. – нанесло удар по древним верованиям. Народные массы долго сопротивлялись введению новой религии, навязываемой им феодальной аристократией, христианскими проповедниками. Чтобы ослабить это сопротивление, христианское духовенство шло на уступки, узакони-

вало некоторые старые обычаи и поверья, стараясь придать им христианское лицо, но дохристианские пережитки держались долго [5, с. 225]; одна религиозная парадигма накладывалась на другую, произошел переход от политеизма к монотеизму.

В письме папы Григория к королю Кента упоминаются такие ключевые моменты язычества, как поклонение идолам и существование языческих капищ, которые должны быть уничтожены. Так, во втором письме к аббату Мелитусу он предлагает не уничтожать капища, а только уничтожить идолов, а жертвоприношения богам, к которым англосаксы были приучены, могут проводиться, но в рамках празднования христианских фестивалей, для того чтобы превратить акт демонического поклонения в акт божественного праздника [10, с. 164-165]. Такие послабления в религиозной атрибутике со стороны духовенства должны были способствовать постепенному обращению язычников в христианство.

Пережитки древних верований наблюдались и в земледельческих обрядах, относящихся к «низшей мифологии», которые очень основательно исследовал в 60-70-х годах XIX ст. Вильгельм Маннгардт. Особенно подробно он рассмотрел те обычаи и мифологические образы, которые связаны с уборкой урожая. Оказалось, что во всех уборочных обычаях и обрядах присутствует идея о каком-то таинственном демоне, который сидит в хлебном поле; по мере скашивания хлеба это существо отступает и под конец оказывается в последнем снопе. Этот последний сноп – воплощение невидимого духа растительности – и становился предметом особых обычаев и поверий: его украшали, торжественно несли в дом, берегли до следующего урожая [7, с. 115-127]. Уборке урожая уделялось особое внимание, в данных обрядах древних германцев наблюдалось олицетворение хлеба как высшей силы, поклонение ей.

Конечно, вера в единого бога не была привычным явлением для германского мировоззрения. Люди привыкли обращаться к различным богам в зависимости от ситуаций. Несмотря на все это, некоторые германцы, даже вне империи, все же обращались в новую веру. Они приходили к христианству благодаря общению

с христианскими пленниками, захваченными ими во время набегов на римские провинции, а также через посредство других германцев, служивших в римской армии, стали христианами во время службы, а затем вернулись на родину [4, с. 57]. За достаточно короткое историческое время произошло преобразование языческой культуры в христианскую, но при этом еще некоторое время наблюдались пережитки язычества в христианстве.

Из британских и ирландских монастырей в свою очередь вышли многие ревностные проповедники христианства, знаменитым среди них был Винфрид, прозванный Бонифацием. Он крестил язычников, основывал церкви, монастыри, преимущественно в землях, зависимых от франков, под покровительством Карла Мартелла и Пипина Короткого. Его неутомимое мужество и красноречие имели большой успех. Однажды он проповедовал в стране гессенцев, где на одной горе стоял старый дуб, посвященный богу грома. Когда народ собрался там для жертвоприношений, Бонифаций и его спутники взялись рубить священное дерево, чтобы доказать язычникам бессилие их богов. Язычники ожидали, что гром небесный поразит дерзкого пришельца, но, к их удивлению, дуб упал без вреда для христиан, и тогда многие приняли крещение [2]. Этот момент был одним из тех, которые потрясли языческие верования.

Язычники в повседневной жизни довольно часто обращались к различным местным божкам и использовали заклинания для достижения определенных целей. С принятием христианства стали появляться молитвы к единому Богу, Богородице, святым, хотя и заговоры еще тоже широко использовались. На языковом уровне, а именно на примере древнегерманских заговоров, О.В. Троць прослеживает интерференцию языческих и христианских представлений [6, с. 63]. Магическая сила слова заложена в древних заговорах англосаксов:

дрн.-англ. *ne te mere ne gemyrre, ne te maga ne geswence, ne te næfre minum feore forht ne gewurpe, ac gehæle me ælmihtig* («A Journey Charm», 8-10) – Пусть мне ночные страхи не мешают, живот не мучает, пусть в

моей жизни не будет страха и да хранит меня Господь».

По нашему мнению, магическая сила или функция слова присутствует в христианской молитве, но если сравнивать заклинания и молитвы, то они отличаются своим сакральным смыслом: в основе молитвы – вера в Бога, в основе заклинания – вера в слово и природные явления. Однако следует отметить, что молитва также содержит магнетизм слова, есть средство обращения к Богу, это является показателем высшего этапа духовного развития человечества. В молитве происходит прямое обращение человека к Богу и надежды на него.

Переход от языческой мистерии в христианских обрядах семиотически маркирован большим количеством артефактов, используемых в ходе ритуалов англосаксонской раннехристианской церкви. Главным объектом ритуала был крест. Сначала восприятие этого артефакта, используемого христианами миссионерами для обращения язычников в новую веру, было исключительно языческим, что отразилось в семантической размытости номинации *wudu, m – wood, forest, grove; tree; the Cross, Rood*; [8, с. 21]. В древнеанглийском памятнике «Dream of the Rood» встречаем такие номинации для обозначения креста, как *sigebeam* (что означает дерево, на котором была получена победа), *wuldres treow* (дерево победы), *wealdendes treow* (дерево Властелина). В представлении англосаксов крест неразрывно связан с деревом и победой Бога. По мнению И.Ф. Янушкевич, номинации для обозначения креста представляются нам семантическими рудиментами языческого восприятия Бога новой религии как подобия англосаксонского бога Водена (Одена) – Бога-победителя [8, с. 21]. И это сравнение Водена с Христом является не единственным в научной литературе.

Как указывается в англосаксонском памятнике письменности «The Nine Herbs Charm», христианский правитель языческого заклинания против яда добавил девять трав, благодать которых превозносится в заклятии; они были созданы Христом, как помощь для всех. Согласно исландской поэме «Hávamál», здесь, так же, как Воден создает магические руны мудрости через повешение на Космиче-

ском Древе, так и Христос создал волшебные травы, когда Он висел на Кресте [9, с. 202].

Девять веточек волшебных трав помогли Водену поразить змея, что разбежался на девять частей:

дрн.-англ. *Wyrm com snican, toslat he man; ða genam Woden VIII wuldortanas, sloh ða þa næddran, þæt heo on VIII tofleaþ. þær geændade æppel and attor, þæt heo næfre ne wolde on hus bugan.* («The Nine Herbs Charm», 31-35) – Червь приполз, но не убил никого. Воден взял девять славных веточек, он ударил ядовитую змею, что разлетелась на девять частей. И яблоко добавил против яда, чтобы змея никогда не заползла в дом.

К. Олсен предполагает, что поэт придумал данный миф, чтобы дискредитировать прежнюю роль Водена как целителя. Его роль в дальнейшем заключается в том, чтобы объяснить происхождение болезни: убивая змею, Воден выпустил персонифицированные, враждебные яды, которые преодолеваются так же персонифицированными доброжелательными травами. Эта роль, безусловно, находится в резком контрасте с распятием Христа и упоминается в следующих строках заклинания: жертва Христа создала вечную жизнь для человека; Воден только распространяет смерть. [12, с. 25]. Несмотря на тот факт, что существуют параллели сравнения между Воденом и Христом, в новый христианский период наблюдается дискредитация языческих богов и одобрение Иисуса Христа.

С развитием образованности англосаксонского общества по новой вере символика креста становится семиотической поливалентной: во-первых, крест символизировал благословение Господа, приобщение к вере, крещение (*Crístesmæl*, m (Christ's mark), the cross); во-вторых, он напоминал о муках Христа, который принял их на кресте для избавления и спасения людей (*ród* – a cross on which a person is executed; the cross on which Christ suffered); в-третьих, крест стал восприниматься как ритуальный аксессуар священнослужителя (*bisceopród*, f – bishop's cross). Культ Креста стал основополагающим в англосаксонском христианстве [8, с. 21]. Крест получил не только глубокое символическое

значение, но и стал защитой от темных сил. В древнеанглийском памятнике «Dream of the Rood» главный герой говорит:

дрн.-англ. *Me is willa to ðam mycel on mode, ond min mundbyrd is geriht to þære rode* («Dream of the Rood», 129-132) – В кресте я ищу защиту в этой жизни, и жаждет сердце утешения в молитве.

Христианская картина мира в системах пространства и времени на основе памятников древней письменности.

В христианстве Бог понимается как создатель всего живого. Главным отличием христианской картины мира от мифологической заключается в том, что Бог один, но имеет три лица: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Святой Дух, вместе они образуют Святую Троицу, Единую и нераздельную. Человек является божественным творением и создан по образу и подобию Бога.

Рассмотрим христианскую картину в системах пространства и времени на материале древнеанглийского письменности.

Христианская картина мира включает в себя три уровня: что-то божественное, невидимое – НЕБО (РАЙ); то, что вы видите каждый день, и что вам знакомо: священник, церковь, монастыри и т.д. – ЗЕМЛЮ, и то, что есть подземный мир, которого не видно, где живут черти и злые силы – АД [13, с. 182].

В поэме «Genesis B» ярко описываются данные пространственные уровни. Небо представлено лексемой *heofon* (дрн.-англ. *Heofon* – дом бога, ранее – небо, возможно от прагерманского *hibin*), дисимиллировало с *himin* (родственное дрн.-нем. *Heben*, дисл. *Himinn*, гот. *himins*, дфр. корнем *ket* – покрывать). Бог является создателем всего сущего и создает рай, в котором сначала жили первые люди Адам и Ева. В поэме нет прямого обозначения данного слова, место, которое было создано богом, рай, где жили первые люди, представлен лексемой *middangeard*. В поэме «The Phoenix» рай изображается идеалистическим пейзажем и представлен сущительными *wong* (равнина), *lond* (земля), которые далеки от *middangeard*, где люди проживают:

дрн.-англ. *þæt is wynsum wong, wealdas grene, rume under roderum. Ne tæg þær ren*

ne snaw, ne forstes fnæst, ne fyres blæst, ne hægles hryre, ne hrimes dryre, ne sunnan hætu, ne sincaldu, ne wearm weder, ne winterscur wihte gewyrdan, ac se wong seomað eadig ond onsund («The Phoenix», 13-20) – прекрасная равнина, лес зеленый: ни снега, ни ливни, ни ветры холодные, ни летучее пламя, ни градопады пагубные, ни доспехи ледяные, ни суша, ни солнце, ни северные ветры, ни жара, ни засуха, ни зимние метели ее не беспокоят, чистая и неунывающая, счастья обитель.

Земля в христианском мировоззрении является временным местом пребывания человека, все деяния на земле нацелены на приход Царства Божьего, где живет Господь и ангелы. Ангел в древнеанглийском представлен лексемой *engel* (дрн.-англ. *engel* и дфр. *Angele*, оба от лат. *angelus*, греч. *Angelos* – вестник, посланник, кто-то, кто сообщает, возможно родственное *angaros* – конный курьер, оба от неизвестного восточного слова (Ваткинс сравнивает с санскрит. *ajira* – быстрый, Кляйн видит семитские источники). Ангелы являются вестниками Бога, призванные приходить людям на помощь. Прочитируем строки из поэмы, где говорится о создании ангелов:

дрн.-англ. *Hæfde se alwalda engelcynna þurh handmægen, halig drihten, tene getrimede, þæt he getruwode wel* («Genesis B», 246-248) – Государь-всевладелец десять ангельских родов учредил на небе, свят Господь, которым он хорошо доверял.

Но, как дальше рассказывает нам древнеанглийский памятник, один из ангелов воспротивился Господу; за недостойное поведение он был свергнут с небес в ад, где стал Сатаной. В древнеанглийском Сатана представлен лексемой *Satan* (дрн.-англ. *Satan*, с лат. *Satan*, с греч. *Satanas*, с иврита *satan* – противник, тот, кто замышляет против другого). Сатана является врагом Бога, носителем всего плохого, Бог приказал ему править адом и контролировать грешный мир. В отличие от язычества в христианстве происходит четкое разделение между добром и злом.

Небу противопоставляется ад, который представлен лексемами *helle* (дрн.-англ. *Hel*, *helle* – загробный мир, место мертвых,

адское место, от прагерманского *haljo* – ад (родственное дфр. *Helle*, нидерл. *Hel*, дисл. *Hel*, нем. *Hölle*, гот. *Halja*), сравним дисл. *hellir* – пещера, каверна от прагерманского *kel* – покрывать, скрывать и *grund* (двн.-англ. – низ, основа, земля, поверхность земли от прагерманского *grundus*), вероятно означает глубокое место (родственное дфр., дс., дат., швед., *grund*, нидерл. *grond*, двн. *grunt*, нем. *Grund* – земля, грунт, низ, дисл. *Grunn* – неглубокое место, *grund* – поле, равнина, *grunnr* – низ). Ад означает загробный мир, находящийся в самом низу пространственных представлений человека, служит местом для наказания грешников.

Ад описывается как ужасное место, куда отправляются грешники и горят в страданиях за плохие поступки.

Временная система связана с представлениями о создании и конце света. Именно Бог создал мир силой Слова. В древнейшей эпической поэме англосаксонцев «Beowulf» (VII-XI ст.) встречаем строки, где описывается сотворение мира:

дрн.-англ. *Sægde se þe cuþe frumsceaft fira feorran reccan, cwæð þæt se ælmihtiga eorðan worhte, wlitebeorhtne wang, swa wæter bebugeð, gesette sigehreþig sunnan ond monan* («Beowulf», 90-94) – пел о том, как Творец устроил сушу-равнину, омытую морем, о том, как Зиждитель укрепил солнце.

Мир имеет не только начало, но и конец. В поэме «The Phoenix» лирическое описание блаженной райской жизни неожиданно меняется описанием конца света:

дрн.-англ. *bideð swa geblowen oð bæles cyme, dryhtnes domes, þonne deaðræced, hæleþa heolstorcofan, onhliden weorþað*. («The Phoenix», 47-49) – пока не настанет большой пожар и Суд Господень, когда своды смерти, мрачные могилы смертных откроются.

Из данных строк следует, что на всю Землю придет Страшный Суд, который и станет концом света. По христианским верованиям на нем появятся и праведники и грешники, чтобы ответить за свои деяния при жизни. Праведники отправятся в рай, чтобы жить в вечном блаженстве, а грешники соответственно в ад на вечные муки.

Заключение

Религиозная картина мира играет неосценимую роль в общей картине мира, так как отражает культурные, духовные особенности лингвосообщества.

Введение христианства стало новым этапом развития англосаксонской культуры, разрушения старых примитивных представлений, изменения моральных норм и ценностей. За достаточно короткий промежуток времени произошло преобразование языческой культуры в христианскую, что привело к тому, что еще некоторое время наблюдались пережитки язычества, которые прослеживались как в обычаях англосаксов, так и на языковом уровне.

Реконструкции фрагментов христианской картины мира англосаксов способствуют памятники древней письменности, на основе которых мы рассматриваем данную картину мира в системах пространства и времени.

Пространственные представления включают в себя три уровня: Небо (Рай), Землю и Ад, а временные связаны с представлениями о создании и конце света.

Список сокращений:

греч. – греческий
 гот. – готский
 дат. – датский
 двн. – древневерхнемецкий
 дисл. – древнеисландский
 дрн.-англ. – древнеанглийский
 дрн.-нем. – древненемецкий
 дс. – древнесаксонский
 дфр. – древнефризский
 лат. – латинский
 нем. – немецкий
 нидерл. – нидерландский
 санскр. – санскрит
 швед. – шведский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьева Ю.С. Концептосфера ВОИНСТВЕННОСТЬ как фрагмент англосаксонской картины мира: когнитивный подход (На материале древнеанглийской героической поэзии): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Владивосток, 2003. 194 с.

2. Иловайский Д.И. Древняя история. Средние века. Новая история. М.: Современник, 1997. 526 с. URL: <http://bibliotekar.ru/polk-8/>

3. Михайлов А.В. Принципы построения картины мира и способы ее вербального осуществления // Проблемы исторического языкознания и ментальности. Русский язык: Ментальность и грамматика. Красноярск, 1998. С. 38-77.

4. Тодд М. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. Пер. с англ. Н.Ю. Чехонадской. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 223 с.

5. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1986. 576 с.

6. Троць О.В. Вербалізація концепту ДОЛЯ у давньогерманських мовах: етнокультурний аспект: Дис. ...канд. філол. наук: 10.02.04. Київ, 2008. 200 с.

7. Фрэзер Д. Золотая ветвь. Пер. с англ. Вып. III. М.: Атеист, 1928. С. 115-127.

8. Янушкевич И.Ф. Лингвосемиотика англосаксонской культуры: Автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04. Волгоград, 2009. 49 с.

9. Chaney W.A. Paganism to Christianity in Anglo-Saxon England // The Harvard Theological Review. Vol. 53, No. 3 (Jul., 1960). Pp. 197-217.

10. Church S.D. Paganism in Conversion-Age Anglo-Saxon England: The Evidence of Bede's Ecclesiastical History Reconsidered // The Journal of the Historian Association. 2008. Volume 93. Issue 310. Pp.162-180.

11. Douglas Harper's Etymology Dictionary URL: <http://www.etymonline.com>.

12. Olsen K. The Lacnunga and its Sources: The Nine Herbs Charm and Wid Færstice Reconsidered // Revista Canaria de Estudios Ingleses, 2007. 55, Pp. 23-31.

13. Panasenko N. Reflection of the Naive Christian Worldview in the Romance, Germanic and Slavic Phytonymic Lexicon // European Journal of Science and Theology. 2014. Vol.10. No.4. Pp. 167-183.

14. The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/ascp>.

REFERENCES

1. Grigorieva Y.S. *Conceptosphere MILITANCY as a Fragment of an Anglo-Saxon Image of the World: a Cognitive Approach (On the material of Old English Heroic Poetry)*. PhD Dissertation. Vladivostok, 2003. 194 p.
2. Ilovayski D.I. *Ancient History. Middle Ages. New History*. Moscow: Sovremennik, 1997. 526 p. URL: <http://bibliotekar.ru/polk-8/>
3. Mikhaylov A.V. *The Principles of Worldview Formation and Means of its Verbalization // Problems of Historical Linguistics and Mentality. Russian: Mentality and Grammar*. Krasnoyarsk. 1998. Pp. 38-77.
4. Todd M. *Barbarians. The Ancient Germans. Life, Religion, Culture*. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2005. 223 p.
5. Tokariev S.A. *Religion in the History of the World*. M.: Politizdat, 1986. 576 p.
6. Trots O.V. *Verbalization of the Concept FATE in old Germanic Languages: Ethno-cultural Aspect*. Kiev: KNLU, 2008. 200 p.
7. Fraser J. *The Golden Bough*. Vol. III. M.: Ateist, 1928. Pp. 115-127.
8. Yanushkevich I.F. *Lingvosemiotics of Anglo-Saxon culture*. PhD Dissertation. Volgograd, 2009. 49 p.
9. Chaney W.A. *Paganism to Christianity in Anglo-Saxon England // The Harvard Theological Review*. Vol. 53, No. 3 (Jul., 1960). Pp. 197-217.
10. Church S.D. *Paganism in Conversion-Age Anglo-Saxon England: The Evidence of Bede's Ecclesiastical History Reconsidered // The Journal of the Historian Association*. Volume 93. Issue 310, 2008. Pp.162-180.
11. Douglas Harper's *Etymology Dictionary*. URL: <http://www.etymonline.com>.
12. Olsen K. *The Lacnunga and its Sources: The Nine Herbs Charm and Wid Færstice Reconsidered // Revista Canaria de Estudios Ingleses*, 2007. Pp. 23-31.
13. Panasenko N. *Reflection of the Naive Christian Worldview in the Romance, Germanic and Slavic Phytonymic Lexicon // European Journal of Science and Theology*. Vol.10. No.4, 2014. Pp. 167-183.
14. *The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry*. URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/ascp>.

ДАнные ОБ АВТОРЕ:

Гузий Татьяна Николаевна
аспирант

Кафедра германской и финно-угорской
 филологии Киевского национального
 лингвистического университета
 ул. Долорес Ибарурри, 80/ 124, Чернигов, 14033
 Украина
 E-mail: freunde_tn@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Tetiana Nikolaevna Guzii
PhD Student

Department of Germanic and Finno-Ugric
 Philology, Faculty of Germanic Philology Kyiv
 National Linguistic University
 80/124 Dolores Ibarurri St., Chernigov, 14033
 Ukraine
 E-mail: freunde_tn@mail.ru

УДК 811.581

*Иванченко Н.В.****Особенности дискурса
конфуцианства*****АННОТАЦИЯ**

В статье описываются особенности конфуцианского дискурса. Понятие «дискурс» раскрыто с точки зрения сочетания факторов речь-текст-культура. Автор сравнивает понятия «конфуцианство» и «философия конфуцианства», раскрывает некоторые ключевые концепты конфуцианского дискурса, обосновывает наличие устойчивой системы классических источников и сложившейся классификации этических типов людей как особенности конфуцианского дискурса.

Ключевые слова: дискурс, конфуцианство, канон, комментарий, концепт, Жу, Цзюнь-цзы.

*Ivanchenko N.V.****Specific features
of confucianism discourse*****АБСТРАКТ**

The article describes the main specific features of Confucianism discourse. The term “discourse” is depicted as a combination of several factors such as the speech-text-culture. The author compares the concepts “Confucianism” and “Philosophy of Confucianism”, describes some key concepts of Confucianism discourse, proves the existence of a sustainable system of classic literature and people ethic character classification as the main features of Confucianism discourse.

Key words: discourse; Confucianism; classic literature; commentary; concept; Ru; Jun Ji.

Востребованность термина «дискурс» в отечественной и зарубежной лингвистике породила невероятное количество его трактовок. В настоящем исследовании предлагается понимать под дискурсом способ рациональной подачи знания в процессе языкового общения, в то время как текст является формой языкового бытия. Данное положение позволяет говорить о единстве дискурса и текста. Такая теория была разработана научным коллективом под руководством А. И. Варшавской [3, с. 26-30], однако она не раскрывает еще одной стороны дискурса. Дискурс не равен процессу общения и не является синонимом текста, в связи с чем

не можем не согласиться с Н. Ф. Алефиренко, который отмечает, что как коммуникативное событие дискурс – это сплав языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации.

Вместе с тем дискурс, образуя семантическое единство, является лингвокультурным образованием. Дискурс – это социальная деятельность людей, в рамках которой ведущая роль принадлежит когнитивным пространствам общающихся, т.е. дискурс – коммуникативно-прагматическое событие социокультурного характера. [1, с. 101-104].

Необходимо отметить, что описание дискурса конфуцианства требует привлечения других аспектов изучения культуры Китая – с позиций культурологии, когнитивной лингвистики, социологии и пр.

Методологическая и терминологическая неопределенность в мировой синологии влечет за собой ряд проблем: невозможность адекватного компаративного анализа западной и восточной философии; ошибочное понимание ряда вопросов, связанное с различиями в значениях и терминах; осложнение трансляции идей и построения диалога Восток – Запад; сложность разграничения понятий «дискурс конфуцианства» и «дискурс конфуцианской философии».

Понятие «конфуцианство» не имеет однозначного терминологического соответствия в конфуцианской традиции. Наиболее близкое к нему понятие *сюэ* 学 не предполагает размежевания на философскую, психологическую, социально-политическую и педагогическую составляющие. *Сюэ* представлено как сложный комплекс идей, почерпнутых из различных сфер жизни. Кроме того, для данного дискурса характерно постоянное обращение к письменным источникам, составляющим наследие и основу конфуцианского канона.

Ошибочно также отождествление понятий конфуцианства и конфуцианской философии: то, что на Западе называется философией, в Китае в эпоху Вэй, Цзин именовалось «учением о сокровенном» (сюань сюэ 玄学), в эпоху Сун, Мин – «учением о Дао-пути» (дао сюэ 道学), а в эпоху Цзин – «учением о смысле и принципе» (ли чжи сюэ 理之学) [10, с. 21-26].

Конфуцианство в таком случае (дао сюэ, учение о дао-пути) может быть определено как «истинное учение, обретаемое собственными усилиями в процессе самосовершенствования на высшем этическом уровне сознания» [9, с. 62].

Однако, согласно исследованиям А. И. Кобзева, *дао сюэ* стало официальным наименованием неоконфуцианства в конце XII в., в связи с чем полагается неуместным использовать термин *дао сюэ* как определение конфуцианства.

Обратимся к этимологии наименования конфуцианского учения. В китайском языке термин «конфуцианство» не имеет ничего общего с именем Конфуция. В оригинальном

наименовании конфуцианства (жу-цзя 儒家) отсутствует указание на имя его творца, что соответствует исходной установке последнего – «передавать, а не создавать, верить древности и любить ее» («Лунь юй», VII, 11). Но кроме термина «жу-цзя» существуют и другие наименования конфуцианского учения: жу-сюэ 儒学, жу-цзяо 儒教, кун-цзяо 孔教, ли-цзяо 礼教 / мин-цзяо 名教, кун-цзя-дянь 孔家店, кун-мэн-чжидао 孔孟之道 и др.

В Китае испокон веков придавалось большое значение ритуалам, связанным со смертью, церемониалом похорон, что постепенно сформировало особый общественный класс, называемый *жу* 儒. Начиная со времен древних общин и до времени правления династии Инь (1600 до н. э. по 1027 до н. э.) *жу* как класс исполняли установленные обряды и церемонии, т.е. являлись служителями культа.

Позднее Конфуций использовал иероглиф «жу» для определения класса интеллигенции. Первое применение этого иероглифа находим в Лунь Юе [8] для обозначения культурного, интеллигентного, всесторонне развитого человека. Например, глава 6 чжан 13: “汝为君子儒，毋为小人儒。” (здесь и далее цит. и ссылки на Lun Yu Yi Zhu (Лунь Юй с комментариями)) [8, с. 66]. Перевод В. А. Кривцова: Учитель сказал Цзы-ся: «Вам следует быть ученым, подобным благородному мужу и не подобным низкому человеку». Позднее в письменных источниках иероглиф «жу» появляется в Хань Шу-Сыма Сянжу Чжуань 汉书·司马相如传 (Историческая хроника династии Хань. Биография Сыма Сянжу (179-117 до н. э.)).

Далее в «Шуо Вень» 说文解字 – первом словаре, объяснявшем этимологию иероглифов (2 век н.э., династия Хань) – появилась словарная статья, посвященная «жу»: “儒，柔也，术士之称。从人，需声。”

Таким образом, конфуцианство не является философской системой в западном понимании, а скорее представляет собой сложный многоаспектный феномен, включающий в себя этическую, философскую, политическую и другие составляющие. Поскольку задачей нашего исследования не является анализ конфуцианского дискурса с точки зрения философии, уместно обратиться к важнейшим особенностям содержания дискурса конфуцианства.

Как и всякая идеология, конфуцианство представлено обширным рядом первоисточников – канонических текстов, которые образуют «канву» конфуцианского дискурса. К настоящему времени конфуцианская парадигма представлена в двух наборах текстов: «Пятикнижие», или *У Цзин* 五经, и «Четверокнижие», или *Шу цзин* (или *Сы Шу* 四书). Второй набор окончательно стал канониче-

ским уже в рамках неоконфуцианства в XII веке. С конца XII века оба набора были объединены под названием «Тринадцатикнижие» (Ши Сан Цзин 十三经).

О конфуцианских канонах написано довольно много и в данном исследовании нет смысла заново раскрывать проблематику каждого из трактатов, однако для ясности приведем сводную таблицу конфуцианского канона:

Таблица 1

Конфуцианский канон

Table 1

List of Confucianism classic books

Пятикнижие «У Цзин»					
<i>Шу Цзин</i> (书经) «Канон истории» (наиболее известная глава «Хун Фань» — «Великий закон» 洪范) содержит документы с 2357 по 627 г. до н. э.)	<i>Ши цзин</i> (诗经) «Канон Песен» – сборник песен и стихов созданных в XI–VI вв. до н. э.	<i>Чжоу и</i> («И цзин», 易经) «Чжоуские времена» «Книга времен» – гадальная система, принятая конфуцианской традицией во II веке до н. э.	<i>Ли Цзи</i> (礼记) «Книга о ритуалах» / «Записки благопристойности» – содержит описание идеальной конфуцианской модели социального механизма. IV–I вв. до н. э.	<i>Чунь цю</i> «Весны и осени» (春秋) (текст входит в состав трёх канонических комментариев) – древнейший китайский текст летописного плана, охватывающий период с 722 по 479 гг. до н. э.	<i>Юэ цзин</i> «Канон музыки» (乐经, уии jīng) утрачен в 212 г. до н. э.
	[Чунь цю] Цзо чжуань («Весны и осени» с комментариями Цзо)	[Чунь цю] Гуньян чжуань («Весны и осени» с комментариями Гуньяна)	[Чунь цю] Гулянь чжуань («Весны и осени» с комментариями Гуляна)		
В период династии Тан (618–907) в канон были включены ещё пять произведений:					
<i>Лунь юй</i> «Беседы и суждения [Конфуция]» (论语) «Аналекты», «Теоретические речи» – краткие заметки о высказываниях, поступках и диалогах Конфуция. (Составлен конце эпохи Весны-осени)	<i>Чжоу ли</i> (周礼) «Ритуалы династии Чжоу» – древне космогонически-календарные представления, в соответствии с которыми предписывалось упорядочивать жизнь общества. (Созданы по разным источникам от 2 в. до н.э. до 23 г. до н.э.)	<i>Сяо цзин</i> «Канон сыновней почтительности» (孝经) – считается записью поучений по поводу принципа «сыновней почтительности». (Составлен, вероятно, в IV–II вв. до н.э.)	<i>Эр я</i> «Приближение к классике» – первый в Китае толковый словарь, (2–3 вв. до н. э.)	<i>И ли</i> «Образцовые церемонии и [правила] благопристойности»	
В 12–13 вв. в канон был включён трактат «Мэн цзы» (孟子, Mungzi) и конфуцианский канон приобрёл окончательный вид.					

При династии Сун (960–1279) неоконфуцианцы выделили собственно конфуцианский канон в узком смысле — «Четверокнижие куда вошли:

<i>Ллунь юй</i> «Беседы и суждения [Конфуция]» (论语)	<i>Мэн цзы</i> Записи бесед и рассуждений философа Мэн-цзы о политике, морали, философии, образовании, сведения о его деятельности (III - III вв. до н. э.)	<i>Да сюэ (大学)</i> «Великое учение» — глава из «Ли цзи» (礼记) адресован высокопоставленным лицам, поскольку в нем, «изложено обширное учение, пригодное для осуществления правления» (Создано в V–III вв. до н.э.)	<i>Чжун юн (中庸)</i> «Срединное и неизменное» — глава из «Ли цзи» составлял основу китайского образования с 1313 по 1905 гг (481-206 гг. до н.э.)
---	--	--	---

Говоря о письменных жанрах конфуцианского дискурса, следует дополнительно отметить ряд особенностей.

Непременный атрибут литературного канона – комментарий – широко распространен в традиции китайской литературы, что представляется весьма логичным: от языка иероглифику отделяет большая дистанция, чем фонетическое письмо. В то время как фонетическое письмо совпадает с языком, идеографическое письмо лишь изоморфно языку, то есть отражает язык весьма опосредованным образом. Иероглифика подразумевает предварительное и постоянное «членение действительности» и «выработку правил построения текстов. [6, с. 239]

За развитие жанра канона ответственен определенный тип культуры, где в качестве идеологической основы выступает канон, а также иероглифическая письменность, являющаяся естественным выражением изолирующего слогового характера языка. Таким образом, существование и воспроизведение комментария поддерживались с двух сторон. Это привело к тому, что трактаты и традиционные тексты зачастую образовывали устойчивую «текстовую пару» с комментарием. Подробнее об этом см. статью: Курносова В.Б. Общество и государство в Китае: XXXII научная конференция / Ин-т востоковедения; Сост. и отв. ред. Н.П. Свистунова. – М.: Вост. лит., 2002. – 366 с.

Кроме комментария как особого жанра конфуцианского дискурса, можно выделить еще некоторые жанры литературы. Одним из таких является *юйлу*, который появился и сформировался в рамках буддийской школы приблизительно в XI в. Несмотря на то что *юйлу* часто относят к дискурсу неоконфуцианства, его прототипом, несомненно, является канонический текст Лунь Юй. [4, с. 205]. Так можно утверждать, что *юйлу* вполне пра-

вомерно относить к жанрам конфуцианского философского дискурса.

Помимо устойчивой системы жанров, конфуцианство обладает довольно обширным и самостоятельным набором понятий, представляющих концептосферу идеологии. С одной стороны, это, несомненно, связано с обособленностью конфуцианской мысли от западной культуры, но, что представляется более важным, особенности концептов китайского языка связаны с его структурой и иероглифической письменностью.

Культурная парадигма конфуцианства, помимо собственного набора концептов, включает концепты Чжоу-гуновой (древнекитайской) парадигмы, причем последние правомерно рассматривать как гештальт-концепты в рамках первой.

Основными понятиями конфуцианской идеологии выступают: ритуал *Ли* (禮), благодать *Дэ* (德), симфония разнородных элементов *Хэ* (和) и, безусловно, *Дао* (道). Конфуций конкретизировал «Дао» в различных наборах этических понятий: принцип *Сяо* 孝, почитание родителей, уважение к старшим братьям *Ти* 悌; верность, преданность *Чжун* 忠; золотая середина, «Срединное и неизменное» *Чжунъюн* 中庸; человеколюбие, гуманность *Жэнь* 仁; мудрость, ум *Чжи* 智; храбрость, отвага *Юн* 勇.

Необходимо также отметить принцип *Саньган Учан* – «Пять постоянств, Три устоя» 三綱五常. Он представлен в ранних конфуцианских канонических текстах как основной принцип управления государством и эталон для постижения истинного пути во времена феодального общества и включает в себя комментарии по исполнению трех отношений *Саньган* 三綱: между отцом и сыном (父子綱), мужем и женой (夫为妻綱), сюзереном и вассалами (君为臣綱); и соблюдение пяти традиций *Учан* 五常: гуманность *Жэнь* 仁,

нравственность *И 义*, этикет (культура) *Ли 禮*, мудрость (знание) *Джи 智*, искренность (честность, верность) *Синь 信* [2, с. 232-233].

По некоторым источникам, выделяются и другие концепты в дополнение к названным выше: в разное время исследователями рассматривались различные совокупности важнейших категорий китайской философии. Например, краткий абрис системы категорий традиционной китайской философии, выраженной 46 иероглифами, предложил Тан И-цзе (1981). В 1987 г. Гэ Жун-цзинь опубликовал словарь из 20 статей, охватывающих около 40 терминов, а в 1989 г. Чжан Ли-вэнь выпустил в свет обширную монографию, в 25 параграфах которой были систематизированы более 40 категорий.

Один из крупнейших историков китайской философии, работавших на Западе, Чэнь Юн-цзе, в 1952 году выдвинул для обсуждения набор из 115 знаков в 77 позициях. Другой выдающийся специалист, Дж. Нидэм, в 1956 году предложил более компактную совокупность фундаментальных терминов традиционной китайской культуры, состоящую из 82 знаков в 80 позициях. В 1986 году китайский ученый У И опубликовал две части словаря, включающие в себя 50 позиций, выраженных однозначными иероглифами, и 100 позиций, выраженных иероглифическими сочетаниями соответственно [5, с. 66-81].

Весьма обширная система концептов не ограничивается абстрактными понятиями. Конфуцианская идеология носит в известной степени прикладной характер, что можно проследить на примере концепта *Цзюнь-цзы* 君子 – «благородный муж», в котором с одной стороны реализована функция абсолюта и с другой стороны, он же являлся нравственным идеалом, для достижения которого имелись подробные инструкции. Упоминание о *цзюнь-цзы* неоднократно встречается в Лунь Юе (см. гл. XIV чж. 42; гл. XV чж. 18, 19, 22, 32; гл. XVI чж. 1, 7, 10; гл. XVII чж. 23). [Lun Yu Yi Zhu]

Одну из нравственных основ *цзюнь-цзы* составляет понятие *жень* 仁, которое обычно переводится как «человеколюбие», «человечность», «гуманность» [7, с. 159-163]. Однако некоторые исследователи (Н. И. Конрад, В. С. Колоколов, Х. Крил, Л. С. Переломов) предлагают другие переводы: «человеческое начало», «благорасположенность», «добродетель», «человеколюбие» и пр. Подробнее по этой теме см. статью Любимовой В. А.: Благородный муж – воплощение идеального человека в конфуцианстве.

Сам по себе образ *цзюнь-цзы* не столь интересен, если его рассматривать отдельно. Наша задача – реконструировать классификацию этических типов людей, сложившуюся в конфуцианском каноне и характерную для всего дискурса.

«Благородному мужу» (*цзюнь-цзы*) противопоставляется «ничтожный человек», «маленький человек» *Сяо жэнь* 小人 – воплощение эгоистического прагматизма, человек, не способный выйти за рамки своей практической специализации и преодолеть духовно-нравственную ограниченность.

У Конфуция понятие *цзюнь-цзы* соотносится с личностью правителя или представителя социальных верхов; позднее оно приобретает более общий характер – «совершенный муж». В иерархии человеческих существ *цзюнь-цзы* стоит несомненно выше *сяо жэнь*, однако соизмеримо ниже «совершенномуудрого» *Шэн 聖*, что является традиционным обозначением высшей степени интеллектуально-нравственного и духовного совершенства.

В раннем конфуцианстве «совершенному-дрыми» признавались мифические и исторические правители древности – Яо (по традиционной версии – 2356–2255 до н.э.), Шунь (2255–2205 до н.э.), Юй (считается основателем династии Ся, 2205–2197 до н.э.; по совр. вычислениям, XXI в. до н.э.), Тан (Чэн Тан, основатель династии Шан-Инь, 1766–1753 до н.э.; по совр. вычислениям – XVI в. до н.э.), а также полубогатыри Вэнь-ван, У-ван и Чжоу-гун (основатели династии Чжоу, XII или XI в. до н.э.). Ученики и почитатели Конфуция уподобляют «совершенному-му-дрому» его самого. [5, с. 628-629.]

Таким образом, для конфуцианского дискурса характерна четкая иерархия этических типов людей. Заметим, что в настоящем исследовании она приведена не в полном виде, но внимание к этой иерархии в текстах позволяет определить ее как одну из особенностей конфуцианского дискурса.

В заключение еще раз отметим, что конфуцианский дискурс следует рассматривать как совокупность речемыслительной деятельности, текста и коммуникативного события в рамках конфуцианской идеологии со сложившимся устойчивым набором классических произведений и письменных жанров, включающих в себя философские трактаты, пофразовые комментарии и юйлу.

С одной стороны, на формирование уникальной системы концептов повлияла обо-

собленность конфуцианской идеологии от западной мысли, с другой стороны, особенности дискурса конфуцианства во многом

определены структурой китайского языка и наличием иероглифической письменности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф., Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры. / Н. Ф. Алефиренко.-М.: Academia, 2002. 392 с.
2. Бо Юн Цзюй, Жень Хуай Го, Жуцзя чжэнчжи лилунь цзици сяньдай цзячжи. (Политическая теория конфуцианства и его ценность для современников). Чжунхуа шуцзю, ISBN 978 – 7 – 101- 08147-3, 2011. С. 508
3. Варшавская А. И. Диалектика текста в 2 т., т.1, СПб, 1999.
4. Гуревич И. С. Грамматический очерк китайского языка эпохи Тан (на материале буддийских юйлу школы чань) //Линь-цзи лу. Вступ. статья, перевод с китайского, комментарии и грамматический очерк И. С. Гуревич. СПб., 2008.
5. Духовная культура Китая: Энциклопедия: в 5 т. М., Восточная литература. 2006—2010 / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. Т. 1. Философия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. 2006. 727 с.
6. Карапетьянц А.М. Китайское письмо до унификации 213 года до н.э. Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977. с. 239.
7. Кривцов В.А. Перевод «Лунь юй» // Древнекитайская философия, 1972-1973. Собрание текстов в двух томах. Т.1. М., 1972.
8. Лунь Юй И Чжу (Лунь Юй с комментариями). Под ред. Ян Бо Цзюнь. Пекин, 2012. с. 238.
9. Рысаков А.С. Неоконфуцианский философский дискурс XI-XII вв.: диссертация на соискание уч. степ. канд. филос. наук. СПб, 2007, с. 160.
10. Фэн Юлань. Чжунго чжэсюэ ли (История китайской философии) Т.1. Пекин, 1961.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F., The poetic power of speech. Synergetics language, consciousness, culture. / N. F. Alefirenko.-M.: Academia, 2002. 392 p.
2. Bo Jun Czjuj, Zhen' Huaj Go, Zhuczja chzhjenchzhi lilun' czici sjan'daj czjachzhi. (Political Theory of Confucianism and its value to the contemporary). Chzhunhua shuczju, ISBN 978 – 7 – 101- 08147-3, 2011. 508 p.
3. Varshavskaja A. I. Dialectics of text in 2 v., v.1, SPb, 1999.
4. Gurevich I. S. Grammatical study of Chinese Tang Dynasty (based on the Buddhist school yuylu Chan) // Lin-chi lu. Start article translated from Chinese, comments and grammatical sketch Gurevich. SPb., 2008.
5. Spiritual Culture of China: Encyclopedia: 5 v. M., Vostochnaja literatura. 2006—2010 / edited by M. L. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka. M.: Vost. lit., 2006. T. 1. Philosophy / edit. M. L. Titarenko, A. I. Kobzev, A. E. Luk'janov, 2006. 727 p.
6. Karapet'janc A.M. Chinese writing to unify 213 BC Early ethnic history of the peoples of East Asia. M., 1977. 239 p.
7. Krivcov V.A. Translation of "The Analects" // Ancient Chinese Philosophy, 1972-1973. Collected papers in 2 volumes. V.1. M., 1972.
8. Lun' Juj I Chzhu (Lun' Juj with comments). Edit. Jan Bo Czjun'. Pekin, 2012. 238 p.
9. Rysakov A.S. Neo-Confucian philosophical discourse XI-XII: Philosophy PhD thesis. SPb, 2007. 160 p.
10. Fjen Julan'. Chzhungo chzhjesjuje li (History of Chinese Philosophy) V.1. Pekin, 1961.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ:

Иванченко Надежда Вадимовна
аспирант

кафедра восточных и романо-германских языков, факультет Евразии и Востока
Челябинский государственный университет.
ул. Братьев Кашириных, д. 129,
г. Челябинск, 454000, Россия
E-mail: nadezhda_ivanchenko@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Ivanchenko Nadezhda Vadimovna
Postgraduate Student

Department of Eastern and Romance and Germanic Languages, Faculty of Eurasia and East
Chelyabinsk State University
129 Bratyev Khashirinyh St., Chelyabinsk, 454000
Russia
E-mail: nadezhda_ivanchenko@mail.ru

Рецензент: Голованова Елена Иосифовна, доктор филологических наук, профессор,
кафедра теории языка, Институт гуманитарного образования

УДК 811.161.1

Нагорный И.А.

Модально-персуазивные частицы и субъектная перспектива односоставных предложений

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению вопроса о развитии модально-персуазивными частицами субъектной перспективы односоставного глагольного предложения. Анализируются субъектные зоны, в том числе актуализируемая модальными частицами субъектная зона говорящего. В аспекте развития субъектной перспективы описываются различные типы глагольных односоставных предложений.

Ключевые слова: модально-персуазивные частицы; субъектная перспектива; глагольное односоставное предложение; субъектная зона; модальная рамка.

Nagornyy I. A.

Modal-particle persuasiveness and subjective perspective mononuclear offers

АБСТРАКТ

The article is devoted to the consideration of the development of modal particles persuasiveness of subjective perspectives of single-composition verbal sentence. Analyzed subject zone, including continuously updated modal particle-subject area of the speaker. In an aspect of the development of subjective perspectives describes the different types of verbal one-compound sentences.

Key words: modal-persuasiveness particle; subjective perspective; mononuclear verbal offer; subjective areas; modal frame.

Введение

Субъектная перспектива – аспект анализа предложения, с одной стороны, уже достаточно детально исследованный в отечественной русистике, а с другой стороны, требующей дальнейшей разработки, в том числе применительно к отдельным типам предложений в современном русском языке.

Обращение к вопросу о субъектной перспективе глагольных односоставных предложений представляется целесообразным, поскольку базовые параметры, положенные в основу типологизации односоставного предложения [1, 2, 3], такие как степень отстранен-

ности деятеля от действия, определенность, неопределенность, обобщенность деятеля, внеличностность события, не могут служить препятствием для внедрения в диктум глагольного односоставного предложения точки зрения говорящего, его субъективного мнения, а по-иному говоря, кваликативного модального фактора. Субъект проявляет свое присутствие вербализацией собственной точки зрения на событие [4], что неизбежно ведет, во-первых, к сближению объективного и субъективного слоев смысла в зоне односоставных предложений, «притягиванию» диктума модусом, а во-вторых – к усложнению субъ-

ектной перспективы односоставного предложения. Исследование данной проблемы в рамках теории переходности, разработанной В.В.Бабайцевой [5], также представляется продуктивным, так как позволяет более пристально взглянуть на такие синтаксические явления, как снижение степени безличности собственно безличных предложений, экспликация зоны говорящего в личных глагольных односоставных предложениях и ряд других.

Цель работы

В статье предпринята попытка проследить особенности функционирования модально-предположительных частиц (*едва ли, вряд ли, словно, точно, авось, небось, будто* и под.) в глагольном односоставном предложении в аспекте расширения и углубления его субъектной перспективы. Основанием для актуализации данной проблемы послужила способность частиц фиксировать в предложении субъектную сферу говорящего. Указанная способность позволяет рассматривать модальные частицы как одно из средств соотношения высказываемого с действительностью в аспекте персональности.

Материалы и методы исследования

При описании субъектной перспективы односоставного предложения с модально-персуазивными частицами целесообразно использовать комплекс методов, позволяющих решить намеченные проблемы: функциональный метод, систематизационный метод, индуктивно-дедуктивный метод, а также метод компонентного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Наличие субъективно-модального компонента устанавливает факт вербализации авторской точки зрения на событие и, следовательно, является показателем авторства произведенной модальной квалификации. В результате происходит утверждение позиции говорящего («я так считаю», «я хочу, чтобы собеседник понял, что я так считаю»). Функционирование модальных частиц в этом плане проявляет один из аспектов категории персональности: соотнесение автора субъективно-модальных характеристик с говорящим.

С категорией персональности тесно связана проблема авторства, точки зрения говоря-

щего, которая в настоящее время получила отражение в ряде направлений лингвистики и смежных наук, изучающих способы представления автора в структуре предложения, исследующих категорию субъекта, описывающих парадигмы авторизации, модусные рамки, средства дифференциации сущности и ипостасей субъекта-говорящего, модальные трансформации конструкции, пресуппозитивные аспекты предложения [6, 7, 8, 9, 10].

Комплексные субъектные типологии, появившиеся относительно недавно, отталкиваются от языковой классификации, которая имеет широкую лингвистическую традицию. Типология субъектов, по мнению Н.К.Онипенко, должна опираться на «отнесенность субъекта к зоне диктума или зоне модуса», «семантико-синтаксический статус субъекта, вытекающий из его онтологического статуса» и «референциальную характеристику субъекта» [11, с.74-83]. Включение глагольных односоставных предложений с модальными частицами в классификацию, основанную на типологии субъектов и способе экспликации субъекта, должно преследовать определенные цели, в числе которых - установление статуса, которому соответствуют модальные частицы в семантической структуре поля персональности глагольных односоставных предложений. Последнее же невозможно осуществить без обращения к центральным проблемам субъектной перспективы предложения и определения сущности понятия «субъект» [12].

Экспликация и соотнесение в предложении диктумного субъекта («субъекта сообщаемого факта») и модусного субъекта («субъекта факта сообщения») позволяют выстроить субъектную перспективу предложения, «прочертить» ось между *Он* субъекта исходной модели и *Я* говорящего» [13, с. 231]. Данная ось по большому счету есть перспектива между *Я*-личности и *Не-я*-вещи, поэтому должна рассматриваться как одна из сторон модусной характеристики предложения. Установление функциональной роли частицы в развитии субъектной перспективы односоставного предложения и обоснование критериев экспликации частицами определенных субъектных сфер в конкретных разновидностях данных предложений представ-

ляется важным, так как в итоге оказывается связанным с общими проблемами авторства, обнаружения и описания способов диалогизации монолога.

Немаловажное значение здесь приобретает и вопрос о связи субъектной перспективы предложения с предикативностью [14, с. 138-140]. Суть его заключается в следующем. Модальность обуславливает присутствие в предложении субъектной сферы говорящего, что влечет за собой экспликацию развернутой или свернутой модусной рамки, в которой вербализуется способ соотношения высказываемого с действительностью. Персональность же, устанавливая соотношение между сферами диктума и модуса в предложении, определяет тип действующего (воспринимающего и т.д.) субъекта, а также факт совпадения или несовпадения субъектных сфер, т.е. тоже «работает» на предикативность предложения.

Известно, что субъектная перспектива предложения бывает разной степени сложности. Минимальная степень сложности, базирующаяся на минимальном количестве диктумных субъектов, характерна для предложений, не осложненных вербализованным модусно-рамочным элементом. В таких предложениях эксплицирован только субъект (субъекты) базовой модели. Личные глагольные односоставные предложения в этом аспекте имеют четкий грамматический показатель наличия диктумной субъектной сферы – флексию глагольной формы (*Люблю грозу...*; *В дверь постучали*). Мнимо - безличные односоставные предложения также имеют грамматический фиксатор диктумной субъектной сферы – словоформу в Д.п. («дательный субъекта») (*Мне хорошо*; *Ему холодно*).

Расширенная субъектная перспектива имеет место в том случае, когда в семантической структуре односоставного глагольного предложения помимо диктумных субъектов эксплицируются субъекты модусной сферы (*Вряд ли возможно это сделать*; *Едва ли ему ответят*; *Словно бы подтаяло на улице*). Так как нормой для диктума является невыраженность модусной субъектной сферы (стремление диктума к модусному нулю), то ее экспликация всегда оказывается

обусловленной интенциями говорящего, который считает необходимой вербализацию собственной точки зрения на описываемое событие. Усложнение субъектной перспективы односоставного глагольного предложения связано с увеличением количества субъектов, каждый из которых фиксирует отношение к модусу. Усложнение субъектной перспективы, таким образом, связано с увеличением сложности модуса предложения.

В этом аспекте также необходимо определить нашу позицию. В глагольных односоставных предложениях модальные частицы являются элементами, либо расширяющими, либо уточняющими субъектную перспективу.

Для глагольных односоставных предложений характерной оказывается актуализация частицей субъекта модусной зоны S_4 (субъекта-говорящего, квалифицирующего субъекта). В данных предложениях так или иначе дано указание на факт присутствия говорящего, причем само наличие в структуре предложения модальной частицы уже предполагает такое указание – через вербализацию в предложении авторской точки зрения на событие.

Возможность наличия практически в любом глагольном односоставном предложении зоны S_4 обусловлена еще и тем, что отношения, в которые включены данные предложения, всегда устанавливаются говорящим, автором этого предложения. Субъект зоны S_4 при этом находится вне других субъектов, представляя автономное модусное ядро.

Действительно, субъектная зона S_4 - сфера говорящего - это высшая ступень в иерархии субъектов. Универсальность зоны S_4 состоит в том, что фактически все субъектные зоны оказываются открытыми для ее внедрения. В то же время сфера говорящего не является самодостаточной в том смысле, что она реализуется только на базе других субъектных зон глагольных односоставных предложений, принадлежащих области диктума. Субъект S_4 в данном типе предложений также не самодостаточен, так как его точка зрения не может быть эксплицирована сама по себе, вне объекта ее приложения. В этом, кстати, заключается одна из причин универсальности и открытости субъектной зоны S_4 . Модусный субъект при этом должен быть наделен

чертами, характерными для субъектов реактивного и информативного регистров: показателями регистровой принадлежности; способом участия в квалификации описываемого события; экспликацией собственной точки зрения на денотативную ситуацию; принадлежностью «точки зрения» автору высказывания. Модусный субъект, знаком присутствия которого в односоставном глагольном предложении являются модальные частицы, обладает указанными чертами.

Исходя из сказанного, модально-предположительные частицы в семантической структуре односоставного глагольного предложения должны быть охарактеризованы как средства экспликации позиции (а следовательно, и факта присутствия, «точки зрения») говорящего. Модальная частица - средство выражения авторского «я». Это имплицитное выражение «его» («я так думаю», «я так считаю»), указание на говорящего, на личную (субъективную, и значит - авторскую) окрашенность односоставного предложения: *Небось потеплело сегодня, - с надеждой проговорила она (А.Иванов); Как будто возле этих камней и взаправду испытываешь чувство гармонии и облегчения («Крестьянка»)*. С одной стороны, модальные частицы - это формальные показатели авторского мнения (сомнения, предположения и др.) относительно квалифицируемого события, т.е. элементы, «проявляющие» позицию говорящего, указывающие на авторство производимой квалификации. С другой стороны, эти же средства являются показателями некатегоричности мнения говорящего, инструментом предоставления собеседнику права самому решать, соглашаться с предоставленным ему видением события или нет. Это так называемое дипломатичное приглашение с правом на отказ.

Авторство предлагаемой адресату квалификации служит основой того, что модальные частицы всегда относятся к «я»-модусного субъекта. Они не могут относиться к «ты»-собеседника или к «он»-отстраненного лица. Любая попытка введения модальных частиц в смысловое пространство указанных лиц соотносит данные смысловые сущности со сферой говорящего, актуализирует данную сферу (Ср.: *Он ($S_3=S_4$) думал, что ему вряд*

ли (S_4) удастся испытать такую радость еще хоть раз в жизни (Л.Леонов), где сферы S_3 и S_4 хотя и совмещены, однако не полностью, а лишь частично. Результат - синтезация двух точек зрения (субъекта-авторизатора и субъекта-говорящего) в одну, достигаемое через актуализацию позиции субъекта S_4 , который, отождествляя свою точку зрения с точкой зрения авторизатора, вводит свою личность в смысловое пространство сферы S_3). Это обусловлено тем, что говорящий, как субъект речи, выполняет перед адресатом эпистемические обязательства, т.е. несет свою долю ответственности за истинность/ложность утверждаемой им пропозиции (или хотя бы за факт утверждения предлагаемой квалификации события).

Модификация по линии синтаксического лица в сфере модуса односоставных глагольных предложений сосредоточена на противопоставлении *Я*- и *Он*-модусной рамки. *Я*-модусная рамка характеризуется слиянием субъекта сознания (субъекта мыслящего) и субъекта говорящего. *Он*-модусную рамку образует несовпадение субъекта мыслящего и говорящего. Для *Он*-модусной рамки типично появление субъекта-авторизатора.

Модальная частица в глагольном односоставном предложении - вербализатор *Я*-модусной рамки. Субъект *Я*-модусной рамки отражает факт наличия мыслительной операции, указывает на «присутствие» говорящего, квалифицирующего событие, поэтому экспликация в глагольных односоставных предложениях только лишь *Он*-модусной рамки (без одновременного эксплицирования *Я*-модусной рамки) исключается.

Я-модусная рамка, вербализуемая модальной частицей, является рамкой свернутого типа. Присутствие именно такой формы представления говорящим своей позиции относительно объекта квалификации вполне объяснимо. Сворачивание модусной рамки обусловлено сферой функционирования односоставного предложения с частицей. В большинстве случаев это сфера разговорной речи, диалога, где свернутая модусная рамка служит компактным средством обнаружения позиции говорящего.

Свернутая модусная рамка в односоставных предложениях с модальными частица-

ми, будучи внешней рамкой по отношению к диктуму, сосредоточена на актуализации субъективной информации, которая вводится для квалификации информации объективной. Субъект модуса и объект квалификации, с одной стороны, представляют собой сущности, отстраненные друг от друга как объект и его субъективная квалификативная характеристика, а с другой стороны, они, на наш взгляд, в большей степени, чем в сложных предложениях с развернутой внешней модусной рамкой (Ср.: «Мне кажется, что...», «Я считаю, что...»), приближены друг к другу. Авторская модально-квалификативная характеристика события в глагольных односоставных предложениях с модальными частицами как бы внедряется в диктум и его субъектные сферы. Заметим, что вычленение внешней модусной рамки характерно и для тех высказываний, в которых МПЧ корректируют семантические поля модальных компонентов, образующих внутреннюю модусную рамку: *Нет, едва ли от него можно многого ожидать* (К.Симонов); *-Разве же можно так думать о человеке?* (В.Шукин).

Главная задача введения свернутой Я-модусной рамки заключается в снятии на субъектном уровне противопоставленности диктума и модуса, имеющее место при развернутой рамке. Данный процесс завершается изменением соотношения диктума и модуса в пользу последнего: противопоставление диктума и модуса, имеющее место при развернутой Я-модусной рамке в сложном предложении, снимается, диктум глагольного односоставного глагольного предложения с частицей как бы смещается к модусу, начинает служить нуждам модуса. Результатом этого является, например, некоторое снижение степени безличности собственно безличных предложений (*Словно за вечерело вокруг; Вряд ли подтаяло на улице*), частичное нивелирование параметра личной обобщенности в обобщенно-личных односоставных предложениях с одновременным смещением последних к зоне определено-личных предложений (Ср.: *К нему и на козе вряд ли подъедешь*).

Функционирование модальных частиц в составе глагольных односоставных предложений в рамках субъектной перспективы во

многом обусловлено факторами, характерными для синтаксических лиц и степеней отстраненности лица. Остановимся в связи с этим на специфике расширения модальными частицами субъектных перспектив конкретных типов глагольных односоставных предложений.

Модально-предположительные частицы в рамках субъектной перспективы глагольного односоставного предложения работают в двух направлениях. Первое включает непосредственное эксплицирование субъектной зоны говорящего (S_4), причем модальная частица является единственным средством вербализации авторской точки зрения и, следовательно, сферы модусного субъекта. Второе направление сосредоточено не столько на прямой экспликации частицей зоны S_4 , сколько на ее дополнительной актуализации. Это обусловлено тем, что в односоставном предложении, кроме модальной частицы, имеются другие экспликативы субъектной сферы говорящего. Модальные частицы в этом случае выступают в качестве локализаторов зоны S_4 .

Нужно отметить, что локализация зоны S_4 модальными частицами осуществляется в безличном типе односоставного предложения. Локализация зоны происходит достаточно редко и только в определенной структурной разновидности безличных односоставных предложений, где модусный субъект вербализован формой *мне*: *Мне (S_4) вряд ли (S_4) нужно было это знать* (А. Казанцев). В этом случае модальная частица не является единственным экспликативом зоны S_4 , а лишь актуализирует ее.

Экспликация модальными частицами субъектной зоны S_4 в глагольных односоставных предложениях осуществляется более разнообразно. Здесь, как уже говорилось, модальная частица является единственным экспликативом субъектной зоны S_4 . Такой способ модальной квалификации характерен для определено-личных, неопределенно-личных, обобщенно-личных и части безличных односоставных предложений. Фактор отстраненности действия от деятеля-говорящего служит здесь одной из причин вербализации авторской точки зрения в виде свернутой Я-модусной рамки.

Для определенно-личных глагольных односоставных предложений экспликация частицами субъектной зоны говорящего также характерна, однако в первую очередь для тех определенно-личных предложений, в которых главный член представлен формой 2-го лица ед. и мн. числа. Малопродуктивной оказывается в этом плане форма 1-го лица. Формы же повелительного наклонения не функционируют в предложениях с модально-персуазивными частицами.

Нормой для неопределенно-личных предложений предложения считается грамматическое представление деятеля как неопределенного, неизвестного или специально устраненного из сообщения. Говорящий отстранен от независимого действия. Позиция субъекта может быть занята словоформами, которые указывают на лицо, однако указание это косвенное, отнесенное к совокупности лиц или отдельному лицу, а грамматически представленное не формой базового субъекта модели.

Экпликация МПЧ субъектной зоны S_4 производится в данных предложениях следующим образом. Зона S_3 , вербализуемая в неопределенно-личных предложениях глагольной формой, не сливается с зоной S_4 , поэтому о совмещении зон, как это имеет место в ряде двусоставных предложений (Он думал, что **вряд ли** сюда вернется ($S_3=S_4$)), не может идти речи. Зона S_4 автономна, обособлена от зоны S_3 : *В комнате как будто говорили («Новый мир»); Спросите какого-нибудь представителя племени акхе или мяо: почему он рискует, из года в год занимаясь запрещенным промыслом? Вам **вряд ли** ответят («Сельская жизнь»); И тут я немного замешкался. **Вроде** снова постучали в дверь напротив, - тихо, но отчетливо (Л.Пантелеев).* Модусный субъект отстранен здесь от субъекта (субъектов) сферы S_3 , занимает позицию наблюдателя. С помощью модальной частицы говорящий обособляется от группы лиц, исключает себя из их числа: *-Чай, не доверяют ему теперь стадо, - сокрушался дед Степан («Юность»); Нам сделают прививку **едва ли** к лету будущего года (А.Алексин).*

При развертывании субъектной перспективы зона S_4 также остается несомещенной с другими субъектными зонами (Ср.: *Его (S_3) как будто (S_4) считали (S_3) разумным че-*

*ловеком (В.Михайлов); Не приглашают (S_3) тебя (S_3), что ли (S_4)? (В.Шукин); Видел Серебряков ту небрежную закорючку красным карандашом? Ордер **вряд ли** (S_4) ему (S_3) предъявили (S_3) («Юность»)).*

В предложениях с обобщенным значением лица модальные частицы зафиксированы в единичных случаях. Эта особенность обусловлена спецификой семантического поля данных конструкций. Здесь обозначено действие, которое может быть отнесено ко всякому, любому лицу, т.е. действие абстрагированное (обобщенное). Актуализировать модально-кваликативные смыслы (сомневаться, предполагать и т.д.) по поводу такого действия говорящему приходится лишь тогда, когда это обусловлено его коммуникативным заданием: желанием в завуалированном виде, ненавязчиво эксплицитировать свою точку зрения, выявить таким образом свой взгляд на ситуацию, для описания которой используется данный способ представления информации, соотнести высказываемое с конкретной речевой ситуацией («здесь» и «сейчас»). Личность говорящего при этом не выдвигается на первый план и не противопоставляется обобщенному количеству субъектов: *Отшельника на людях **вряд ли** встретишь (В.Шукин); **Вроде** делаешь-делаешь, стараешься-стараешься... а все напрасно (Ф.Панферов).*

Стандартом для обобщенно-личных предложений считается неэкпликация модусного субъекта, что приводит к внедрению зоны S_4 в зону S_1 : говорящий включает себя в состав внутреннего субъекта, так как предстает здесь не только как отдельный, но и как любой и всякий субъект. Последнее затрудняет выведение зоны S_4 из зоны S_1 : *Можно представить, сколько было тогда у вас волнений, - замечает Заболотный. Да **вряд ли** и волнением назовешь то состояние (О.Гончар).* Указание же на факт наличия S_4 при помощи МПЧ служит сигналом стремления говорящего уточнить «свое» видение события, например: *-Но ведь сегодня **вряд ли** найдешь человека, который скажет, что он не желает перестраиваться (г.т.); Безумно хочется весны, Ведь сердцу не прикажешь, Такие нынче снятся sny... Ну разве перескажешь! (Т.Иноземцева).*

Вычленение свернутой Я-модусной рамки является показателем того, что субъект хотя и не стремится к типичной для предложений такого рода передаче личной точки зрения в нейтрально-обобщенном виде, тем не менее не противопоставляет ее другим точкам зрения: *Небось и не подумаешь, что три дня как из армии демобилизовался («Алтай»); Какие бы ни велись споры о порядке, вряд ли отыщешь людей, которые не любили бы удобство и чистоту в доме («Сельская жизнь»)*. В подобных предложениях отмечен процесс объективации модуса: сам модусный субъект представлен как обобщенный, а в речи такие предложения воспринимаются как выражение акцентированного мнения говорящего. Формальная невыраженность диктумного субъекта ведет, в принципе, к необязательности его экспликации модально-персуазивным средством. Если же это имеет место, то всегда причинно обусловлено.

В безличных предложениях субъектная зона S_4 при экспликации ее с помощью модальных частиц представляет самостоятельную область. Она выделяется как коммуникативный центр высказывания вне зависимости от того, в какой разновидности безличных предложений эксплицируется: *Вряд ли можно и должно требовать от учеников шестого класса полного раскрытия художественного образа (М. Снежневская); - А «счастья» нет! - шепчу я безнадежно: - Ужель найти его не суждено? И вдруг... сирень отброшена небрежно: Шаги - ты здесь... О счастье! Вот оно (Т. Щепкина-Куперник); Ведь в горах едва ли будет тепло ближайшую неделю, поэтому вопрос снаряжения приобретает особую остроту (А. Казанцев)*. Причиной свободного наложения авторской квалификации является безотносительность выражаемого действия к деятелю, субъекту. Зона S_4 свободно внедряется как в собственно безличные, так и в мнимо безличные предложения. И то, что, например, в собственно безличных предложениях субъектная перспектива зафиксиро-

рована, заставляет вести речь, во-первых, о специфическом взаимодействии диктума и модуса в данной разновидности безличных предложений, а во-вторых, – о промежуточном положении подобных безличных предложений между собственно безличными и мнимо-безличными с дательным субъекта.

Заключение

Таким образом, в глагольных односоставных предложениях модальные частицы выступают и как экспликативы, и как актуализаторы субъектной зоны говорящего, однако экспликация данной зоны является более частотной операцией, нежели ее актуализация. Это объяснимо, поскольку при экспликации зоны говорящего базовым субъектом ее дополнительная актуализация при помощи модальной частицы, как правило, требуется только в тех случаях, когда квалификация говорящим собственного мнения действительно необходима, исходя из прагматически обусловленных факторов, в первую очередь, фактора интенсификации. Говорящему, актуализирующему зону S_4 , важно, чтобы адресат обратил внимание на то, что производимая модальная квалификация собственного мнения представляется субъекту значимой в аспекте речевого воздействия на адресата. В итоге отметим, что намеченные в статье проблемы в области субъектной перспективы односоставного глагольного предложения с модально-персуазивными частицами являются, на наш взгляд, перспективными для исследования, поскольку связывают формально-грамматический аспект изучения односоставного предложения с функционально-семантическим и прагматическим аспектами. Разработка данных аспектов позволит глубже проникнуть в синтаксическую природу односоставного предложения, точнее осмыслить диктумно-модусную организацию данных предложений, описать в действии процесс снятия четкой противопоставленности диктума и модуса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1968. 160 с.
2. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: МГУ, 1958. 332 с.

REFERENCES

1. Babaysteva V.V. Mononuclear sentences in modern Russian language. M.: Prosveshenyje, 1968. 160 p.
2. Galkina-Fedoryk E.M. Impersonal sentences in modern Russian language. M.: MGU, 1958. 332 p.

3. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1986. 176 с.

4. «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания: Сборник научно-аналитических обзоров. М.: ЦНИОН РАН, 1992. 128 с.

5. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.

6. Cooper D. Presupposition // *Janua linguarum. Series minor.* 203. The Hague – Paris, Mouton, 1974. 130 p.

7. Fillmore Ch. The Case for Case // *Universals in Linguistic Theory.* №4. / Ed. by E.Bach and R.Harms. N.Y. – London – Toronto, 1968. Pp. 1-88.

8. Gardner R. «Presupposition» in *Philosophy and Linguistics // Studies in Linguistic Semantics.* N.Y., 1971. Pp. 22-42.

9. Katz J.J. A Solution to the Projection Problem for Presupposition // *Syntax and Semantics.* V.11. N.Y., 1979. Pp. 91-154.

10. *Syntax and Semantics.* Vol.11. Presupposition / Ed. by Choon-Kyu Oh, David A. Dinneen. N.Y. – San Fr. – London: Academic Press, 1979. 411 p.

11. Онипенко Н.К. Идея субъектной перспективы в русской грамматике // *Русистика сегодня.* 1994. № 3. С. 74-83.

12. Лекант П.А. Синтаксические категории субъекта, лица, агенса в структуре простого предложения // *Лингвистический сборник: Проблемы русского языкознания.* Вып. 5. М.: МОПИ, 1976. С. 123-128.

13. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 1998. 528 с.

14. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.

3. Lekant P.A. The syntax of a simple sentence in modern Russian language. M: Vyshaja Skola, 1986. 176 p.

4. “I”, “subject”, “individual” in the paradigms of modern linguistics. M: SNION RAN, 1992. 128 p.

5. Babaysteva V.V. Transitional phenomenon in Russian grammar. M.: Drofa, 2000. 640 p.

6. Cooper D. Presupposition // *Janua linguarum. Series minor.* 203. The Hague – Paris, Mouton, 1974. 130 p.

7. Fillmore Ch. The Case for Case // *Universals in Linguistic Theory.* №4. / Ed. by E.Bach and R.Harms. N.Y. – London – Toronto, 1968. Pp. 1-88.

8. Gardner R. «Presupposition» in *Philosophy and Linguistics // Studies in Linguistic Semantics.* N.Y., 1971. Pp. 22-42.

9. Katz J.J. A Solution to the Projection Problem for Presupposition // *Syntax and Semantics.* V.11. N.Y., 1979. Pp. 91-154.

10. *Syntax and Semantics.* Vol.11. Presupposition / Ed. by Choon-Kyu Oh, David A. Dinneen. N.Y. – San Fr. – London: Academic Press, 1979. 411 p.

11. Onipenko N.K. The idea of subjective perspectives in Russian grammar // *Rusistika segodnya.* 1994. № 3. Pp. 74-83.

12. Lekant P.A. Syntactic category of subject, person, agent in the structure of a simple sentence // *Linguistic collection: Problems of Russian linguistics.* Vip.5. M.: MOPI, 1976. Pp. 123-128.

13. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Y. Communicative Grammar of Russian language. M.: MGU, 1998. 528 p.

14. Zolotova G.A. Study of functional syntax of the Russian language. M.: Nauka, 1973. 351 p.

ДАнные об авторе:

Нагорный Игорь Анатольевич

доктор филологических наук, профессор

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

улица Победы, 85, Белгород, 308015

Российская Федерация

E-mail: nagorny@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Igor Anatolievich Nagorny

doctor of philology, professor

Belgorod State National Research University
Pobedy, 85, Belgorod, 308015

Russian Federation.

E-mail: nagorny@bsu.edu.ru

УДК 81'272

*Прокофьева В.Ю.,
Прончатова Е.Г.*

Гендерный аспект рекламного хронотопа: лексический уровень текста

АННОТАЦИЯ

Формирующийся рекламный дискурс демонстрирует гендерные различия в представлении таких базовых для языкового сознания категорий, как время и пространство, что можно заметить при исследовании лексического уровня рекламного текста. Анализ «мужских» и «женских» рекламных текстов с позиций лексического представления в них хронотопа показывает различия в репертуаре лексем, формирующих представления о времени и пространстве рекламной ситуации. Эти различия касаются и количества используемых единиц, и концептуальной стороны в представлении мужского и женского рекламного хронотопа. Большее количество лексических единиц представлено в «женских» рекламных текстах; концептуальное различие касается взаимодействий адресата со временем и пространством (женщина побеждает время, мужчина — пространство) и границ пространства: мужчина находится в реальном точечном и горизонтальном пространстве, для женщины пространственные границы расширяются во многих направлениях, что демонстрирует сравнительный анализ лексем.

Ключевые слова: реклама; хронотоп; гендер; пространство; время; лексическая структура текста.

*Prokofyeva V.Y.,
Pronchatova E.G.*

Gender aspect of the advertising chrnotope: the lexical level of the text

АБСТРАКТ

The forming advertising discourse demonstrates gender differences in the presentation of such basic categories of language awareness as the time and space, which can be seen in the study of the lexical level of the advertising text. The analysis of «male» and «female» advertising texts from a standpoint of the lexical representation of their chronotope demonstrates some differences in the repertoire of lexical units forming ideas about the time and space of a certain advertising situation. These differences apply to the number of used units and the conceptual parties of the representation in the male and female advertising chronotope. A greater number of lexical units is present in the «female» advertising texts; the conceptual difference applies to the interactions of addressee with the time and space (woman wins the time, man wins the space) and the boundaries of the space: the man is in the real pinpoint and horizontal space, however, for women the spatial boundaries are expanded in many directions, which is demonstrated by the comparative analysis of the lexical units.

Key words: advertising; chronotope; gender; space; time; lexical structure of the text.

Реклама, получившая широкое распространение в конце XIX века, сегодня стала неотъемлемой частью повседневной жизни россиян. Сейчас огромное внимание уделяется правилам составления рекламных текстов, начинают учитываться особенности восприятия рекламы русской аудиторией, изучаются лингвокогнитивные аспекты рекламного дискурса [9], который в России продолжает своё формирование. В последнее десятилетие появилось немало исследований рекламного дискурса в аспекте гендерного подхода: определены стереотипные образы мужчины и женщины в рекламных роликах [7], выявлены мужские и женские сферы, выбираемые рекламодателями [2], проанализированы языковая игра и слоганы, ориентированные на мужскую и женскую аудиторию [8], концепты, актуальные для мужского и женского языкового сознания [6], невербальная коммуникация в рекламе [3].

Анализируя рекламный хронотоп, мы заметили гендерные различия в представлении рекламным дискурсом таких базовых для языкового сознания категорий, как *время* и *пространство*, различия эти хорошо заметны на лексическом уровне рекламного текста.

Как известно, прагматика наших высказываний связана с триадой «эгоцентрических» слов «я — здесь — теперь», локализуя-

щих говорящего во времени и пространстве, по данным частотных словарей, «самыми частотными вопросами в речи являются вопросы-где и вопросы-когда» [1, с. 4]. Мы проанализировали около ста устных (ТВ) и письменных (газеты, журналы, баннеры, сайты интернет-магазинов) текстов потребительской коммерческой рекламы, использующих в прагматических целях базовые концепты языковой картины мира «Время» и «Пространство». Гендерные различия в использовании пространственно-временных категорий заметны уже на уровне тематики текстов: мужской аудитории адресована реклама автомобилей и часов, женской — косметики и белья (интернет-магазины одежды имеют свою гендерную специфику) [о гендерной тематике рекламных текстов см.: 4], причем в количественном отношении «женских» рекламных текстов больше, это объясняется тем, что «по статистике, 85% всех потребительских расходов несут женщины, по этой причине, аудитория женщин подвергается наибольшему рекламному воздействию» [5].

Замечено, что в рекламе «гендерные маркеры эксплицированы при помощи лексических единиц или грамматическим способом» [10, с. 329], сравним текстовое воплощение категорий времени и пространства в лексической структуре рекламных текстов различной гендерной направленности (таблица 1)

Таблица 1

Категория ВРЕМЯ в лексической структуре рекламного текста различной гендерной направленности

Table 1

Category TIME in the lexical structure of the advertising text different gender orientation

«Мужская» реклама			«Женская» реклама		
Актуализируемые смыслы	Текстовое воплощение	Способы лексической экспликации	Актуализируемые смыслы	Текстовое воплощение	Способы лексической экспликации
1	2	3	4	5	6
Комфорт, надежность постоянно	Цени каждое мгновение комфорта и надежности	Через обозначение времени к обозначению качества жизни	Власть над временем	Стремитесь обрести власть над временем? Коррекция морщин; Косметика Мирра Люкс: не теряя времени - теряй годы!	Метафорические конструкции и игра слов

1	2	3	4	5	6
Будущее в соответствии с мечтой; будущее, которое можно «собрать»	BMW Concept Spider. Добро пожаловать в будущее сегодня . Мы конструируем мечты . Генерируем впечатления. Разбираем будущее на детали и собираем из них инновации.	Повторение ключевого слова, аксюморон (<i>будущее сегодня</i>), ситуативно-речевая синонимия (автомобиль - будущее)	Жить полной жизнью	MILAVITSA – бельё для жизни . Живи полной жизнью . Яркая жизнь ваших губ	Слово жизнь в применении не только к человеку, но и к частям его тела
Новое, модернизированное	Обновленный Land Cruiser Prado; обновленный VOLVO; новая MAZDA	Повторение ключевого слова	Новое, модернизированное	Новое поколение отшелушивающих лосьонов; новая формула	Повторение ключевого слова
Внимание к настоящему, происходящему сейчас	Будь особенным каждую секунду . Your time is now. Твоё время сейчас . Maurice Lacroix (реклама мужских часов)	Сочетание <i>каждая секунда</i> , игра слов, основанная на сочетании абстрактного и конкретного значений	Мгновенное изменение к лучшему	Экстраординарные сыворотки. Мгновенное преображение . 3 масла – 3 действия для мгновенного преображения поврежденных волос.	Сочетание <i>мгновенное преображение</i>
			Изменение за короткий промежуток времени	Уже через 7 дней ваша кожа выглядит моложе; Видимый результат за 2 недели	Обозначение коротких временных промежутков
			Эффект от средства на определенный промежуток времени	Совершенно прямые волосы на целых 3 дня; 8 недель блеска; объёмные волосы 24 часа.	Обозначение точных промежутков времени
			Результат долгих научных исследований	Мы вложили в формулы знания, полученные от двух поколений ведущих дерматологов . 15 лет научных исследований	Обозначение длительных промежутков времени

Как видим, в «мужских» рекламных текстах манипулирование временной категорией происходит в сторону укрупнения временных «блоков», поддержания интереса к новому и будущему. Слова, обозначающие краткие временные промежутки (*мгновение, секунда*), связаны либо с понятиями комфорта, надежности, постоянства, если рекламируется автомобиль, либо участвуют в языковой игре, основанной на соединении абстрактного и конкретного значений лексем временной группы, в рекламе часов.

В «женской» рекламе представлен больший спектр временных обозначений. Манипуляция основными составляющими концептосферы 'время' – 'необратимость', 'темпоральная ограниченность', 'вечность' в «женской» рекламе создает иллюзию возможной власти человека над временем: *Наука побеждает время. Shiseido Супервосстанавливающая сыворотка; Блеск для губ «Ароматное ас-сорти»; Линия Capital Lumiere: средства, которые сглаживают следы времени.* Также

в «женской» рекламе наблюдается пристрастие к минимальным (мгновение) и точным временным обозначениям, которые должны продемонстрировать промежуток времени, за который произойдет преобразование, и сколько оно продлится. Обозначения длительных промежутков времени функционально значимо лишь тогда, когда говорится о долгом научном пути нового продукта к потребителю, что должно вызвать доверие адресата к этому продукту. Совпадение в словоупотреблении «мужской» и «женской» рекламы обнаружено в текстах, актуализирующих новизну или обновленность товара.

Интересно различие в использовании временных лексем в рекламе женских и мужских часов: женское время динамичное, длящееся (сочетание *в ногу со временем* предполагает в качестве ассоциата глагол *идти*, обозначающий процессуальную ситуацию), мужское – статичное, застывшее *в каждой секунде*, в точке под названием *сейчас* (таблица 2):

Таблица 2

Мужской и женский варианты рекламы часов

Table 2

Male and female advertising options of the watch

Реклама мужских часов	Реклама женских часов
Будь особенным каждую секунду . Your time is now. Твое время сейчас . Maurice Lacroix.	Tissot Diamonds. Элегантные женские часы с 4 бриллиантами на белом перламутровом циферблате, корпус из нержавеющей стали, сапфировое стекло, устойчивое к появлению царапин, водонепроницаемость. В ногу со временем.

В структуре рекламных текстов, содержащих пространственные лексем, можно заметить следующую гендерную специфику (таблица 3).

Таблица 3

Категория ПРОСТРАНСТВО в лексической структуре рекламного текста различной гендерной направленности

Table 3

Category SPACE in the lexical structure of the advertising text different gender orientation

«Мужская» реклама			«Женская» реклама		
Актуализируемые смыслы	Текстовое воплощение	Способы лексической экспликации	Актуализируемые смыслы	Текстовое воплощение	Способы лексической экспликации
1	2	3	4	5	6
Окружи себя проверенными, надежными вещами	Один из проверенных вариантов: темно-синий пиджак, поло с растегнутым воротником и серые брюки.	Прилагательные проверенный и надежный в рекламе мужских вещей	Окружи себя вещами, которые сделают тебя неповторимой, подчеркни свою уникальность	Сумка ручной работы удивит окружающих. Почувствуй себя неповторимой , подчеркни особенности твоей красоты и шарма .	Прилагательные неповторимый , особенный , уникальный , эксклюзивный

1	2	3	4	5	6
	Нужна мужская кожаная куртка? У нас только надежные мужские куртки.				
Свобода горизонтального движения, архетип путешественника (динамика)	BMW. Свобода движения. Быть свободным означает делать уверенный выбор, двигаться навстречу новым эмоциям и чувствам. Вам будут открыты любые дороги: Сделайте шаг навстречу мечте.	Существительные <i>свобода, выбор, движение;</i> сочетания <i>открыты любые дороги, шаг навстречу мечте</i>	Расширение пространства до размеров земного шара, ориентация на население планеты	Ярлычок NAFA – знак высшей пробы на одежде из меха, хорошо известный модницам всех континентов. Бьюти-редакторы со всего мира выбрали Lancôme. Миллионы женщин уже оценили.	Лексемы, обозначающие локусы планетарного масштаба: <i>континеты, страны</i> (во мн. числе); сочетания: <i>миллионы, тысячи</i> женщин
Горизонтальный вектор движения (динамика)	Всегда рядом. SUBARU. Уверенность в движении. Почувствуй, что жизнь не стоит на месте.	Слова и сочетания, обозначающие постоянное движение вперед	Вертикальный вектор движения	Высокая мода для Ваших ресниц. Возьмите новую высоту.	Спортивная метафора <i>взять высоту</i>
			Макроприближение	Мультитональная технология HD-пигментов. Совершенная кожа даже вблизи.	Наречия близкого пространственного расположения
			Выйти за рамки обычного, обыденного	COSMOPOLITAN представляет конкурс «Ломаем стереотипы». Попробуй выйти за рамки!	Сочетания <i>ломать стереотипы и выйти за рамки</i>
			Скачок в нереальное пространство	Тушь Noir Couture: взгляд в четырёх измерениях , с каждым днём всё более выразительная красота	Фразеологизм <i>четвертое измерение</i> как синоним преобразования

Реклама для мужчин представляет, по сути, два варианта нахождения адресата в пространстве: статичное и динамичное. Первое конструируется *надежными* и *проверенными* вещами, обеспечивающие потребителю рекламы *комфортное* окружение, второе реализуется в архетипичном образе мужчины-путешественника, *легко* и *свободно выбирающем* вектор движения и покоряющего горизонтальное пространство с помощью предложенных автомобилей (в описании выделены ключевые лексемы, используемые в рекламном тексте).

Реклама, направленная женской аудитории, гораздо разнообразнее в пространственном отношении, о чем говорит более широкий репертуар лексем, имеющих локальную семантику, приобретающих её в тексте или участвующих в формировании пространственных представлений:

1. Если мужчине предлагается окружить себя предметами, которые создадут комфорт, то женское ближайшее пространство должно быть наполнено вещами, которые смогут сделать свою хозяйку *неповторимой, уникальной и эксклюзивной*.

2. Использование рекламируемого продукта дает возможность большего разрешения, макроприближения, использования крупного плана, что подчеркивается наречиями близкого расстояния по отношению к объекту с усилительной частицей (*даже вблизи*).

3. Чтобы женщина доверилась рекламируемому продукту, её надо убедить в успешном использовании его большим количеством других женщин во всех уголках планеты, отсюда — расширение пространства до планетарных масштабов через использо-

вание лексем, обозначающих большие локусы (*континеты, страны*), и числительных, обозначающих большие количества женского населения (*миллионы, тысячи*).

4. Использование спортивной метафоры *взять высоту* по отношению к улучшению внешности женщины дает вертикальный вектор движения в пространстве.

5. Если мужчине предлагается наслаждаться комфортом обыденного пространства и покорить пространство реальное, то для женщины оказываются доступными пространства необычные, нереальные, запредельные, что выражается во фразеологических сочетаниях *выйти за рамки, ломать стереотипы, четвертое измерение*.

Итак, при анализе гендерных различий в рекламном хронотопе мы обнаружили не только количественный перевес в женских рекламных текстах по сравнению с мужскими, но и большее разнообразие в репертуаре лексических единиц, представляющих пространство и время в структуре рекламного текста. Различия основаны на концептуальных представлениях базовых категорий времени и пространства в рекламных текстах. Если женщина с помощью косметического продукта побеждает время, то мужчина на рекламируемых автомобилях — пространство; если для мужчины достаточно освоить точечное обыденное и векторное горизонтальное реальное пространство, то для женщины пространственные границы расширяются и в сторону приближения к ней, и в сторону расширения до планетарных масштабов, и в сторону ухода в параллельные миры и другие измерения. И всё это осуществляется на лексическом уровне рекламного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аюпова С.Б. Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале художественной прозы И.С. Тургенева). Автореф. дисс... д-ра филол. наук. Уфа, 2012. 49 с.
2. Беликова А.В. Журнальная реклама: лингвокультурный и гендерный аспекты (на материале русского и английского языков). Автореф. дисс... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 20 с.
3. Грошев И.В. Гендерная невербальная коммуникация в рекламе // Гендерные исследования. М., 1999. С. 71 — 77.

REFERENCES

1. Ayupova S.B. Categories of Space and Time in the Language of Artistic Picture of the World (based on the fiction of Ivan Turgenev). Author. diss. ... doctor of philological sciences. Ufa, 2012. 49 p.
2. Belikova A.V. Magazine Advertising: Linguistic Culture and Gender Aspects (based on Russian and English languages). Author. diss. ... candidate of philological sciences. Krasnodar, 2007. 20 p.
3. Groshev I.V. Gender Non-verbal Communication in Advertising // Gender Studies. M., 1999. Pp. 71-77.

4. Каримова О.И. Гендерный и лингвокультурный аспекты социальной рекламной коммуникации (экспериментальное исследование). Автореф. дисс... канд. филол. наук. Ульяновск, 2006. 20 с.

5. Овчаренко И.С. Гендерная специфика восприятия в разработке рекламной кампании // <http://conference.be5.biz/r2011/1890.htm> (дата обращения 6.08.2014).

6. Ожгихина Е.С. Концептуальный анализ рекламного текста с позиции гендера: На материале современного английского языка. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 25 с.

7. Петров М.С. Гендерные образы и стереотипы современной российской рекламы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 124. С. 401 — 407.

8. Семиколонова Е.И., Каширина М.М. Языковая игра как прием телевизионной рекламы, ориентированной на мужскую и женскую аудиторию // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). 2011 г. № 2. Часть 2. С. 63 — 69.

9. Смогута Е.А. Лингвокогнитивные особенности дискурса глянцевого журнала: гендерный аспект (на материале российской версии журнала «Cosmopolitan» за 2005 — 2011 гг.). Автореф. дисс... канд. филол. наук. Белгород, 2012. 20 с.

10. Томская М.В. Гендерный аспект социального рекламного дискурса // Гендер: язык, культура, коммуникация: Доклады Первой Международной конференции. М., 2001. С. 328 — 333.

4. Karimova O.I. Gender and Social Aspects of the Linguistic Culture Advertising Communication (experimental study). Author. diss. ... candidate Philology. Ulyanovsk, 2006, 20 p.

5. Ovcharenko I.S. Gender Specificity of Perception in the Development of an Advertising Campaign // <http://conference.be5.biz/r2011/1890.htm> (date of access: June 8, 2014).

6. Ozhgikhina E.S. Conceptual Analysis of the Advertising Text from the Perspective of Gender: On the Material of Modern English. Author. diss. ... candidate of philological sciences. Ufa, 2006, 25 p.

7. Petrov M.S. Gender Images and Stereotypes of the Modern Russian Advertising // Proceedings of the Russian State Pedagogical University A.I. Herzen. 2010. № 124. Pp. 401-407.

8. Semikolenova E.I., Kashirina M.M. Language Game as the Reception of Television Advertising, Focused on the Male and Female Audience // Scientific notes Tauride National University V.I. Vernadsky. Series «Philology. Social communication». Volume 24 (63). 2011 № 2. Part 2. Pp. 63-69.

9. Smoguta E.A. Linguistic Cognitive Particularities of the Glossy Magazines Discourse: a Gender Aspect (based on the Russian version of the magazine «Cosmopolitan» for 2005 - 2011). Author. diss ... candidate of philological sciences. Belgorod, 2012. 20 p.

10. Tomskaya M.V. The Gender Aspect of the Social Advertising Discourse // Gender: language, culture, and communication: Report of the First International Conference. M., 2001. Pp. 328 — 333.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ:

Прокофьева Виктория Юрьевна

доктор филологических наук, профессор
кафедры современного русского языка,
риторики и культуры речи Оренбургского
государственного педагогического университета
ул. Советская, д. 19, г. Оренбург, 460014, Россия
E-mail: vicproc@rambler.ru

Прончатова Елена Георгиевна

аспирант

кафедры современного русского языка,
риторики и культуры речи Оренбургского
государственного педагогического университета
ул. Советская, д. 19, г. Оренбург, 460014, Россия
E-mail: lenusik-pronchatova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS:

Victoriya Yurievna Prokofyeva

Doctor of Philology, Professor
Department of Modern Russian language, rhetoric
and culture of speech
Orenburg State Pedagogical University
19 Sovetskaya St., Orenburg, 460014, Russia
E-mail: vicproc@rambler.ru

Elena Georgievna Pronchatova

Post-graduate Student

Department of Modern Russian language, rhetoric
and culture of speech
Orenburg State Pedagogical University
19 Sovetskaya St., Orenburg, 460014, Russia
E-mail: lenusik-pronchatova@mail.ru

УДК 81

Седых А. П.,
Сосоенко С. С.**Языковая и спортивная
картины мира****А**ННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию языковой и спортивной картин мира. Культура рассматривается как этнокультурный субстрат семантики языкового знака. Выдвигается положение о том, что языковая и спортивная картины мира коррелируют между собой на уровне языковых и дискурсных манифестаций и имеют как универсальные, так и этноцентрические параметры функционирования. Вводится понятие «спортивный образ», базирующееся на учёте концептуальной конфигурации приоритетов высказывания отдельно взятой лингвокультуры.

Ключевые слова: языковая картина мира; спортивная картина мира; лингвокультура; языковой знак; спортивный образ; спортивный дискурс; концептуальная модель.

Sedykh A.P.,
Sosenko S.S.**Language and sport
picture of the world****А**БСТРАКТ

The paper is devoted to the study of language and sport pictures of the world. The culture is seen as an ethno-cultural substrate of the linguistic sign. The position is put forward that the language and sport pictures of the world are correlated on the level of language and discourse and have both universal and ethnocentric operating parameters. The authors introduce the concept of «sporty image» which is based on the account of the conceptual priorities configuration of a particular culture.

Key words: language picture of the world; sport picture of the world; linguistic culture; linguistic sign; sporty image; sport discourse; conceptual model.

Ментальная реконструкция действительности осуществляется на основе языковой обработки сознанием внешних сигналов и оформляется в виде языковой картины мира, выступающей в качестве одной из моделирующих систем этнокультуры и, в частности, языкового спортивного сознания.

Культура рассматривается в качестве этнического субстрата в семантике лингвистического знака, реализующего свой семиотический потенциал в русле тенденций языкового поведения (поведенческих установок, ориентиров). Под этностратом понимаются

актуализируемые в речи языковые параметры, ориентированные на национальный способ членения реальности [1].

При употреблении любого языкового материала национальный коммуникант должен внести в его восприятие деятельность интеллекта. Работа интеллекта в большой степени определяется наличием так называемой «общей памяти» (в нашем случае этнокультурной, в частности спортивной) и коррелирует с определенным набором языковых и культурных кодов. В рамках нашей работы уместно говорить о существовании **спортив-**

ных образов, закреплённых в национальном языке.

Спортивный образ универсален и этноцентричен одновременно. В этом смысле мы считаем, что создание образа подчиняется определённым когнитивно-коммуникативным законам. В применении к тематике нашего исследования, концепция формирования спортивных репрезентаций выглядит следующим образом:

1. Потенциальная смысловая избыточность языкового знака формирует семантический зазор, в пространстве которого создаются денотативно-сигнификативные конструкции, связанные со спортивной семантикой на уровне типовых представлений.

2. Ряд новых денотатов структурируется в целостное представление, которое воссоединяет в себе несколько ассоциативных цепочек и образуется на их пересечении. Происходит наращивание элементов содержания в единое семиотическое пространство ещё неоформившегося образа. Эта фаза связана с формированием коннотативных спортивных смыслов.

3. Исходный референт обозначается повторно новым знаком, означаемое которого связано с первым отношением смежности. Это этап смещения и фиксации образа [1].

Такого рода трансформации существуют в языковой практике и реализуются, например, в виде тропов и риторических фигур. Вместе с тем эти механизмы суть универсальные **механизмы формирования суждения и обозначения**, функционирующие как на уровне отдельных слов, так и на уровне дискурса. Механизмы универсальны, но семантические конфигурации, формирующие спортивный образ, национальны и обусловлены системно-структурными особенностями национального языка, в частности, французского. Системно-структурная организация национального языка формирует динамическую архитектуру дискурса. При этом сам дискурс, сохраняя архаические структуры, наращивает новые конфигурации семантических компонентов в соответствии с интеллектуальными, физиологическими, эстетическими, а в нашем случае – спортивными потребностями коммуниканта.

В практическом сознании носителей языка сформирован обобщённый «образ» спорта, принятый в данном лингвокультурном обществе. При этом каждый индивид имеет

собственную «версию» данного образа, который, тем не менее, интегрирован в общеязыковую картину мира.

Перейдём к выяснению объёма значения терминов «языковое сознание» и «спортивная картина мира» и к их адаптации к исследовательским задачам нашей работы.

Как считает социолог Э. Дюркгейм, «у нас есть два сознания: одно содержит только состояния, свойственные лично каждому из нас и характеризующие нас, между тем как состояния, обнимаемые вторым, общие всей группе. Первое представляет и устанавливает только нашу индивидуальную личность, второе представляет коллективный тип и, следовательно, общество, без которого он не существовал бы. Но эти два состояния, хотя и различные, связаны друг с другом, имеют для обоих себя только один – единственный субстрат. Они, следовательно, солидарны. Отсюда возникает своеобразная солидарность, которая, возникнув из сходств, связывает индивида прямо с обществом» [2, с. 30-84].

Г.Г. Шпет понимает национальную идентичность как характер коллектива (интегрального психического субъекта), как результат синергетики диспозиций и ситуации, в которой находится индивид, то есть в момент его идентификации с национальной группой [3]. Никакая активация национального сознания, а именно об этом идёт речь, невозможна без участия национального языка.

Одной из ключевых тенденций последних десятилетий является поиск смысловых и языковых доминант национальных культур с целью моделирования языковой картины мира и построения алгоритма коммуникации конкретной лингвокультуры. Языковая картина мира и спорт имеют специфические для каждой культуры точки соприкосновения.

Как известно, термин «языковая картина мира» (*sprachliches Weltbild*) был введен в науку Лео Вайсгербером (1899-1985), но восходит данный термин к мыслям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка и далее – к идеям американской этнолингвистики и гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Согласно данной доктрине, языковая картина мира в общих чертах представляет собой «систему анализа окружающего мира» [4, с. 190].

Следующие выдержки из трудов Э.Сепира, на наш взгляд, очень точно характеризуют данное понятие, хотя прямо и не называют его: «Мир языковых форм, взятый в пределах данного языка, есть завершённая система обозначения <...> Переход от одного языка к другому психологически подобен переходу от одной геометрической системы отсчёта к другой» [Сепир 1993, 252]; «Каждый язык обладает законченной в своём роде и психологически удовлетворительной формальной ориентацией, но эта ориентация залегает глубоко в подсознании носителей языка» [4, с. 254]; «Языки являются по существу культурными хранилищами обширных и самодостаточных сетей психических процессов» [4, с. 255]. Как видим, образная, подсознательная, почти математическая составляющая данного понятия находится на уровне объективно происходящих в сознании человека процессов и является самодовлеющей сущностью.

В отечественной науке данный термин находится на стадии разработки и определения эпистемологических и методологических границ его использования. Так, Ю.Л. Вороников пишет: «Языковая картина мира становится в последние годы одной из наиболее «модных» тем отечественного языкознания. И в то же время, как это часто бывает с полувыведенными широкое распространение обозначениями, до сих пор не существует достаточно четкого представления, какой именно смысл вкладывается в это понятие пишущими и как, собственно, следовало бы истолковывать его читающим?» [5].

Важным для нашего исследования представляется определение, данное Ю.Д. Апресяном: «Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая называется в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [6].

Мы разделяем мысль большинства оте-

чественных филологов о том, что языковая картина мира даёт представителю каждой лингвокультуры апробированную и закреплённую в слове «концептуальную конфигурацию» [7, 8], которая определяет семантические приоритеты высказывания.

Языковая картина мира непосредственным образом связана с национальной спецификой слова, которую, по мнению Н.Ф. Алефиренко, определяют два фактора: объективный и субъективный: «выделяются они путём сопоставления языков. Под объективным фактором понимается ценностно-смысловая значимость естественных и культурных реалий, определяющих своеобразие жизненного пространства того или иного народа. Субъективный фактор характеризуется возможностью факультативного выбора знакообозначений одних и тех же реалий, которые по-разному представлены ментальностью разных этноязыковых сообществ» [9, с. 68-69].

Окружающий мир опосредуется в языке, человек же оперирует представлениями, репрезентациями, когнитивными образами, моделями, поставляемыми национальным языком. Следовательно, понятие «языковая картина мира» связано с определённым типом концептуализации действительности, формируемым языковыми структурами в процессе коммуникации [10]. В нашем случае речь идёт о спортивной картине мира.

Предлагается следующее определение спортивной картины мира: *концептуальная модель спортивных приоритетов, отражающаяся в специфике национальной номинации спортивных реалий*. Ясно, что данная дефиниция не отражает всеобъемлющих характеристик рассматриваемого феномена и поэтому может рассматриваться как рабочее определение, релевантное для исследовательских задач нашего исследования.

Языковая спортивная картина мира включает в себя, прежде всего терминологический корпус соответствующей направленности. Базовым ресурсом выступает арсенал технической терминологии спорта: **Слэм-данк** (англ. slam dunk) — вид броска в баскетболе, при котором игрок выпрыгивает вверх и одной или двумя руками бросает мяч сквозь кольцо сверху вниз; **Monter en dan-**

seuse – (букв. ‘подниматься по склону вверх как танцовщица’) *pédaler en étant debout sur le vélo* (рус. **Танцовщица** – прием езды на велосипеде стоя на педалях).

Вторым важным источником структурирования языковой спортивной картины мира является обыденный дискурс, в частности та его часть, которая коррелирует со спортом на уровне употребления спортивной терминологии «общего назначения»: *Dès l'annonce des résultats partiels, qui donnaient McCain vainqueur dans l'Ohio, l'équipe Mediaset a endossé le maillot républicain (LA LIBERATION, le 15 nov 2008); Le renouvellement du Sénat (100 membres, 2 par Etat, élus pour six ans au scrutin majoritaire uninominal à un tour) se fait par tiers tous les deux ans. Cette année, 35 sièges sont en jeu (LE MONDE, le 04 Novembre 2008); Une classe, c'est comme un peloton* (основная группа велогонщиков в групповой шоссейной гонке). *Une attribution de notes, c'est une course cycliste. Il y a la tête* (головка – небольшая группа гонщиков, идущая впереди основной группы), *l'échappée* (внезапная атака в футболе); *отрыв* (в велосипедном спорте, беге), *les flèches* (стрелочник – гонщик, не выдержавший накала спортивной борьбы в струне, покинувший струну и тем самым создавший условия для отрыва впереди идущим). *Puis vient le gros des troupes, dont les membres ont du mal à se distinguer, à se départager. Ils se suivent et se ressemblent, la roue collée à la roue, essayant de se coiffer au poteau* (вырвать победу на финише). *Enfin c'est la queue de groupe, les traîneurs, les iso-*

lés, qui n'ont pas su rattraper leur retard parce qu'ils ne pédalent pas assez vite [11].

Таким образом, спортивная языковая картина мира представляет собой совокупность определенных компонентов, в которую входят представления, понятия, концепты из данной области человеческой деятельности. Вербализуясь, данные компоненты формируют сложное структурно-смысловое образование, отражающее спортивный континуум. Спортивная языковая картина мира формируется в результате оценочной деятельности человеческого сознания при ментальном освоении действительности.

Языковые явления изучаются с точки зрения не только антропоцентрического, но и этноцентрического подхода. Языковая картина мира и спортивный мир связаны между собой системой категориальных связей, обусловленных национальным мировоззрением. В этом смысле можно говорить о спортивной языковой картине мира для каждой отдельно взятой лингвокультуры. Важной составляющей спортивной языковой картины мира является метафора, раскрывающая существенные стороны национального менталитета. Языковая картина мира и спорт находятся в динамическом взаимодействии и являются неотъемлемыми составляющими национальной культуры. При этом номинанты спортивных явлений отражают отношение носителей языка к этим явлениям. В данном типе отношений проявляются не только исторически сложившиеся признаки спорта, но и национальная психология, национальный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Седых А.П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов) (монография). М.: Компания Спутник+, 2004. 269 с.
2. Durkheim E.O. De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures. Paris: Alcan. Tr. 1933.
3. Шпет, Г. Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г. Г. Психология социального бытия: избр. психол. тр. М.; Воронеж, 1996. С. 261-372.

REFERENCES

1. Sedykh A.P. Linguistic identity and ethnicity (ethnic and cultural features of the communicative behavior of Russian and French) (monograph). Moskva. Kompania Sputnik+. 2004. 269 p.
2. Durkheim E.O. De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures. Paris: Alcan. Tr. 1933.
3. Shpet G.G. Introduction to Ethnic Psychology // Shpet G.G. Psychology of social life. Moskva. Voronej. 1996. Pp. 261-372.

4. Whorf B.L. The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language. In John Carroll (ed) Language, Thought and Reality. MIT Press, Cambridge, MA: 1956.

5. Воротников Ю.Л. «Языковая картина мира»: Трактовка понятия. Знание. Понимание. Умение: информ. гуманит. портал, 2013 г. URL: <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Vorotnikov/> (accessed August 1, 2014).

6. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М. Новый большой англо-русский словарь. М.: Русский язык, 2003.

7. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Лекции по русской аспектологии // Slavistische Beitrage. В. 353. Munchen, 1997. 357 с.

8. Jackendoff, R. Foundations of language: brain, meaning, grammar, evolution. Oxford University Press. 2002.

9. Алефиренко, Н.Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.

10. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago Press. 1980. 231 p.

11. Mousset E. Métaphore sportive. 2013. URL: <http://profstory.blogspot.ru/2010/01/une-metaphore-sportive.html> (accessed August 2, 2014).

4. Whorf B.L. The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language. In John Carroll (ed) Language, Thought and Reality. MIT Press, Cambridge, MA: 1956.

5. Vorotnikov Y.L. "Language picture of the world": The interpretation of the concept. Knowledge. Understanding. Ability: inform. gumanit. portal. 2013. URL: <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Vorotnikov/> (accessed August 1, 2014).

6. Aprecian Y.D., Mednikova E.M. New large English-Russian dictionary. Moskva. Russky yazyk. 2003.

7. Zalizniak A.A., Shmelev A.D. Lectures on Russian aspectology // Slavistische Beitrage. В. 353. Munchen. 1997. 357 p.

8. Jackendoff, R. Foundations of language: brain, meaning, grammar, evolution. Oxford University Press. 2002.

9. Alephirenko N.F. "Living" word: functional problems of lexicology. Moskva. Nauka. 2009. 334 p.

10. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago Press. 1980. 231 p.

11. Mousset E. Métaphore sportive. 2013. URL: <http://profstory.blogspot.ru/2010/01/une-metaphore-sportive.html> (accessed August 2, 2014).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ:

Седых Аркадий Петрович

доктор филологических наук, профессор
кафедра немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ул. Победы 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: sedykh@bsu.edu.ru

Сосоенко Сергей Сергеевич

аспирант

кафедра немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ул. Победы 85, г. Белгород, 308015, Россия

DATA ABOUT THE AUTHORS:

Sedykh Arkady Petrovich

Doctor of Philology, Professor
Department of German and French
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: sedykh@bsu.edu.ru

Sossoenko Sergey

Postgraduate Student

Department of German and French
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

УДК 81.27/ 811.111-112`06

Семененко Г. И.

Абсолютные причастные предложения в ранненовоанглийском языке: социолингвистический аспект**АННОТАЦИЯ**

Цель исследования состоит в подробном анализе социолингвистических особенностей функционирования абсолютных причастных придаточных предложений в ранненовоанглийском языке. В статье описываются факторы, приведшие к резкому возрастанию частотности употребления абсолютных причастных придаточных предложений в исследуемый период: в терминах теории копирования кодов рост употребления абсолютных предложений определяется как результат селективного частотного копирования. Процесс распространения этой синтаксической конструкции был социально стратифицированными, изначально лидерами изменений являются мужчины, получившие хорошее образование и принадлежавшие к высшим слоям общества, что, в сочетании с влиянием классических языков, дает основания классифицировать это языковое изменение как изменение «сверху». Речевые предпочтения лиц с восходящей социальной мобильностью также указывают на престижный статус изучаемой синтаксической единицы.

Ключевые слова: абсолютное причастное придаточное предложение; историческая социолингвистика; социолингвистические переменные; ранненовоанглийский языка.

Semenenko G.M.

Absolute participial clauses in early modern english: a sociolinguistic study**АБСТРАКТ**

The purpose of this research is to provide a thorough account of the sociolinguistic variables that characterize the use of absolute participial clauses in early Modern English. The paper defines the factors that led to a sharp increase in the frequency of absolute participial clauses in the research period: within the framework of the code-copying theory, the growing number of the absolute clauses is defined as a result of selective frequency copying. It is argued that the diffusion of the linguistic change was socially stratified, from the very beginning the leaders of the change were men who received classical education and belonged to the higher classes of the society, which in combination with direct impact of the classical languages gives reasons to classify this language change as a change “from above”. Speech preferences of persons with upward social mobility in early Modern English also point to the prestigious status of absolute participial clauses.

Key words: absolute participial clauses; historical sociolinguistics; sociolinguistic variables; early Modern English.

Парадигма неопределенно-личных предложений английского синтаксиса на протяжении всей истории английского языка подвергалась изменениям и реструктуризации: некоторые из них были незначительными по своему масштабу, другие же оказались систематическими и долгосрочными, продолжавшимися более тысячи лет. Одним из примеров таких длительных изменений является развитие абсолютных причастных придаточных предложений (далее АППП), которые, с одной стороны, являются эффективным средством синтаксической компрессии, поскольку помогают компактным образом выделять детали или части целого. С другой стороны, их ассоциация с формальной речью делает эти предложения несколько неуместными в разговорном неформальном общении.

Абсолютные причастные придаточные предложения определяем как неопределенно-личные адвербиальные клаузы с эксплицитным субъектом, которые не вводятся подчиненным союзом и не являются компонентом предложной фразы. Термин «абсолютные» (от лат. *absolvere* – освобождать) указывает на то, что этот тип синтаксических единиц не связан с главным предложением синтаксическими средствами. Эксплицитный субъект АППП, как правило, не соотносится с субъектом главного предложения и выражается именной фразой, предикативный неопределенно-личный конституент – причастием прошедшего или настоящего времени.

(1) *Sir , the terme beinge eandede th'attorneys of the Starchamber may blow their fingers with good laisier (Bacon 1572, PCEEC)*

Происхождение АППП в английском языке продолжает привлекать внимание исследователей, среди которых на сегодняшний день доминируют две противоположные точки зрения: 1) абсолютные предложения в древнеанглийском языке – это синтаксическое заимствование из латыни [3; 8; 13; 12]; 2) конструкция является автохтонной, германской по происхождению [2; 5; 6; 11], причем каждый из этих подходов имеет свои сильные и слабые стороны. По нашему мнению, древнеанглийские абсолютные предложения, унаследованные из индоевропейского праязыка, на ранних зафиксированных этапах языкового развития находились на грани исчезновения и могли бы совсем выйти из употребления, если бы не рост количества АППП благодаря переводам

(и переводчикам) латинских текстов. В современной лингвистике такое явление получило название «селективное частотное копирование» в рамках теории копирования кодов [7].

Еще один случай селективного частотного копирования наблюдаем во второй половине среднеанглийского периода. В XII-XIII вв. частотность конструкции незначительна, особенно в поэзии, и такая ситуация вполне соответствует тенденциям, характерным для предшествующего этапа развития английского языка [1]. Но с утратой французским языком своих позиций в Англии и стремительным развитием литературы на английском языке употребление АППП резко возрастает. Особенно репрезентативны в этом плане поэзия Дж. Чосера и частные письма семьи Пастонов, в которых Ч. Росс выделяет 111 примеров абсолютных причастных предложений [12, с. 263], например:

(2) *...We fyll owght be-for my modyr wyth 'Thow proud prest ' and 'Thow proud sqwyer ' , my modyr takyng hys part (PASTON, 1470; PCEEC).*

В нашем исследовании основное внимание уделяется употреблению АППП в текстах частной переписки. Языковые корпуса вроде PCEEC [14] являются одним из лучших источников информации об общении отдельных индивидов и групп индивидов в соответствии с их социальным статусом, полом, местом проживания, образованием и профессиональной деятельностью. В процессе анализа языковых изменений такая информация помогает найти ответы на вопросы, связанные с социальной обусловленностью этих процессов. Кроме того, она делает возможным определение социолингвистических первопричин продолжающихся процессов языковых изменений и указывает на пути распространения изменений в языковых сообществах в определенные промежутки времени.

Определение социальной принадлежности информантов является достаточно сложной задачей в современных социолингвистических исследованиях, а в исторических исследованиях проблема усложняется еще больше. У. Лабов предложил использование трех или четырех категорий для иллюстрации картины языковых изменений в процессе их развертывания [9, с. 31]. В своем фундаментальном исследовании частной переписки конца среднеанглийского – начала ранненоанглийского

периодов финские исследовательницы Т. Невалайнен и Х. Раумолин-Брунберг описывают четыре возможные модели социальной стратификации [10, с. 136] – от достаточно детальной до трёхчастной. Для лонгитюдных исследований более удачной представляется обобщенная модель, позволяющая четко определить основные тенденции языковых изменений. Попутно заметим, что недостаточность имеющихся образцов речи представителей низших слоев общества также должна учитываться. В классической трёхчастной модели (высший-средний-низший классы), авторы выделили четвертую группу – индивидов с восходящей социальной мобильностью, ввиду их роли в распространении языковых изменений [10]. К индивидам с восходящей социальной мобильностью относятся лица, переместившиеся минимум на две ступеньки вверх по социальной лестнице. В ранненовоанглийский период такими лицами могли быть мужчины, поднявшиеся до дворянства или высшего духовенства из коммерсантов, профессионалов или других недворянских слоев общества.

Что касается географической принадлежности авторов писем, то составители корпуса PCEEC выделяют четыре региона, значимых для проведения социолингвистических исследований: Лондон, королевский двор, восточная Англия и север, при этом все жители регионов, расположенных севернее линии Честер – Хамбер отнесены к северянам, авторы, проживавшие в Норфолке и Саффолке, считаются населением восточной Англии, жители Лондона выделяются в отдельную группу, а к представителям королевского двора относятся придворные, проживавшие в основном в Вестминстере, члены королевской семьи и высокопоставленные правительственные чиновники. Составители корпуса подчеркивают необходимость выделения индивидов, принадлежавших к королевскому двору, в отдельную группу [10] с целью выяснения влияния престижных форм языка на процессы языковой вариативности и языковых изменений.

Используя полученные данные мы проанализировали региональную, социальную и гендерную дистрибуцию АППП в конце среднеанглийского и в ранненовоанглийском языке. Данные анализировались с разбивкой по периодам в 40 лет для иллюстрации процесса диффузии АППП в режиме реального времени.

Необходимо уточнить, что в ранненовоанглийском языке, как и в классических языках, АППП, придающие непринужденность и своеобразие сложным синтаксическим образованиям, становятся неотъемлемой частью синтаксиса. Кроме художественной литературы они встречаются в частной переписке и диалогической речи. Нередко исследуемые синтаксические единицы актуализируются в спонтанных молитвах и проповедях, хоть и в устоявшихся выражениях вроде *all things being equal, all things considered*. При этом начало ранненовоанглийского периода характеризуется значительным индивидуальным варьированием в использовании АППП: если в творчестве У. Шекспира, Дж. Милтона и Дж. Лили исследуемые синтаксические единицы является обычным явлением (только в пьесе У. Шекспира Генрих IV, ч. VI выделены 20 примеров АППП), то у Ф. Бекона, Э. Спенсера, Б. Джонсона они почти не встречаются. Такая непоследовательность в употреблении АППП объясняется незавершенным процессом натурализации конструкции в английском синтаксисе. Ситуация нормализуется в период Реставрации, после 1660 года, когда АППП полностью интегрируются в синтаксис английского языка и, с разной частотой, актуализируются почти в каждом тексте.

Выявленные тенденции употребления АППП в частной переписке вполне соответствуют наблюдениям исследователей художественной литературы: частотность конструкции начинает резко расти в конце XVI в. и в XVII в.: (рис. 1).

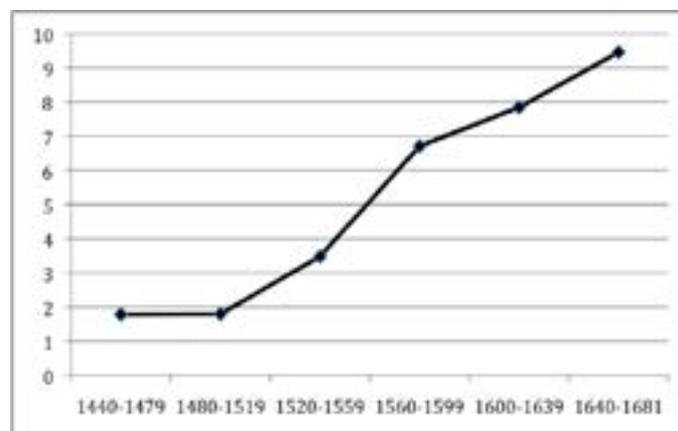

Рис. 1. АППП в корпусе раннеанглийской переписки (N/10000 слов)

Fig. 1. Absolute clauses in PCEEC (N/10000 words)

Экспансия абсолютных предложений в ранненовоанглийский период имела четко выраженный гендерный характер (рис. 2). Считается, что гендерные особенности языковых изменений могут быть выявлены только после прохождения начальной фазы и достижения 20-30% уровня общей частотности (стадия, описываемая У. Лабовым как новый мощный этап в цикле языковых изменений [9]). Однако, в ряде случаев гендерные особенности языковых изменений проявляются раньше, иллюстрацией чего в английском языке являются не только АППП, но и, например, потеря множественного отрицания (*multiple negation*). Такая картина особенно характерна для языковых изменений, лидерами которых являются мужчины и которые, прежде всего, актуализируются в академическом и профессиональном дискурсах, однако, подтверждение такой тенденции требует дальнейшего исследования.

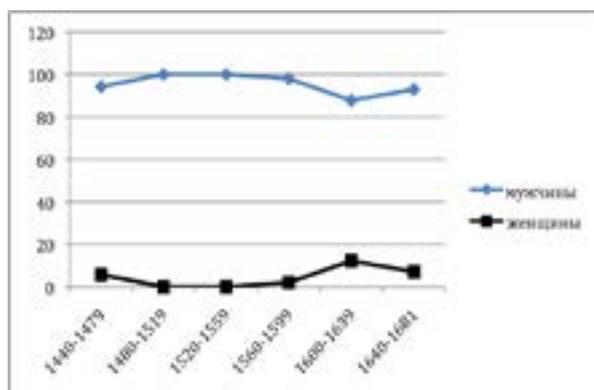

Рис. 2. Гендерная дистрибуция АППП, % (PCEEC)

Fig. 2. Gender distribution of absolute clauses, % (PCEEC)

Диспропорциональное варьирование в употреблении АППП мужчинами и женщинами объясняется, в первую очередь, разным уровнем доступа к образованию в ранненовоанглийский период. Неравный доступ к классическому образованию наблюдался с самого раннего возраста, что, несомненно, находило свое отражение в языковых предпочтениях мужчин и женщин. Высшее образование было прерогативой социально вышестоящих классов и являлось доступным только для мужчин на протяжении всего ранненовоанглийского периода. Вне всякого сомнения, в то время были женщины, добившиеся выдающихся академических результатов, – достаточно вспомнить королеву Елизавету II или Маргарет Ропер,

дочь сэра Томаса Мора – но все эти высокие достижения были результатом действия необычных обстоятельств и скорее исключением, чем правилом. Вторым фактором, повлиявшим на неиспользование АППП в речи женщинами, является практически полное неучастие последних в управлении различными аспектами общественной жизни – мужчины доминировали в решении вопросов внутренней и внешней политики, экономики, религиозной жизни и юридической системы. Такое неравенство полов в ранненовоанглийский период не могло не найти свое отражение в речи. Лидерство мужчин в распространении АППП в ранненовоанглийский период указывает на то, что данное языковое изменение следует рассматривать как изменение «сверху», следуя У. Лабову [9].

Социальная стратификация процесса диффузии языкового изменения также подтверждает тезис об изменении «сверху»: лидерами изменения выступают представители высших классов (рис.3).

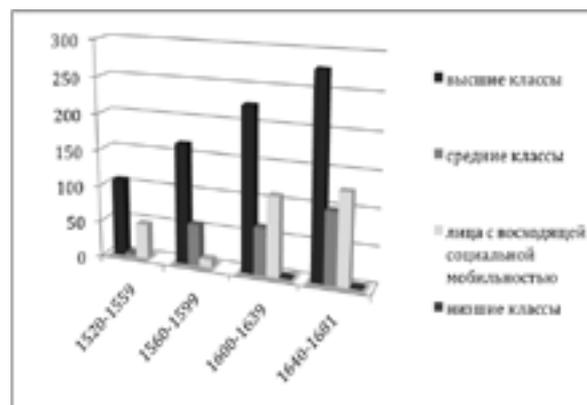

Рис.3. Социальная стратификация употребления АППП (PCEEC)

Fig. 3. Social stratification of the use of absolute clauses (PCEEC)

Необходимо отметить, что социальная мобильность принадлежит к факторам, существенно влияющим на процесс распространения языковых инноваций. Современные социолингвистические исследования поведения индивидов с восходящей мобильностью указывают на зависимость их речи от факторов престижа и стигмы [4, с. 52-57]. Языковой выбор таких лиц не только отличается от тех, с кем они вместе росли, они также склонны к чрезмерному употреблению форм, обладающих, по их мнению, определенным престижем. Языковое поведение лиц с восходящей социальной мобильностью полностью отражает их чувствительность к использованию

престижных форм и конструкций административного языка.

Употребление АППП представителями среднего класса – людьми, занимавшимися профессиональной деятельностью (ученые,стряпчие, адвокаты), представителями низшего духовенства и купечества, – объясняется особенностями административного канцелярского стиля юридических документов. Практически полное отсутствие (в корпусе РСЕЕС нами выделено всего несколько примеров) АППП в речи представителей низших классов (так же как и женщин) является результатом труднодоступности образования и, соответственно, неиспользования грамматических конструкций, характерных для речи высокообразованных профессионалов.

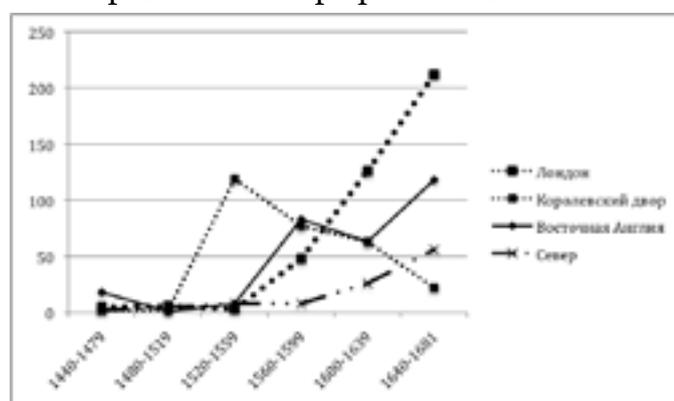

Рис. 4. Региональная дистрибуция АППП (РСЕЕС)

Fig. 4. Regional distribution of absolute clauses (RSEEES)

Анализ региональной вариативности в употреблении АППП (рис. 4) показывает несколько неоднозначную картину: после доминирования АППП в речи представителей королевского двора в XVI в. наблюдается постепенный спад в XVII в., что, возможно, отражает особенности политического развития Англии в это время: сначала прибытие в Лондон из Шотландии двора короля Якова, а позже перипетии Английской буржуазной революции, приведшей к постепенной утрате королевским двором авторитета как в области государственного управления, так и в вопросах языкового престижа.

Таким образом, процесс распространения в английском языке АППП под влиянием классических языков, которое особенно усиливается с началом эпохи Возрождения в Англии и создает предпосылки для расширения сферы применения этих синтаксических конструкций, имел достаточно ярко выраженные социолингвистические особенности: изначально лидерами изменений были мужчины, получившие хорошее образование и принадлежавшие к высшим слоям общества. Это, в комбинации с незначительной долей женщин и представителей низших слоев общества, употреблявших АППП в данный период, дает все основания классифицировать это языковое изменение как изменение «сверху», что также подтверждается и наиболее активным употреблением АППП в столице, а на более ранних этапах – при королевском дворе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семененко Г.М. Структура і функціонування абсолютних дієприкметникових підрядних речень в англійській мові XIV–XVII ст. // Вісник КНЛУ. Серія Філологія. Київ: Вид. центр КНЛУ. 2013. Т.16. №2. С.113-120.
2. Bauer B. Archaic syntax in Indo-European. The spread of transitivity in Latin and French. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2000. 394 p.
3. Callaway M. The absolute participle in Anglo-Saxon // The American Journal of Philology. 1889. №10.3. Pp. 316–345.
4. Chambers J.K. Sociolinguistic theory: linguistic variation and its social significance. Oxford: Blackwell, 1995. 308 p.

REFERENCES

1. Semenenko, Galyna M. The Structure and Functions of English Absolute Participial Clauses in XIV–XVII c. Visnyk KNLU. Seriya Philologiya. Kyiv: Vyd.Tsentr KNLU. Vol.16. №2. 2013. Pp. 113-120.
2. Bauer B. Archaic Syntax in Indo-European. The Spread of Transitivity in Latin and French. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2000. 394p.
3. Callaway M. The Absolute Participle in Anglo-Saxon. The American Journal of Philology. №10.3. 1889. Pp. 316-345.
4. Chambers J. K. Sociolinguistic Theory: Linguistic Variation and its Social Significance. Oxford: Blackwell, 1995. 308 p.

5. Costello J. R. The Absolute construction in Indo-European: a syntagmemic reconstruction // *Journal of Indo-European Studies*. 1982. № 10.3-4. Pp. 235–252.

6. Holland G. B. Nominal sentences and the origin of absolute constructions in Indo-European // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1986. № 99.2. Pp. 163–193.

7. Johanson L. Contact-induced linguistic change in a code-copying framework // *Language Change: The Interplay of Internal, External and Extra-linguistic Factors (Contributions to the Sociology of Language, 86)*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. Pp. 285–313.

8. Kisbye T. An historical outline of English syntax. Aarhus: Akademisk boghandel, 1972. 392 p.

9. Labov W. Principles of linguistic change: Vol. I: Internal factors. Oxford: Blackwell, 1994. 596 p.

10. Nevalainen T., Raumolin-Brunberg H. Historical Sociolinguistics: Language Change in Tudor and Stuart England. London: Pearson Education, 2003. 266 p.

11. Pol N. van de. Between copy and cognate: the origin of absolutes in Old and Middle English // *Copies versus Cognates in Bound Morphology*. Leiden: Brill, 2012. Pp. 297–322.

12. Ross C. H. The Absolute Participle in Middle and Modern English // *PMLA*. 1893. Vol. 8, No. 3. Pp. 245–302.

13. Sørensen K. Latin influence on English syntax: A survey with a bibliography // *Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague*. 1967. № 11. Pp. 131–155.

14. PCEEC = Parsed Corpus of Early English Correspondence, text version. 2006. Compiled by Terttu Nevalainen, Helena Raumolin-Brunberg, Jukka Keränen, Minna Nevala, Arja Nurmi and Minna Palander-Collin, with additional annotation by Ann Taylor. Helsinki: University of Helsinki and York: University of York. Distributed through the Oxford Text Archive.

5. Costello J.R. The Absolute construction in Indo-European: a syntagmemic reconstruction. *Journal of Indo-European Studies*. № 10.3-4. 1982. Pp. 235-252.

6. Holland G.B. Nominal Sentences and the Origin of Absolute Constructions in Indo-European. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. № 99.2. 1986. Pp. 163-193.

7. Johanson L. Contact-induced Linguistic Change in a Code-copying Framework. *Language Change: The Interplay of Internal, External and Extra-linguistic Factors (Contributions to the Sociology of Language, 86)*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. Pp. 285-313.

8. Kisbye T. An Historical Outline of English syntax. Aarhus: Akademisk boghandel, 1972. 392 p.

9. Labov W. Principles of Linguistic Change: Vol. I: Internal Factors. Oxford: Blackwell, 1994. 596 p.

10. Nevalainen T., Raumolin-Brunberg H. Historical Sociolinguistics: Language Change in Tudor and Stuart England. London: Pearson Education, 2003. 266 p.

11. Pol, Nikki van de. Between Copy and Cognate: the Origin of Absolutes in Old and Middle English. *Copies versus Cognates in Bound Morphology*. Leiden: Brill, 2012. Pp. 297-322.

12. Ross Ch.H. The Absolute Participle in Middle and Modern English. *PMLA*. Vol. 8, No. 3. 1893. Pp. 245-302.

13. Sørensen K. Latin Influence on English Syntax: A Survey with a Bibliography. *Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague*. № 11. 1967. Pp. 131-155.

14. PCEEC = Parsed Corpus of Early English Correspondence, text version. 2006. Compiled by Terttu Nevalainen, Helena Raumolin-Brunberg, Jukka Keränen, Minna Nevala, Arja Nurmi and Minna Palander-Collin, with additional annotation by Ann Taylor. Helsinki: University of Helsinki and York: University of York. Distributed through the Oxford Text Archive.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ:

Семенов Галина Николаевна

докторант, кандидат филологических наук,
доцент

Киевский национальный лингвистический
университет

ул. Большая Васильковская, 73, Киев, 03680
Украина

E-mail: gsemenenko@yahoo.com

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Semenenko Galyna Nikolaevna

Post Doctoral Research Fellow, PhD in Philology,
Associate Professor

Kyiv National Linguistic University
73 Bolshaya Vasilkovskaya, 03680

Ukraine

E-mail: gsemenenko@yahoo.com

УДК 81'37; 003; 81'26

Соколова Я.,
Корина Н. Б.**«Центризмы»
в лексическом пространстве
языка**

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются «центризмы» в лексическом пространстве языка в связи с естественным и рефлексивным ориентационным поведением пользователей языка. Для конституирования языка принципиальное значение имело и имеет установление связей аналогии между внеязыковой деятельностью человека с одной стороны и его лингвокреативной деятельностью с другой стороны. С этой точки зрения особый интерес представляет функционирование т. н. «центризмов» в языке, к которым можно отнести антропоцентризм, этноцентризм, андроцентризм и эгоцентризм. Для рассмотрения привлекается материал словацкого и русского языков.

Ключевые слова: принцип, антропоцентризм, этноцентризм, андроцентризм, эгоцентризм.

Sokolová J.,
Korina N. B.**'Centrisms'
in the lexical space of language**

АБСТРАКТ

The study focuses on 'centrisms' in the lexical space of the language in relation to the natural and reflexive behavior of language users. The analogy between extra-linguistic activities of man on one hand and activities in the field of the language creation on the other hand has always been a very important part of language formation. In this context, the research on the functioning of the so called 'centrisms' in language – which include an anthropocentrism, ethnocentrism, androcentrism and egocentrism – seems to be very interesting. The study is based on the material of the Slovak and Russian languages.

Key words: principle; anthropocentrism; ethnocentrism; androcentrism; egocentrism.

Пространство языка понимается как метафорическая, фиктивная сущность, интуитивно связанная с языковой системой. В наиболее общем смысле можно сказать, что языковая система имеет такой характер, который соответствует ориентационным потребностям её пользователей. Это следует, в частности, из логики поведения: человек в стандартных жизненных ситуациях ориентируется на основании собственного опыта и его интерпретаций. Он обладает знаниями о языковых элементах и структурах,

полученными в процессе овладения языком. Языковое поведение аналогично, поскольку в его основе лежит как естественное, так и рефлексивное ориентационное поведение. Естественное ориентационное поведение основано на опыте, что язык создавался на основе инференций (логических заключений) о повторяемом проявлении свойств, явлений и типичных взаимосвязей, поэтому языковая система формировалась как систематизация языковых средств на инференционной основе. Рефлексивное ориентационное поведение

связано с представлением о том, что для конституирования языка принципиальное значение имело и имеет установление связей аналогии между внеязыковой деятельностью человека с одной стороны и его лингвокреативной деятельностью с другой стороны [1]. С этой точки зрения особый интерес представляет функционирование т. н. «центризмов» в языке, к которым можно отнести антропоцентризм, этноцентризм, андроцентризм и эгоцентризм.

В настоящей статье мы на основании принципа естественной ориентации рассмотрим «центризмы» в лексическом пространстве языка на материале словацкого и русского языков. Работа выполнена в рамках грантового проекта VEGA 1/0376/12 «Когнитивные доминанты в языке и культуре».

Антропоцентризм с лингвистической точки зрения представляет собой совокупность свойств языка, обусловленную тем, что вещи и явления мира человек познаёт с точки зрения своих предпочтений. В лингвистике не случайно бытует мнение, что лексический фонд любого естественного языка имеет две доминанты – человека и мир. Поэтому в любом языке содержатся лексические выражения, изначально связанные с человеком: наименования человека, наименования частей тела, наименования физических и психических качеств, наименования артефактов и т. д. Их перенос на другие понятийные домены является принципом метафорических и метонимических номинаций, ср.: словац. *ucho šálky, hrdlo fľaše, noha stoličky, ruka zákona, bezzubý zákon, položiť na kolená, ■ złé языку tvrdia; ■ íst hlava-nehlava; ■ biť hlava-nehlava; ■ ruka v ruke; ■ mať voľné ruky*; рус. *ручка чашки, горлышко бутылки; ножка стула; рука закона, ■ поставить на колени* и т. п. (тут и далее знаком ■ обозначены фразеологические единицы).

В связи с антропоцентризмом чаще всего упоминается лексика, связанная с названиями родства. Классификационная структура родства, согласно К. Леви-Строссу, в большинстве языков основана на развитии четырёх основных родственных отношений: *брат – сестра, муж – жена, отец – сын, брат матери – сын сестры* [2, с. 146]. В словацком и русском языках ядро системы наименований родства составляют

пары, различающие пол, возраст (старший – младший) и линию прямого (кровного) родства: словац. *matka, otec; syn, dcéra; brat, sestra; starý otec, stará matka; vnuk, vnučka; teta, strýko; bratranec, sesternica; synovec, peter*; рус. *мать, отец; сын, дочь; брат, сестра; бабушка, дедушка; внук, внучка; тётя, дядя; двоюродный брат, двоюродная сестра; племянник, племянница*. Следующий уровень классификации образуют выражения на более высокой ступени абстракции, ср. словац. *rodičia (matka + otec), deti (syn + dcéra; syn + syn; dcéra + dcéra); súrodenci (brat + sestra + ...; brat + brat + ...; sestra + sestra + ...)*, указывающие на различную меру конкретизации и дифференциации. В русском языке есть выражения *родители* и *дети*, однако нет однословного наименования для детей одних родителей независимо от их пола (словац. *súrodenci*). Для данной цели используются наименования *братья* и *сёстры*, которые необходимо дифференцировать в зависимости от пола и количественного соотношения. Поэтому словацкое выражение *Mám troch súrodencov* может в русском языке иметь четыре различных эквивалента в зависимости от полового состава детей, к которым оно относится: *У меня две сестры и (один) брат; У меня два брата и (одна) сестра; У меня трое братьев; У меня трое сестёр*. Отношения в кругу близких родственников в каждой культуре являются в значительной степени институционализированными и определяются общественными нормами. С другой стороны, они являются одной из наиболее личных сфер жизни каждого человека и формируют у него представление о доме, малой родине [3].

На антропоцентризм указывают также выражения, обозначающие измерения на основе пропорций человеческого тела: словац. *krok, palec, lakeť, stopa, hlt, dúšok, hrst', náruč'; po pás, (sukňa) po kolená, po členky, po krk; (starosti) vyše hlavy; ■ Lepšia hrst' štastia ako vrece rozumu; ■ úder pod pás*; рус. *локоть, шаг; глоток; горсть; по пояс; по горло, до колен (юбка), до пят (пальто), по уши, выше головы; по локоть, по грудь, по плечо; по пальцам можно сосчитать; поставить ноги на ширину плеч; ■ Пьяному море по колено; ■ удар ниже пояса*.

Поскольку человек непосредственно связан с природой, антропоцентрический взгляд на мир проявляется в её категоризации. Значительная часть наименований животных, растений и неживых предметов присваивается с точки зрения пригодности для человека, поэтому они часто содержат имплицитную оценку. Напр., положительная оценка связана со словац. *orná pôda, jedlé huby, domáce zvieratá*; рус. *пахотная земля, съедобные грибы, домашние животные, божья коровка*, в то время как словац. *jedovaté huby, škodcovia, burina, divé zviera(tá), divočina*; рус. *ядовитые грибы, вредитель, сорняк, дикие звери* и т. п. содержат отрицательную оценку [4].

Этноцентризм – это обозначение и наименование мира с точки зрения собственной культуры. Этноцентрическое культивирование языка помогает этносу отграничиться от остальных, а главное, формировать и сохранять свои традиции. Следствием этого может стать превращение какой-либо культуры в образцовую, в своего рода модель. В лингвистике этноцентризм часто связывается с т. н. этностереотипами [5], а также с представлением, что одни языки более богаты, абстрактны, сложны, а потому и более ценны, чем другие [6].

Следы этноцентризма можно отметить в словацких выражениях *ruská zima* (русская зима, т. е. очень холодная зима), *ruská ruleta* (русская рулетка, т. е. ставить на кон жизнь), *svojbytný národ* (самобытный народ), *svojbytnosť* (самобытность), *západné krajiny* (страны Запада), *nemecký výrobok* (немецкий продукт), *francúzská móda* (французская мода), *taliansky dizajn* (итальянский дизайн), *český krištál* (чешский хрусталь), *maďarská saláma* (венгерская салями), которые в словацком языке обладают позитивной оценкой, и в выражениях с негативной коннотацией *ci-gániť* (врать, букв. «цыганить»); *maďarizácia* (мадьяризация); *gastarbajter* (гастарбайтер); *sociálne neprispôsobiví občania* (цыгане, букв. «социально неприспособляемые граждане»); *poľské potraviny* (польские продукты); *čínsky tovar* (китайский товар) и т. п. Подобные примеры можно найти и в

русском языке: положительные коннотации имеют выражения *французская мода; финская черепаха; итальянский дизайн; немецкая пунктуальность*; с негативными коннотациями связаны выражения *турецкая блузка; лица кавказской национальности; гастарбайтер* и др.

С этноцентризмом связано и противопоставление *свой ↔ чужой*, являющееся одной из доминант культуры. Данному явлению посвящено множество исследований преимущественно лингвистического и (лингво)культурологического характера [7, 8, 10, 11, 12, 2 и др.].

Андроцентризм – это культурная (и лингвокультурная) концентрация на мужчину. В андроцентрическом мышлении мужское становится мерилем человеческого. Андроцентризм был характерен для патриархальных обществ, где общее определение человека совпадало с определением мужчины. Языковую картину мира с позиций андроцентризма, т. н. «патриархальной парадигмы», можно фрагментарно обнаружить как в русском, так и в словацком языке.

В частности, образование наименований женщин от наименований мужчин (словац. *prechyľovanie*), которое применительно к немецкому языку получило название *мовация* [13], рассматривается как тип транспозиционной категории. В словацком языке она является весьма продуктивной, в то время как в русском выступает маргинально: словац. *lekár → lekárka, profesor → profesorka*; рус. *врач → ∅, профессор → ∅*. Некоторые словацкие существительные имеют только форму мужского рода, от них невозможно образовать наименования женщин, напр., *človek, hosť* (ср. рус. *гость / гостья*), *miláčik*; другие, наоборот, только женского рода, ср. словац. *osoba, bytosť* (ср. рус. *лицо / персона, существо*). В русском языке существует другое любопытное явление: закрепление названия профессии только за мужчиной или женщиной, что приводит к «ложной гендерной парности» наименований: напр., *машинист* (мужчина, водитель железнодорожного транспорта) и *машинистка* (женщина, профессионально владеющая машинописью).

Несмотря на свою гендерную сущность, андроцентризм является прежде всего социальным и культурным феноменом. В качестве культурного феномена часто интерпретируется отцовская любовь, которая, в отличие от материнской любви, не детерминирована биологически. Мужчины, как правило, культурно связаны с общественной сферой, в то время как женщины более связаны с личной сферой. Три основных мировых религии (христианство, ислам и буддизм) являются по своей сути андроцентрическими.

Эгоцентризм языковой системы исходит из эгоцентрического восприятия мира человеком. Согласно Э. Фромму, человек является единственным существом, способным сказать *я*. Языковой эгоцентризм проявляется в оппозициях *я ↔ не я, мой ↔ не мой*.

Рассмотрение *я* как личности является рассмотрением *эго* в различных аспектах: феноменологическом, биологическом, духовном, материальном, идеологическом, интеллектуальном, языковом, интеракционном и т. п. Само *я* с точки зрения психологии имеет три взаимосвязанных аспекта, которые предполагают друг друга: *я*, т. е. идентичность (самобытность), *эго* (субъективность) и «образ *я*» (представление о себе самом). Идентичность психики и поведения индивида, т. е. *я*, невозможна без определённого регулятивного источника, который требует наличия самосознания. *Эго* как направляющий механизм предполагает непрерывность психической деятельности и наличие информации о самом себе. «Образ *я*» словно завершает формирование идентичности и субъектности личности и одновременно корректирует её поведение. Каждый из указанных аспектов обладает своей собственной спецификой. Мы наблюдаем как бы три разных уровня личности: (1) *реальное я*, (2) *идеальное я*, (3) *ожидаемое я* [14].

Конкретная личность презентует себя в социальном и языковом контексте посредством системы проприальных идентификаторов, имеющих прескриптивно определённую форму. В словацком языке её составляет (с конца XVIII века) двухчленная формула номинации – имя + фамилия, в рус-

ском языке – имя + отчество + фамилия. Наряду с официальной системой наименований существует неофициальная, фамильярная, составной частью которой являются прежде всего гипокористические (уменьшительные) имена.

Кроме проприальной идентификации, индивид презентует себя лексически, ср. словац. *človek, osoba, osobnosť, individualita, individuum* (в т. ч. пейоративно), *jednotlivec, jedinec, chlap*; экспр.: *chlapík, maník* и т. д.; рус. *человек, лицо, личность, индивид, индивидуум, персона, особа*; экспр.: *тип, кадр, чувак* и т. д. Напр., в отрывке из текста А. Платонова «Котлован» один и тот же персонаж обозначен как *я, лицо, Чиклин, никто, мы*, ср.:

– *А ты покажь мне бумажку, что ты действительное лицо!*

– *Какое я тебе лицо? – сказал Чиклин. – Я никто; у нас партия – вот лицо!*

П. Рикёр [15] в этой связи отмечает, что даже если в повествовании человек сам себя обозначил как *никто*, важно, что этим *никто* он назвал именно себя.

Я – это одно из наиболее проблематичных индексных выражений, выделяемое по отношению к *ты, мы* и т. п. *Ты* зачастую оценивается как привилегированная комплементарная противоположность к *я*. В. А. Гуреев свёл специфику деиктора *я* к следующему: «...уникальность личного местоимения «я» как лингвистического феномена определяется, во-первых, неразрывным единством говорящего и личности («говорящая личность» или «говорящее лицо»), во-вторых, высшей степенью индивидуализации личности, в-третьих, коммуникативной ориентацией речевого содержания на речевое функционирование и, наконец, отнесённостью *я*-высказываний к прагматическому уровню (модусному содержанию) языка» [16, с. 63]. Как подчёркивает Дж. Лайонз [2010], эгоцентрической является дейктическая система, причём примарная разделительная линия проходит между первым лицом (*эго* со знаком плюс) и остальными лицами, т. е. вторым и третьим (*эго* со знаком минус).

Ja как индивидуальный грамматический субъект является составной частью языковых

микроситуаций, основанных на специфической конфигурации семантических компонентов, которые выделяются в рамках т. н. элементарных структур предложения [18, с. 57 – 131]. Особенностью словацкого языка является неэксплицированность я в высказывании в форме личного местоимения, ср.: словац. *Som učiteľka* – рус. *Я учительница*; словац. *Som vydatá dva roky* – рус. *Я замужем уже два года*; словац. *Vždy hovorím pravdu* – рус. *Я всегда говорю правду*; словац. *Práve som v autobuse* – рус. *Я сейчас в автобусе* и т. д. Упо-

ребление я перед глагольной формой обусловлено актуальным членением предложения, когда местоимение тематизируется, а глагольное сказуемое становится ремой, ср.: *Ja pôjdem do obchodu; Ja vždy hovorím pravdu*.

Даже эти отдельные фрагменты выражения «центризмов» в языке свидетельствуют об иерархической организации средств ориентации в (лексическом) пространстве языка с точки зрения их принадлежности к центру и периферии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Johnstone В. Discourse Analysis. 2-nd edition. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. 292 p.
2. Eriksen T. H. Sociální a kulturní antropologie. Příbuzenství, národnostní příslušnost, rituál. Praha: Portál, 2008. 408 s.
3. Kiššová Mária. Subversive and Disturbing Concepts in What Becomes by A.L. Kennedy // American and British Studies Annual. 2011. Vol. 4. Pp. 57 – 66.
4. Biber D. Variation across Speech and Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 299 p.
5. Bartmiński J. Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne. Lublin: UMCS, 2009. 360 s.
6. Slovník súčasného slovenského jazyka. A – G. Hlavná redakcia K. Buzássyová, A. Jarošová. Bratislava: Veda, 2006. 1168 s. (SSSJ)
7. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 345 с.
8. Квакин А.В. Архетип, ментальность и оппозиция «свой – чужой» в контексте истории, 2001 г. URL: <http://akvakin.narod.ru/Documents/mif.pdf> (дата обращения 15.09.2013).
9. Белова О.В. Восприятие «чужого» языка в народной культуре славян (этнолингвистический аспект) // XIV Меѓународен славистички конгрес. Зборник на резимеа. Т. 1. Лингвистика / XIV Меѓународен славистички конгрес, Охрид, 10 – 16 септември 2008.

Скопје: Македонски славистички комитет, 2008, с. 144.

10. Янкова Венета. Към проблема за «перевода» на езика на «другата» култура // Slavica XXXVIII. Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. Ed. Nava-Vanda Sahverdova. Debrecen, 2009, С. 105 – 115.

11. «Своё» и «чужое»: Межкультурные коммуникации в полипарадигмальном аспекте: коллектив. моногр. / Под ред. Л.А. Шкатовой. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2003. 185 с.

12. Fleischer Michael. Das System der russischen Kollektivsymbolik (eine empirische Untersuchung). Specimina Philologiae Slavicae 116. München: Otto Sagner Verlag, 1997. 165 p.

13. Ластовкина О.Э. Мовированные имена лиц женского пола в фокусе феминистической лингвистики, 2012 г. URL: <http://deutsch-sprechen.ru/movirovannye-imena/> (дата обращения: 28.09.2013).

14. Conley Ch. Emoční rovnice. Jednoduché pravdy k vytvoření štěstí + úspěchu. Praha: Nakladatelství Dobrovský, 2012. 312 s.

15. Ricoeur P. Philosophie vôle I. Fenomenologie svobody. Praha: OIKOYMENH, 2001. 528 s.

16. Гуреев В. А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания. 2004. № 53. Ч. 2. С. 57 – 67.

17. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. [Пер. с англ.] М.: Едиториал УРСС, 2010. 544 с.

18. Grepl M., Karlík P. Skladba češtiny. Olomouc: Votobia, 1998. 504 s.

REFERENCES

1. Johnstone B. Discourse Analysis. 2-nd edition. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. 292 p.
2. Eriksen T. H. Sociální a kulturní antropologie. Příbuzenství, národnostní příslušnost, rituál. Praha: Portál, 2008. 408 p.
3. Kiššová Mária. Subversive and Disturbing Concepts in What Becomes by A.L. Kennedy. In: American and British Studies Annual. Vol. 4 (2011). Pp. 57 – 66.
4. Biber D. Variation across Speech and Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 299 p.
5. Bartmiński J. Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne. Lublin: UMCS, 2009. 360 p.
6. Slovník súčasného slovenského jazyka. A – G. Hlavná redakcia K. Buzássyová, A. Jarošová. Bratislava: Veda, 2006. 1168 p. (SSSJ)
7. Krasnykh V.V. Proxy Allies: The Myth or Reality? Moscow: Gnosis Publ., 2003. 345 p.
8. Kvakin A.V. Archetype, Mentality and Opposition „Own – Alien“ in the Context of History, 2001. URL: <http://akvakin.narod.ru/Documents/mif.pdf> (accessed: September 15, 2013).
9. Belova O.V. Perception of the “Alien” Language in the Folk Culture of the Slavs (Etholinguistic Aspect) //XIV Megunaroden slavistichki congress. Zbornik na rezimea. T.1. Linguistika / XIV Megunaroden slavistichki congress, Okhrid, 10-16 septemvri 2008. Skopje: Makedonski slavistichki komitet, 2008. P. 144.
10. Yankova Veneta. Kam problema za “pe-revoda” na ezika na “drugata” kultura. In: Slavica XXXVIII. Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. Ed. Nava-Vanda Sahverdova. Debrecen, 2009, Pp. 105 – 115.
11. „Own“ and „Alien“: Intercultural Communications in the Paradigm Aspect. Ed. L.A. Shkatova. Chelyabinsk: Chelyabinsk St. Univ., 2003. 185 p.
12. Fleischer Michael. Das System der russischen Kollektivsymbolik (eine empirische Untersuchung). Specimina Philologiae Slavicae 116. München: Otto Sagner Verlag, 1997. 165 p.
13. Lastovkina O.E. Movirovannie imena lits zhenskogo pola v fokuse feministicheskoi lingvistiky, 2012. URL: <http://deutsch-sprechen.ru/movirovannye-imena> (accessed September 28, 2013).
14. Conley Ch. Emoční rovnice. Jednoduché pravdy k vytvoření štěstí + úspěchu. Praha: Nakladatelství Dobrovský, 2012. 312 s.
15. Ricoeur P. Filosofie vůle I. Fenomenologie svobody. Praha: OIKOYMENH, 2001. 528 s.
16. Gureev V.A. Yazikovoi egocentrizm v novikh paradigmakh znaniya. In: Voprosi yazi-koznaniya. 53, 2, 2004. Pp. 57 – 67.
17. Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. [Translated to Russian.] Moscow: Editorial URSS, 2010. 544 p.
18. Grepl M., Karlík P. Skladba češtiny. Olomouc: Votobia, 1998. 504 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ:

Соколова Яна

зав. кафедрой русистики, профессор, кандидат филологических наук, доктор философии
факультет философии
Университет им. Константина Философа
Штефаникова 67, г. Нитра, 949 74, Словакия
E-mail: jsokolova@ukf.sk

Корина Наталья Борисовна

профессор, кандидат филологических наук,
доктор философии
факультет философии
Университет им. Константина Философа
Штефаникова 67, г. Нитра, 949 74, Словакия
E-mail: nkorina@ukf.sk

DATA ABOUT THE AUTHORS:

Sokolová Jana

PhD in Philology, Doctor of Philosophy, Professor
Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre,
Filozofická fakulta
67 Štefánikova St., Nitra, 94974
Slovakia
E-mail: jsokolova@ukf.sk

Korina Natália

PhD in Philology, Doctor of Philosophy, Professor
Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre,
Filozofická fakulta
67 Štefánikova St., Nitra, 94974
Slovakia
E-mail: nkorina@ukf.sk

Acknowledgements: Slovak research grant VEGA 1/0376/12 *Cognitive Dominants in Language and Culture*.

УДК 81

Ужегова С.О.

Внутритекстовые коммуникативные отношения в ранних рассказах А.П. Чехова

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются 3 ранних рассказа А. П. Чехова: «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.?», «Зелёная Коса», «Скверная история». Тексты интерпретируются, во-первых, с точки зрения жанровой принадлежности. В результате анализа выявляются особенности использования романной составляющей, элементов драматизации, коротких юмористических рассказов. Во-вторых, через призму нарративного подхода к изучению текста обращается внимание на функционирование косвенной речи, несобственно-авторского повествования, приводятся примеры. Для понимания авторской позиции и коммуникативных отношений производится учёт субъектно-объектных отношений в нарративе. Указывается, от какого лица (от 1-ого или 3-его) и кем ведётся повествование (личным или объективным повествователем). Подчёркивается ироническое отношение автора и повествователя к описываемым событиям и героям. Уточняется, за счёт каких языковых средств и приёмов достигается подобный эффект. Автор статьи призывает читателей быть проникательными и не относиться к рассказам Чехова только полупушутя.

Ключевые слова: рассказ; роман; повествователь; повествование от 1-ого лица; повествование от 3-его лица; нарратив; несобственно-авторское повествование.

Uzhegova S.O.

Intratextual communicative relations in early stories of A. P. Chekhov

АБСТРАКТ

The article covers 3 early stories written by A. P. Chekhov: «What is most common in novels, stories, etc.?», «The Green Braid», «Nasty Story». First, the texts are interpreted from the point of view of genre category. As a result of analysis, the author reveals some features of using a novelistic component, the elements of dramatization, and the elements of short comic stories. Second, studying the text through a prism of narrative approach, the author turns attention to functioning of indirect speech and inner monologues and gives their examples. To understand the narrator's point of view and communicative relations, the author considers subject-object relations in the narrative. The author specifies the narrative mode: if it is the narrative from the 1st or the 3d person, if it is the personal or objective narrator. The ironical attitude of the author and the storyteller to described events and heroes is emphasized. The language means for reaching this effect are specified. The author of the article urges the reader to be shrewd while reading Chekhov's stories and not to treat them only half in jest.

Key words: story; novel; storyteller; narration from the 1st person; narration from the 3d person; narrative; not actually-author's narration.

На сегодняшний день становится актуальным текстовый анализ, который находится на стыке лингвистики и литературоведения. Действительно, этот метод предлагает иной ракурс работы над произведением. В данной статье будут рассматриваться несколько ранних рассказов А. П. Чехова (1880-1882 годов) с точки зрения жанрово-стилевого своеобразия и нарративного подхода к изучению текста.

Когда мы открываем первый том Полного собрания сочинений и писем Чехова, то замечаем, что почти все рассказы систематизированы и конкретизированы автором. В частности, на это направлены авторские ремарки, которые включают указание на жанровую составляющую (роман в одной части с эпилогом; письмо; рассказ охотника, никогда в цель не попадающего; святочный рассказ и т. д.), на субъекта повествования: автора или переводчика (перевод... с португальского; перевод с испанского; соч. Жюль Верна. Перевод А. Чехонте; сообщил Антоша Чехонте и т. д.), на некоторые особенности текстов, для которых автор использовал комментарий в свободной форме (рассуждение; водевильное происшествие; старая, но вечно новая история; психологический этюд; новогодняя побрехушка; новогодние картинки; нечто спиритическое и т. д.). Таким образом, рассказы Чехова являются нетрадиционными рассказами. Об этом говорит не только их специфическая стилистическая составляющая (лаконизм, юмористическая направленность, лицедейство автора), но и жанровая (напомним, что писателю свойственно субъективно трактовать написанное: например, долгое время критики и театральные режиссёры не могли согласиться с чеховским определением жанра пьесы «Вишнёвый сад»).

Указание на жанр произведения видим уже в первом рассказе первого тома: «*Письмо учёному соседу*» (Курсив мой. – С. У.). Использование указанного приёма авторского присутствия говорит о влиянии на ход событий в тексте самого Чехова. Э. Полоцкая в книге «О поэтике Чехова» отмечает отсутствие чётко выраженных жанрово-стилевых границ [9, с. 42], что часто не позволяет приблизиться читателю к чеховскому пониманию нарратива.

Несомненно, Чехов – мастер слова, мастер менять маски, играть не только со своими псевдонимами, героями (в том числе, в жизнь), внутритекстовым субъективно-объективным коммуникативным устройством, но и в жанр. В центре нашего внимания будет романная составляющая ранних рассказов. «Роман, как и всякий жанр, есть определенная целостная форма литературного произведения, конкретный тип художественной структуры, единая система своеобразных композиционных, образных и языковых свойств» [4, с. 7]. «Литературная, печатная форма романа есть не просто безразличная, бессодержательная оболочка произведения» [4, с. 356].

Примечательным является небольшой рассказ 1880 года «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.?» Данный нарратив, с одной стороны, стремится быть обезличенным, так как повествование ведётся от 3-его лица объективным или нейтральным повествователем (термин О. Моргулевой) [8]. Он максимально отстраняется от сказанного за счёт непрямого выражения своей личности, почти полном отсутствии глаголов (преобладают существительные, прилагательные, причастия), перечислении стереотипных и всем нам знакомых по романам, повестям, пьесам фактов: «Граф, графиня со следами когда-то бывшей красоты, сосед-барон, литератор-либерал, обеднявший дворянин, музыкант-иностранец, тупоумные лакеи, няни, гувернантки, немец-управляющий, эсквайр и наследник из Америки. <...> Герой – спасающий героиню от взбешённой лошади, сильный духом и могущий при всяком удобном случае показать силу своих кулаков» [10, с. 17]. С другой же стороны, текст субъективен, так как даётся ироническая авторская оценка происходящему: «тупоумные лакеи», «остряк замечательный», «лица некрасивые, но симпатичные и привлекательные» и т. д.

Комический эффект создаётся за счёт неправомерного установления однородности между предметами («Белокурые друзья и рыжие враги», «<...> часто имеет палку с набалдашником и лысину»), антонимов («Тонкие намёки на довольно толстые обстоятель-

ства»), оксюморона («Лица некрасивые, но симпатичные и привлекательные»), постоянного употребления литературных штампов в виде сюжетов, лиц, элементов драматизации («Очень частое отсутствие конца. Семь смертных грехов в начале и свадьба в конце»), внимания к деталям («Нечаянное подслушивание как причина великих открытий. Бесчисленное множество междометий и попыток употребить кстати техническое словцо»), ироническое завершение повествования («Конец») [10, с. 17-18].

Таким образом, уже в начале литературной деятельности в рассказах Чехова проявляются не только основные стилевые особенности, но и понимание законов игры в жанр.

Тезис иллюстрирует и маленький роман «Зелёная Коса» 1882 года, который состоит из двух глав и имеет значительный, если вспомнить лаконичные рассказы писателя, объём, почти 15 страниц. Это говорит о том, что Чехов в раннем творчестве начинает экспериментировать с длиной прозаического текста. Повествование от 1-ого лица (личного повествователя) (термин Б. О. Кормана) [5] начинается с романтического пейзажа: «На берегу Чёрного моря, на местечке, которое в моём дневнике и в дневниках моих героев и героинь значится "Зелёной Косой", стоит прелестная дача» (курсив мой. – С. У.). В центре маленького романа классический любовный треугольник: история любви Оли Микшадзе, «маленькой, стройной, хорошенькой блондиночки лет 19» [10, с. 160], бойкой и неглупой, и поручика Егорова, а также история взаимоотношений Оли и её жениха, князя Чайхидзева. Отношения между героями описаны достаточно подробно, не схематично, даже затянута, что отсылает нас к драматическому действию. Также маленький роман обладает традиционной композицией: экспозиция – завязка – развитие действия – кульминация – развязка (счастливый финал: известие о свадьбе влюблённых).

Итак, перед нами типичная ситуация и типичные для драматических или романтических произведений действующие лица:

– Лирическая героиня, молодая и прекрасная девушка Оля тайно влюбляется в незнатного человека, поручика Егорова; не

может быть с ним счастлива из-за предрасудков матери и обещания, данного умирающему отцу, выйти замуж за князя Чайхидзева. «<...> Поручик мечтал о женитьбе на Оле, а Оля была влюблена в поручика. Поручик ужасно мечтал, хоть и плохо верил в исполнение своих мечтаний. Оля любила тайком, украдкой, про себя, робко, чуть заметно... Любовь для неё была контрабандой, чувством, на которое было наложено жёсткое veto. Ей не позволено было любить» [10, с. 163].

– Лирический герой, первый герой-любовник отставной поручик-алтиллерист Егоров, которому помогает завоевать сердце лирической героини его «свита» (друзья, проводящие лето в Зелёной Косе) и счастливый случай.

– Второй любовник, неудачник князь Чайхидзев, честь которого оказывается попорченной не без помощи друзей соперника, придумавших коварный план – расстроить помолвку с Олей. «Ему страстно хотелось блеснуть хоть чем-нибудь, но не сумел он блеснуть ничем. Оля говорила мне впоследствии, что ей в этот вечер было очень жаль бедного князька. Он казался ей жалким. Он как будто бы предчувствовал, что у него отнимут невесту, о которой он, бывало, думал во время каждой лекции, ложась и просыпаясь...» [10, с. 166].

– Злая мать, Марья Егоровна Микшадзе, «дама лет 50, высокая, полная <...>, добрая, милая, гостеприимная, но уж слишком строгая. <...> Добрая женщина составляет самое серое пятно в наших воспоминаниях» [10, с. 159-160].

– Летние обитатели Зелёной Косы, внесюжетные персонажи: доктор Яковкин, одесский газетчик Мухин, магистр физики (ныне доцент) Фивейский, три студента, художник Чехов, один харьковский барон-юрист, студент-медик Коробов с женой Екатериной Ивановной, помещик Алеутов и т. д.

Следует отметить, что среди указанных героев есть реальные лица. Например, Е. П. Егоров – близкий приятель братьев Чеховых. В тексте он достаёт из кармана «Стрекозу» – юмористический журнал, с которым сотрудничал писатель. Н. И. Коробов – врач, окончивший медицинский факультет Московско-

го университета одновременно с Чеховым; в художнике Чехове можно узнать Николая Павловича, брата писателя, который проиллюстрировал маленький роман красочным рисунком. Однако нам кажется двуплановым образ художника Чехова, так как его имя не указано в тексте. Антон Павлович – тоже художник, только художник слова, и его присутствие или отсутствие в нарративе очень важно для понимания, в частности, рассказов периода смены стиля (1886-1889 гг. – это время, когда выявить авторское отношение к описываемому становится намного сложнее). Поэтому целесообразно говорить о намёке на авторское «я» Чехова.

Особый персонаж – повествователь, летний обитатель Зелёной Косы, бывший репетитор Оли, «научивший её плохо говорить по-немецки и ловить щеглят» [10, с. 160]. Адресантность определённо-личности (термин П. А. Леканта) [7] позволяет передавать субъективную оценку, которая определяется за счёт употребления вводных слов (может быть, несомненно, вероятно, пожалуй), средств художественной выразительности: эпитетов, метафор, олицетворений (прелестная дача, стройные серебристые тополя, смиренная красота, холод мрамора, важность колонн, влажный кокетливый ветерок, вечное ясное небо, чудное местечко, дача выглядывает и т. д.), оценочных слов (она мне нравится, она дивная прелесть, она смотрит приветливо, тепло, романтично и т. д.). Также косвенной речи (КР): «Харьковский барон-юрист должен был “дружески” указать Чайхидзеву на неловкость его, Чайхидзева, положения, попросить его, чтоб он, князь, как развитой человек, взял бы на себя труд уяснить себе эту неловкость, и попросить его, между прочим, чтоб он извинил нас за наше вмешательство, извинил бы “по-дружески”, как развитой человек...» [10, с. 171]; «За обедом одного из нас, уронившего ложку, она выбрала разиней и упрекнула нас, что мы не умеем держать себя за столом» [10, с. 172]; «Поручик пишет, что всю зиму он “подмазывался” к княгине и успел гнев княгини переложить на милость. Он уверяет, что летом будет его свадьба» [10, с. 173].

Косвенная речь позволяет не только пере-

давать чувства персонажа, проводя их через призму восприятия повествователя (и, в данном случае, автора), но и даёт возможность психологического слияния с героем. На наш взгляд, именно такие константы, как прямая и косвенная речь, чужое слово (термин М. Бахтина) [1], автор, повествователь, рассказчик усложняют повествовательную систему и порождают такие явления, как несобственно-прямая речь и несобственно-авторское повествование (термин Н. А. Кожевниковой) [3]. Один из этих процессов будет рассмотрен чуть позже.

Исходя из вышеизложенного, целесообразно сделать вывод о композиционно-стилевых особенностях «Зелёной Косы». Данный текст, во-первых, строится по законам романа. На это указывают авторская ремарка с указанием жанра, а также система героев-масок, сродни романтическим амплуа. Также писатель намекает на это пронизательно читателю в пределах повествования: «Мы сбросили наши *маленькие маски...*» (Курсив мой. – С. У.) [10, с. 171]. Лицедейство характерно для личности Чехова. Достаточно вспомнить большое количество псевдонимов автора.

Во-вторых, нарратив включает в себя элементы драматического действия: наличие определённого круга действующих лиц и внесюжетных персонажей; чёткое композиционное построение и пространственно-временное соотношение частей (пробил час, в два часа, в третьем часу, за обедом, вчера и т. д.); наличие зримых диалогов-сцен; лирические отступления заменяют авторские ремарки (например, «Я люблю женские счастливые лица. Мне хотелось посмотреть, как любовь к Егорову и в то же время страх перед матерью совместятся на одном и том же лице; и что сильнее: любовь или страх?» [10, с. 170]); обилие глаголов придаёт тексту иллюзию движения («Оля подняла голову и увидела Егорова... Она посмотрела на меня, потом на Егорова, потом опять на меня... Я засмеялся. Лицо её просияло. <...> Она сделала шаг вперёд, подумала и бросилась к Егорову. Егоров быстро застегнул жилет и растопырил руки. Оля упала ему на грудь» [10, с. 168]); психологизм; особая роль читателя

(заранее знает, чем закончится любовный треугольник: в первом случае – свадьбой, во втором – водевилем).

В-третьих, нельзя не отметить юмористическую направленность, характерную для большинства ранних рассказов Чехова. Ирония повествователя и автора местами превращается в фарс: «Я сошёл в сад и, заложив руки назад, обошёл раза два вокруг дома. Наш художник заиграл на трубе. Это значило: "Держи, не выпускай!" Егоров отвечал из беседки криком совы. Это значило: "Хорошо! Держу!"» [10, с. 169]. Языковая игра вкупе с тире помогают выразить авторскую оценку, например, хозяйки дачи: «Этикет – её конёк. Что она жена князя – это её другой конёк. Катаясь на этих двух коньках, она вечно и ужасно пересаливает» [10, с. 159]. «Ирония – атрибут пародийной стилизации, ведь в противном случае стилизатор не может «отчуждать» чужое слово и неизбежно уподобляется эпигону, слабому писателю. Чтобы населить чужое слово своей интенцией, своим художественным заданием, нужно сделать его двунаправленным, ориентированным и на действительность, и на прототипный стиль, а главное – на особенности художественного видения мира, освоенного посредством прототипного стиля как чужого» [6, с. 10].

Авторская насмешка проявляется уже в названии и определении жанра рассказа 1882 года «Скверная история (Нечто романообразное)». Мы понимаем, что к написанному нельзя относиться серьёзно. Заметим, что в этом случае писатель не показывает истинное лицо, использует маску. Романообразная вещь завершается подписью: Антоша Чехонте. Это не единственный пример лицедейства в достаточно объёмном произведении: личный повествователь долгое время «маскируется» под объективного, присутствие которого почти не ощущается, за исключением нескольких субъективных оценок, относящихся к персонажам. Речь идёт о говорящих фамилиях: Лёля Асловская, поручик Набрыдлов, художник Ногтев. Затем он начинает активно вмешиваться в ход событий, словно не может действовать иначе в сложившейся абсурдной ситуации:

«Если вы вообразите себе огромнейшего тридцатилетнего мордастого малого, в парусинной блузе, с паршивенькой бородкой, опухшими глазами и с галстуком в сторону, то вы избавите *меня* от описания Ивана. Это был несноснейший в мире человек» (Курсив мой. – С. У.) [10, с. 218].

Повествователь с первых строк говорит о некоем «деле», а не об истории любви («Дело завязалось ещё зимой» [10, с. 215]). В «Скверной истории» «наметился такой подход к изображению жизни, при котором основной интерес автора сосредоточен не столько на явлениях самих по себе, сколько на представлениях о них, на возможности разных представлений об одних и тех же явлениях, на путях формирования этих представлений, на природе иллюзии, заблуждения, ложного мнения» [2, с. 24], т.е. построение по принципу, о котором говорит В. Б. Катаев, «казалось» – «оказалось» [2, с. 21]. Лёле, «кругленькой розовенькой блондинке, с большими голубыми глазами, с длинейшими волосами и с цифрой 26 в паспорте» *казалось*, что она является частью тихих, робких романтических отношений с «до чёртиков талантливым художником» Ногтевым. Юноша вскоре «покатил» в имение Асловских, где отдыхал, ел и глядел на девушку «всё больше издали, из-за портьеры или из-за кустика» [10, с. 217-218]. Лёля и её отец надеялись, что художник в ближайшее время сделает предложение. Иначе, зачем он приехал и бросает томные взгляды? *Оказалось* - художник сделал Лёле предложение, но не руки и сердца, а предложил во имя искусства стать его натурщицей. К тому же Ногтев пригласил погостить брата Ивана и поручика Набрыдлова, которые прекрасно жили за чужой счёт. «Дело» завершится обобщением повествователя, близким автору: «Скверная история!».

В процессе чтения приходит осознание того, что повествователь обладает обширной информацией. Кроме этого, в тексте появляются комментарии, не принадлежащие перу личного повествователя. Их целесообразно отнести к проявлению голоса всезнающего автора: «На четвёртый был дождь, и его под окнами не было. (*Ногтева убедил кто-то, что к его фигуре не идёт зонтик.*) На пятый день было сделано

так, что он явился в дом Лёлиных родителей с визитом»; «Недели через четыре был опять бал. (*Зри начало.*)» (Курсив мой. – С. У.) [10, с. 217]. Таким образом, можно отследить появление нового персонажа в повествовании, автора. «Автор необходим и авторитетен для читателя, который относится к нему не как к лицу, не как к другому человеку, не как к герою... а как к принципу, которому нужно следовать» [1, с. 14-15]. Данная инстанция значительно усложняет структуру нарратива.

Эксперименты Чехова с различными пластами коммуникативного устройства текста глубоки и связаны с многоплановостью субъектно-объектных отношений между говорящими. В первую очередь, стоит сказать о таких явлениях, как несобственно-прямая речь (НПР) и несобственно-авторское повествование (НАП), которые начинают зарождаться уже в раннем творчестве. В данной статье мы остановимся на НАП. НАП – «повествование нарратора, заражающегося местами словоупотреблением и оценками персонажа или воспроизводящего их в более или менее завуалированной цитате» [11, с. 231]. Таким образом, слово нарратора должно преобладать в высказывании героя. Приведём не-

сколько примеров этого явления: «Дело в том, что мужчины вели себя по отношению к ней больше чем по-свински. В последние два года в особенности поведение их было ужасное. Она заметила, что они перестали обращать на неё внимание»; «Чтобы не показать профанам своих слёз, она отвернулась к тёмным вспотевшим окнам, и – о, чудный миг, это ты! – у одного из окон увидела прекрасного юношу, который не спускал с неё глаз.» (Курсив мой. – С. У.) [10, с. 215-216].

Конечно, становление стиля Чехова в 1880-1882 годы только начинается. Тем не менее, чётко прослеживается многоплановость его ранних рассказов, к которым мы привыкли относиться полусуто в силу их небольшого объёма и юмористического содержания. Кроме текстовых и внетекстовых интерференций (автора, повествователя, рассказчика, героя, прямой, косвенной речи, НАП, НПР), иронии, писатель умело использует и модифицирует элементы драматизации, романную основу в текстах небольшого объёма, что говорит о тяготении Чехова к некой театральности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Автор и герой в эстетической деятельности. М., 1979.
2. Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 326 с.
3. Кожевникова Н. А. Об особенностях стиля Чехова (несобственно-прямая речь)// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Филология, журналистика. М., 1963. № 2. С. 51–62.
4. Кожин В. В. Происхождение романа. М.: Советский писатель, 1963. 440 с.
5. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М.: Наука, 1971.
6. Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург, 1998. 399 с.

7. Лекант П.А. К вопросу о синтаксическом субъекте // Вопросы филологии. М., 1969. С. 197-204.
8. Моргулева О. М. Формы авторского повествования в прозе А. П. Чехова к. 80-ых – 90-ых гг.: Дис. ... канд. филолог. наук. М., 2005.
9. Полоцкая Э. А. О поэтике Чехова. М.: Наследие, 2001. 240 с.
10. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. Т. 1. М.: Наука, 1974. 608 с.
11. Шмид В. Нарратология. М., 2003.

REFERENCES

1. Bakhtin of M. M. Aesthetics of Verbal Creativity. The author and the Hero in Aesthetic Activity. M, 1979.
2. Katayev V. B. The Prose of Chekhov: Interpretation Problems. M.: Publishing house of MSU, 1979. 326 p.
3. Kozhevnikova N. A. About Features of Chekhov's Style (The Inner Monologue) // Vestn. Mosk. un-ta. V. 7. Philology, journalism. M, 1963. No. 2. Pp. 51-62.
4. Kozhinov of V. V. The Origin of the Novel. M.: Sovetskij pisatel, 1963. 440 p.
5. Korman B. O. Studying the Text of Fiction. M.: Nauka, 1971.
6. Kubasov of A. V. The Prose of Chekhov: The Art of Stylization. Yekaterinburg, 1998. 399 p.
7. Lekant P.A. On the Question of the Syntactic Subject // Philology Questions. M., 1969. Pp. 197-204.
8. Morguleva O. M. The Forms of Author's Narration in The Prose of Chekhov in the 80th-the 90th: PhD Thesis in Philology. M, 2005.
9. Polotsk E. A. On the Poetics of Chekhov. M.: Nasledie, 2001. 240 p.
10. Chekhov A. P. Complete Works and Letters in Thirty Volumes. Works in Eighteen Volumes. T. 1. M.: Nauka, 1974. 608 p.
11. Schmid of W. Narratology. M., 2003.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ:**Ужегова Светлана Олеговна***аспирант*

Челябинский государственный

педагогический университет

проспект Ленина, дом 69, город Челябинск,

454080, Россия

E-mail: zlat-ujegova@yandex.ru**DATA ABOUT THE AUTHOR:****Uzhegova Svetlana Olegovna***Post-graduate Student*

Chelyabinsk Teachers' Training University

69 Lenina Av., Chelyabinsk, 454080

Russia

E-mail: zlat-ujegova@yandex.ru**Рецензент:**

Голованов Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Челябинский государственный педагогический университет»

РАЗДЕЛ II. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ПРАГМАТИКА

УДК 811.112.2'243

Керимов Р. Д.

Климатические метафоры в немецком политдискурсе (лингвокогнитивный аспект)

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена рассмотрению проблематики лингвистического изучения немецкоязычной политической метафорики в когнитивном аспекте. В частности, автор представляет обзор современных политлингвистических исследований и отмечает особенности лингвокогнитивного подхода к анализу способов концептуализации знаний и опыта в языковых знаках лингвальной культуры. Метафора как когнитивный механизм познания отражает не только языковое, но и культурное своеобразие данного общества, а также выполняет важную идеологическую функцию, участвуя в процессах конструирования и трансформации социальной реальности. Немецкая концептуальная метафора описывает политические и экономические аспекты жизнедеятельности государства и общества в ФРГ, отражая в первую очередь стереотипы и представления немецкой политической культуры и языка в целом. На примере климатической метафоры исследуются узуальная и креативная экспликация социально значимых реалий в современной немецкоязычной коммуникации. Климатическая метафорика семантически структурируется тремя концептуально-смысловыми группами: общее понятие климата; атмосферно-климатические явления и климатическая телеметрия.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; климатическая метафорика; языковая картина мира; понятийная сфера; фрейм; социальная коммуникация; немецкий язык.

Kerimov R.D.

Climatic metaphors in the german political discourse (linguistic cognitive aspect)

АБСТРАКТ

The paper provides a linguistic study of German political metaphors in the cognitive aspect. The author presents an overview of the current political linguistic research and describes the features specific to the cognitive linguistic approach to analyze the ways the knowledge and experience are conceptualized through the signs of a language culture. Metaphor, being a cognitive mechanism of knowledge, reflects both the language identity and the cultural identity of a given community; metaphor also performs an important ideological function as it contributes to designing and transforming the social reality. German conceptual metaphors describe various political and economic aspects in the life of the state and the society in Germany, reflecting the stereotypes and concepts of Germany's political culture and language in general. The paper investigates the climatic metaphors as an instance of the usage-based and the creative explications of socially important realities in the current German-language communication. Climatic metaphors consist of three semantic conceptual groups: the common idea of climate, atmospheric and climatic agents, and climate research.

Key words: cognitive linguistics; climatic metaphors; linguistic worldview; conceptual domain; frame; social communication; the German language.

Исследование различных языковых и речевых особенностей политических текстов является в современном языкознании одним из наиболее приоритетных направлений, которое оформилось как комплексная междисциплинарная наука политическая лингвистика. Она объединяет в настоящее время всевозможные подходы языковедческого анализа вербализованной области политической (шире – социальной) коммуникации как объекта или материала исследования, где уделяется равное внимание семантической и лексической, грамматической, лингвостилистической и риторической, логико-прагматической, дискурсивной, коммуникативно-речевой и семиотической сторонам [см.: 2; 5; 7; 12; 13].

При этом политлингвистические изыскания в полной мере проявляют также и методологическую вариативность, поскольку современные ученые используют весь методический и методологический арсенал лингвистических дисциплин и смежных наук для описания актуальных явлений политического сегмента общественной массовой коммуникации.

Наиболее востребованным в этом ряду предстает лингвокогнитивный взгляд на функционирование и экспликацию вербализованного знания, так как именно когнитивная парадигма и концептуализм (как частный случай его реализации) предоставляет современным исследованиям широкие возможности для комплексного анализа не только формальной, но также и содержательной стороны языкового знака с учетом экстралингвальных факторов, влияющих на его узуальные характеристики и потенциальную речевую дистрибуцию [см., например, работы: 3; 9; 11].

Одним из главных когнитивных механизмов познания, структуризации и отражения социальной реальности в мышлении и языке выступает метафора, которая позволяет упорядочивать новый опыт через призму уже известного, сопоставлять различные политические объекты, конструировать и создавать социальную действительность в той мере, как это обусловлено интересами правящей политической элиты в соответствующих общественно-социальных и экономических

условиях данного государства [1; 4; 7; 9; 14]. Концептуальная метафора всегда культурно и национально специфична, поскольку она вбирает в себя и отражает не только собственно структурные характеристики языковых единиц, но и их понятийное содержание, репрезентирующее наивные взгляды и научные представления данного общества на реляции окружающего мира.

Лингвокогнитивный подход к рассмотрению процедуры метафоризации делает возможным использование комплексной методики языковедческого анализа на разных уровнях вербальной системы и моделирование механизмов экспликации логико-прагматических смыслов в дискурсивном пространстве общественной коммуникации, с учетом всех предполагаемых разноуровневых реляций, имеющих языковую экспликацию.

На материале немецкого языка проводились изыскания, затрагивающие проблемы пласта политической лексики немецкого языка [6] и метафорические концептосистемы социально-политической коммуникации единой Германии [7; 8; 9; 10]. В частности, натурморфная понятийная сфера-источник вторичных социально маркированных номинаций оперирует понятиями разных аспектов окружающей человека живой (флора и фауна) и неживой (ландшафт и климат) природы, где коммуникативно продуктивной моделью проявляет себя метафора со субсферой-источником «Климат» [см. также обзор в монографии: 10].

Номинации климата и климатических особенностей прочно укрепились в немецком политическом языке, номинируя различные условия и состояния во внутренней (включая экономику) и внешней политике ФРГ.

В целом в этом фрагменте социальной картины мира можно выделить три аспекта описания: 1) общее понятие климата; 2) представления об атмосфере, где зарождаются все разнообразные виды явлений погоды (эпизодически) и климата (циклически); 3) непосредственные процессы исследования, изучения и измерения метеорологических параметров (погоды и климата).

Так, лексема „das Klima“ в переносном значении номинирует различные виды от-

ношений, установившиеся между людьми, социальными группами, странами. Данное значение стало традиционным и уже закрепилось в словаре немецкого языка, ср.: „durch bestimmte Ereignisse oder Umstände hervorgerufene Atmosphäre oder Beziehungen zwischen Personen, Gruppen, Staaten o. Ä.“ [19], например: „Das wirtschaftliche, politische, geistige Klima hat sich verändert“. „Das Klima zwischen den beiden Staaten ist keineswegs gut“.

Корень „-klima-“ также может выступать в качестве второго компонента сложного слова, где первый компонент в роли атрибута будет уточнять, о какой сфере жизнедеятельности идет речь. Так, наиболее частотными являются такие композиты, которые репрезентируют аспекты разных областей экономической деятельности человека: „Wirtschaftsklima“ («экономический климат»), „Investitionsklima“ («инвестиционный климат»), „Geschäftsklima“ («деловой климат»), как это представлено, например, в следующих контекстах:

- „Er hat ausdrücklich darauf hingewiesen, daß die Abschaffung der Gewerbe- und der Vermögensteuer, die Änderung des Kündigungsschutzes und die Senkung des Solidaritätszuschlages die Voraussetzungen dafür waren, daß sich das das Investitionsklima für die ausländischen Firmen hier in Deutschland so dramatisch verbessert hat“ [29, S. 8].

- „Wir haben ein günstiges Wirtschaftsklima, die Arbeitslosigkeit geht zurück, die Steuerbelastung von Haushalten und Unternehmen sinkt“ [25, S. 351].

- „Das Ifo-Geschäftsklima hat sich noch im Februar in West- und Ostdeutschland nochmals deutlich gebessert“ [21].

В зависимости от содержания высказывания условия и отношения могут быть благоприятными (позитивными), неблагоприятными (негативными) и, реже, нейтральными. Положительная оценка реализуется в сочетании лексемы „das Klima“, например, с прилагательным „offen“ („das offene Klima“), ср. в следующем контексте: „Die Verantwortlichen und betroffenen Vorgesetzten haben nichts gesehen, waren ahnungslos, konnten sich die Vorfälle nicht erklären, obwohl sie von einem offenen Klima in ihren Verantwortungsbereichen überzeugt waren“ [32, S. 10].

Неблагоприятный «климат» может находить свое выражение в разных контекстах в предикации с различными лексическими единицами (атрибутами), ср., например:

- „Die Opposition trägt dafür ebenso die Verantwortung wie für das zeitweise bei den Soldaten vorherrschende Klima der Verdächtigung und der Verunsicherung“ [24, S. 10].

- „Dieses Klima der Verunsicherung haben Sie auch in die Truppe hineingetragen“ [20, S. 11].

Нейтральный образ обычно манифестируется в констатирующем описании состояния определенных отношений, явлений, процессов:

- „Sicherheit in einem sehr umfassenden Sinne werden wir nur erreichen in einem Zusammenspiel von materieller, sozialer, ökologischer und rechtlicher Sicherheit und auch nur in einem Klima der Behauptung unterschiedlicher und differenzierter kultureller Identitäten“ [28].

- „Wir dürfen es nicht zulassen, dass eine Generation heranwächst, für die Arbeitslosigkeit zur Normalität und Hoffnungslosigkeit zur Perspektive wird. Dann ent-stünde ein Klima, in dem nur politische Rattenfänger Zulauf finden“ [26, S. 54].

Вторым значимым фрагментом актуальной понятийной субсферы выступают **атмосфера и климатические явления**. Так, само слово „die Atmosphäre“ в переносном смысле реализует близкие по употреблению смыслы со словом „das Klima“: „eigenes Gepräge, Ausstrahlung; Stimmung; Fluidum“ [19], но оно менее продуктивно с точки зрения дистрибуции, реализуясь только в ограниченном количестве контекстов, описывая благоприятные условия в определенной системе и передавая, таким образом обычно положительную оценку, например: „eine Atmosphäre des Vertrauens“ («атмосфера доверия»), „eine Atmosphäre von Behaglichkeit“ («атмосфера комфорта/удобства/уютта»).

Неблагоприятные социальные явления объективируются при предикации соответствующих атрибутов („angespannt“) или путем отрицания факта наличия атмосферы как таковой: „Diese Stadt hat keine Atmosphäre“ [19] (букв.: «В этом городе нет атмосферы»). „Persönlich gefärbte Attacken ... vergifteten die ... schon ange-spannte Atmosphäre“ [22, S. 1095].

Создание благоприятных условий в политической риторике преподносится как «создание» („schaffen“), «распространение» („verbreiten“) соответствующей атмосферы, например, ср.: „Atmosphäre um sich verbreiten“ («распространять вокруг себя атмосферу»); „eine angenehme, behagliche Atmosphäre schaffen“ («созда(ва)ть приятную, комфортную/удобную/уютную атмосферу») [19].

Слова «климат» и «атмосфера» могут употребляться и в одном контексте: „Das kann nicht allein der Staat leisten, sondern da kommt es entscheidend auf die Bürgerinnen und Bürger an. Sie bestimmen, welches Meinungsklima und welche Atmosphäre in unserem Land herrschen“ [26, S. 151].

Образ атмосферы может передаваться и лексемой „die Luft“ («воздух» / «атмосфера») в некоторых устойчивых выражениях, как, например:

- „die Luft ist rein [sauber]“ – „es besteht keine Gefahr, entdeckt zu werden; der Weg ist frei, unbewacht“ [18] (букв.: «воздух чистый» в значении «нет опасности»);

- „dicke Luft“ – „eine Gefahr; eine gespannte Atmosphäre“ [18]: „Dicke Luft bei Schröders Washington-Visite? Klimaschutz ist nicht der einzige Konfliktpunkt zum Antrittsbesuch bei Präsident Bush“ [16].

- „die Luft wird (für j-n) dünn“ – „es herrscht eine gespannte Atmosphäre“ [18]: „Die Luft für die Bonner Sparrunde wird dünn – Die Auseinandersetzungen um das Jahressteuergesetz 1997 und die Begrenzung der Neuverschuldung der öffentlichen Haushalte laufen aber nach anderen Regeln ab“ [23].

- „frische Luft in etwas bringen“ – „neue Impulse für etwas geben, Schwung in etwas bringen“ [18] («внести свежую струю (куда-либо/во что-либо)»).

Выражение „heiße Luft sein“ (букв.: «горячий воздух») имеет значение „(ugs.) nichts sagend, nicht von Belang sein; so geartet, dass nichts dahinter steckt“ [19], например: „Dann kommt nicht mehr. Als sachkundiger Leser hätte man nun eigentlich eine Aussage dazu erwartet, was die Bundesregierung vorschlägt, um diese dramatisch hohe Arbeitslosigkeit zu bekämpfen. Es kommt aber nichts mehr. Es kommt nur noch heiße Luft“ [27, S. 7].

В выражении „etwas/das liegt in der Luft“ («это носится в воздухе, это ждет своего осу-

ществления (мысль, идея и т. п.); это надвигается, это должно произойти») выступает как среда, где сосредоточены мысли и идеи человека, которые авербально, мысленно как бы передаются от одного человека другому (ср. в русском языке: «эта идея (буквально) витала в воздухе»). Этот образ вербализуется также и в негативном смысле в выражении „aus der Luft greifen“ («взять с потолка, высосать из пальца, выдумать»); букв.: «схватить из воздуха»), например: „Bayerns Verbraucherschutzminister Eberhard Sinner (CSU) hat Schadenersatzforderungen des Bundes wegen zehntausender fehlerhafter BSE-Tests in scharfem Ton zurückgewiesen. «Die Forderung ist völlig aus der Luft gegriffen. Dafür gibt es keine rechtliche Grundlage»“ [17].

Существительное „die Morgenluft“ («утренний воздух; (свежий) утренний ветерок») в свою очередь входит в состав фразеологизма „Morgenluft wittern“.

Климатические явления (дождь, снег, ветер, солнечный климат и пр.) тесно связаны с погодными явлениями, от которых они отличаются только временем проявления: погодные явления носят единичный / кратковременный характер, а климатические явления – циклический (сезонный), постоянный. Так, дождь – это погодное явление (осадки), а сезон дождей (в какой-то местности) – явление климатическое. В принципе, все эти нюансы можно дифференцировать только в определенном контексте, где конкретизируется, о каком явлении идет речь.

Наконец, третий фрагмент климатической метафоры структурируется номинативным полем **метеорологической телеметрии**, которая представляет собой измерение и исследование разных метеорологических данных. Так, для изучения и измерения состояния атмосферы используются метеозонды. В переносном смысле лексема «зонд» („der Versuchsballon“) имеет значение «пробный шар» [18], оно вербализуется также в устойчивых выражениях, как, например: „einen Versuchsballon lancieren [aufsteigen lassen]“ («пустить пробный шар; зондировать почву»), например: „So hat Möllemann ... in manchem Interview einen Versuchsballon gestartet“ [30, S. 28].

В окказиональном словоупотреблении яркий образ может быть следствием появ-

ления атрибута у имени «зонд», например, „rotgrün“, указывающего на его принадлежность коалиции СДПГ/Зеленых, которые «зондируют» возможность проведения реформ, что их оппонентами может быть воспринято отрицательно, как это представлено, например, в следующем отрывке политической речи: „Für sozialistische Experimente und rotgrüne Versuchsballons sind Deutschland und Europa zu schade“ [31, S. 4].

Для измерения климата и погоды на земле, помимо прочего, используют «барометр» („das Barometer“). Лексема „das Barometer“ в политическом языке используется для обозначения традиционного образа некоторого условного социологического механизма учета мнений разных социальных групп, который получил метафорическое наименование сложным словом „das Politbarometer“ («политический барометр»), например: „Nach dem Politbarometer beurteilte die Bevölkerung in Gesamtdeutschland im August 1998 ihre eigene wirtschaftliche Lage zu 54 Prozent als «gut», zu 37 Prozent als «teilsteils» und nur zu 9 Prozent als «schlecht»“ [15, S. 7].

По аналогии с «политическим барометром» по отношению к области экономики и социально-экономических показателей появилась метафора „das Konjunkturbarometer“ («конъюнктурный барометр»), ср.: „Wichtig ist, dass die Konjunktur auch in den neuen Ländern nach oben geht. Das „Handelsblatt“ hat gerade vor zwei Tagen das Konjunkturbarometer für die neuen Bundesländer nach oben gesetzt“ [29, S. 8].

В заключении следует отметить, что климатическая метафорика обладает лексической мультивалентностью, в окказиональных контекстах расширяя свой концептуально-сематический потенциал. Она оперирует как узуальными, так и окказионально-речевыми социально значимыми метафорическими образами, находя перманентную дискурсивную экспликацию, постоянно репродуцируясь в речевых процессах социально-политической коммуникации современной ФРГ, что способствует, в том числе, их постепенной трансформации и переходу в разряд традиционных немецкоязычных лингвокультурных символов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор / РАН, Ин-т русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1994. 351 с.

2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 352 с.

3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая метафорология: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2008. 248 с.

4. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации: монография. М.: Флинта: Наука, 2008. 248 с.

5. Будаев Э.В., Ворошилова М.Б., Дзюба Е.В., Красильникова Н.А. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие / отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2011. 252 с.

6. Катаева С.Г. Немецкий политический язык. Основные направления и тенденции развития (1945 – 2005): монография. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2007. 204 с.

7. Керимов Р.Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ: учеб. пособие / Кемеровский государственный университет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 168 с.

8. Керимов Р.Д. Метафорический антропоморфизм в немецкой социально-политической коммуникации: монография / Кемеровский государственный университет. Кемерово: Офсет, 2012. 456 с.

9. Керимов Р.Д. Лингвокогнитивные аспекты изучения немецкой политической метафоры // Гуманитарный вектор. 2013. № 4 (36): Серия «Филология. Востоковедение». С. 155-164.

10. Керимов Р.Д. Метафоры метасферы человека в немецкой социально-политической коммуникации: монография / Кемеровский государственный университет. Кемерово: Офсет, 2013. 353 с.

11. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001. 240 с.

12. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2003. 250 с.

13. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука. 2012. 254 с.

14. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2013. 176 с.

15. Biedenkopf K. Die Wirklichkeit der Opposition gibt es nicht // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. September. S. 6-7.

16. BZ (Zeitung). Berlin (Deutschland). 2001.

17. BZ (Zeitung). Berlin (Deutschland). 2002.

18. Compact Universal Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung / Chefred. A. Sendlinger. München: Compact Verlag, 2007.

19. Duden Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bd. / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1999.

20. Kossendey Th. Parlament kann und darf kein UvD sein // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24. Juli. S. 11.

21. Müller W. Rede auf dem Deutschen Werbekongress (München, den 7. März 2002) // Bulletin 1996–2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Berlin, 2003. Nr. 2002-17-1.

22. Neue Juristische Wochenschrift (Zeitung). Frankfurt am Main – München (Deutschland). 1984. Nr. 19.

23. Neues Deutschland (Zeitung). Berlin (Deutschland). 1996.

24. Nolting G. F. Untersuchungsausschuß war ein Fehler // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24. Juli. S. 10-11.

25. Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001. Bd. 2.1. 400 S.

26. Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001. Bd. 2.2. 512 S.

27. Schreiner O. Es kommt nur noch heiße Luft // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24. Juli. S. 7-8.

28. Schröder G. Rede beim World Economic Forum (New York, den 1. Februar 2002) // Bulletin 1996–2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin, 2003. – Nr. 2002-06-1.

29. Solms H. O. Der Etat ist ehrlich und glaubwürdig // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. September. S. 8.

30. Spiegel, das deutsche Nachrichtenmagazin (Zeitschrift). Hamburg (Deutschland). 1984. Nr. 39.

31. Waigel Th. Deutschland steht mitten im Aufschwung! // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. September. S. 3-4.

32. Zumkley P. Am Traditionsverständnis hapert es noch // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24. Juli. S. 10.

REFERENCES

1. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. Dictionary of Russian Political Metaphors / RAN, Institute of the Russian language. Moscow: Pomovskij i partnjory, 1994. 351 p.

2. Budaev Je.V., Chudinov A.P. Foreign Political Linguistics. M.: Flinta: Nauka, 2008. 352 p.

3. Budaev Je.V., Chudinov A.P. Foreign Political Metaphorology: Monograph. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Press, 2008. 248 p.

4. Budaev Je.V., Chudinov A.P. Metaphor in the Political Communication: Monograph. Moscow: Flinta: Nauka, 2008. 248 p.

5. Budaev Je.V., Voroshilova M.B., Džuba E.V., Krasil'nikova N.A. Modern Political Linguistics. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Press, 2011. 252 p.

6. Kataeva S.G. German Political Language. Mainstream and Progress Trend (1945–2005): Monograph. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University Press, 2007. 204 p.

7. Kerimov R.D. Artefact Metaphors in the Political Discourse of Germany / Kemerovo State University. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. – 168 p.

8. Kerimov R.D. Metaphorical Anthropomorphism in the German Socio-political Communication: Monograph /

Kemerovo State University. Kemerovo: Ofset, 2012. 456 p.

9. Kerimov R.D. Cognitive Linguistic Aspects of German Political Metaphors // Humanist Vector. 2013. № 4 (36): Issue "Philology. Orientalism". Pp. 155-164.

10. Kerimov R.D. Metaphors of Human Metasphere in the German Socio-political Communication: Monograph / Kemerovo State University. Kemerovo: Ofset, 2013. 353 p.

11. Chudinov A.P. Russia in the Metaphorical Mirror: the Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000): Monograph. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Press, 2001. 240 p.

12. Chudinov A.P. Metaphorical Mosaic in the Modern Political Communication: Monograph. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Press, 2001. 250 p.

13. Chudinov A.P. Political Linguistics. 4-th ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2012. 254 p.

14. Chudinov A.P. Essay on Modern Political Metaphorology: Monograph. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Press, 2013. 176 p.

15. Biedenkopf K. Die Wirklichkeit der Opposition gibt es nicht // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. September. S. 6-7.

16. BZ (Zeitung). Berlin (Deutschland). 2001.

17. BZ (Zeitung). Berlin (Deutschland). 2002.

18. Compact Universal Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung / Chefred. A. Sendlinger. München: Compact Verlag, 2007.

19. Duden Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bd. / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1999.

20. Kossendey Th. Parlament kann und darf kein UvD sein // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24. Juli. S. 11.

21. Müller W. Rede auf dem Deutschen Werbekongress (München, den 7. März 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC/ Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Berlin, 2003. Nr. 2002-17-1.

22. Neue Juristische Wochenschrift (Zeitung). Frankfurt am Main – München (Deutschland). 1984. Nr. 19.

23. Neues Deutschland (Zeitung). Berlin (Deutschland). 1996.

24. Nolting G.F. Untersuchungsausschuss war ein Fehler // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24. Juli. S. 10-11.

25. Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001. Bd. 2.1. 400 S.

26. Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001. Bd. 2.2. 512 S.

27. Schreiner O. Es kommt nur noch heiße Luft // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24. Juli. S. 7-8.

28. Schröder G. Rede beim World Economic Forum (New York, den 1. Februar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC/ Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Berlin, 2003. Nr. 2002-06-1.

29. Solms H.O. Der Etat ist ehrlich und glaubwürdig // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. September. S. 8.

30. Spiegel, das deutsche Nachrichtenmagazin (Zeitschrift). Hamburg (Deutschland). 1984. Nr. 39.

31. Waigel Th. Deutschland steht mitten im Aufschwung! // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. September. S. 3-4.

32. Zumkley P. Am Traditionsverständnis hapert es noch // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24. Juli. S. 10.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ:

Керимов Руслан Джаванширович

доцент кафедры немецкой филологии,

кандидат филологических наук

Кемеровский государственный университет

ул. Красная, 6, Кемерово, 650043

Россия

E-mail: kerimovrus@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Kerimov Ruslan Dzhavanshirovich

PhD in Philology, Associate Professor

Department of German Philology

Kemerovo State University

6 Krasnaya St., Kemerovo, 650043

Russia

E-mail: kerimovrus@rambler.ru

Рецензент:

Кобенко Ю.В., доцент кафедры ЭНИН, доктор филологических наук, доцент,
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

УДК 811-139

Огнева Е. А.

Концепция интерпретации архитектоники текстового когнитивного сценария

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается художественный текст в ракурсе когнитивно-герменевтического анализа его структуры. Исследуется концептосфера текста как совокупность художественных концептов, репрезентирующих мировоззрение писателя, реализуемое в рамках когнитивно-сюжетной линии произведения. Анализируется динамический сегмент концептосферы, представленный когнитивными сценариями. Излагается авторская концепция интерпретации архитектоники текстового когнитивного сценария на основе предлагаемой типологии сценариев, которые подразделяются на две основополагающие группы: персонифицированные текстовые когнитивные сценарии и неперсонифицированные текстовые когнитивные сценарии, состоящие из структурных подгрупп. Архитектоника номинативного поля текстового сценария рассматривается в виде трёх взаимосвязанных и взаимообусловленных сегментов. В исследовательско-методологический корпус вводятся и интерпретируются понятия: линейный терминалопоток, нелинейный терминалопоток, агенс-информант. Исследуется персонифицированный комплексный текстовый когнитивный сценарий «путешествие», репрезентированный на страницах романа В.А. Каверина «Два капитана».

Ключевые слова: концепция; художественный текст; концептосфера; текстовый когнитивный сценарий; архитектоника; интерпретация; моделирование.

Ogneva E.A.

The concept of interpreting the textual cognitive script architectonics

АБСТРАКТ

The article deals with the literary text researched by the cognitive-hermeneutic analysis. The textual concept sphere is studied as the unit of fiction concepts represented the writer's world view at the fiction cognitive plotline. The dynamic segment of the textual concept sphere is analyzed as the unit of cognitive scripts. The author's concept of interpretation of fiction cognitive script architectonics is represented. The interpretation is based on the cognitive scripts typology. Our scripts typology represents the structured pattern which consists of two great scripts groups such as personified fiction cognitive scripts and non-personified fiction cognitive scripts divided into some subgroups.

The architectonics of the script nominative field is studied as the unit of three correlated segments. Our methodological research list includes such concepts as personified fiction cognitive scripts, non-personified fiction cognitive scripts, linear terminal chain, nonlinear terminal chain, agent-informant. The author studies the personified complex textual cognitive script "travelling" represented in the novel "Two Captains" written by V.A. Kaverin.

Key words: concept; literary text; concept sphere; textual cognitive script; architectonics; interpretation; modeling.

Введение

Когнитивный горизонт проблем и задач современных лингвистических исследований концептуальной картины мира как динамичной развивающейся модели мира, отражающей результаты познавательной и социальной деятельности личности, обширен и по-прежнему недостижим в его окончательной интерпретации. Разновекторность интерпретации предопределена рассмотрением концептуальной картины мира как совокупности различных типов концептов, среди которых «с одной стороны, выделяются культурные, языковые, диалектные, типовые, экономические и т.п. концепты. С другой стороны, – концепты, репрезентируемые на разных языковых уровнях: фонологическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, текстовом, сверхтекстовом» [4, с. 26].

В современной когнитивной лингвистике существуют различные трактовки понятия «концепт». В нашем исследовании, вслед за Н.Ф. Алефиренко, под концептом подразумевается «особым образом структурированное содержание акта сознания, воплощенного в содержательной форме образа познавательного предмета» [2, с. 7], исследуемого посредством различных подходов и методов.

Одним из актуальных направлений исследований в области речевых репрезентаций концепта является изучение концептосферы, понятие которой раскрывается в современной лингвистике посредством интерпретации потенциального запаса знаний, культурного опыта как отдельной личности, так и народа в целом. Академик Д.С. Лихачев в работе «Концептосфера русского языка» [8] представил структуру концептосферы в виде совокупности концептов. Развивая эту идею, А.П. Бабушкин рассматривал концептосферу языка в виде совокупности концептов разных типов: мыслительных картинок, схем, фреймов и сценариев [3], тогда как З.Д. Попова и И.А. Стернин под концептосферой понимают «мыслительную область, которая состоит из концептов» [13]. На основе различных интерпретативных подходов к структуре концептосферы национального языка, её отдельных сегментов, в настоящее время выработаны различные векторы исследования, направленные на выявление полной парадигмы

концептов базового уровня, концептуализирующих мир как в отдельно взятом языке, так и в близкородственных или неродственных языках.

Изучение концептосферы художественного текста как «двухуровневого когнитивно-дискурсивного конструкта, представляющего собой совокупность художественных концептов, которые реализуются преимущественно такими когнитивными структурами как мега-фрейм, сценарий, сцена, образующими когнитивную ауру» [11, с. 5] направлено на глубинные исследования индивидуально-авторской концептосферы того или иного писателя, интерпретирующего и преломляющего окружающую его концептуальную картину мира в том или ином когнитивном ракурсе, параметры которого обусловлены когнитивно-сюжетной канвой произведения, мировоззрением писателя, вербализованным языковыми символами собственной национальной концептосферы или, в ряде случаев, языковыми символами инокультурной концептосферы.

Цель работы заключается в изложении авторской концепции интерпретации архитектуры текстового когнитивного сценария.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужил советский приключенческий роман В.А. Каверина «Два капитана» как символ эпохи свершений и преобразований человека в новой модели социума. Исследование проведено с применением авторского метода когнитивно-герменевтического анализа художественного текста.

Основная часть.

Художественный текст как сокровищница писательского преломления бытия по-прежнему привлекает многочисленных исследователей. Вслед за Н.Ф. Алефиренко под текстом нами понимается «целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией его автора» [1, с. 303]. Именно замысел автора предопределяет все параметры концептосферы художественного текста как совокупности художественных концептов, которые репрезентируются статичными, динамичными и статично-динамичными когнитивными структурами.

Сценарий как динамичная когнитивная структура попал в орбиту лингвистических исследований ещё в середине прошлого века. Так, Р. Шенк и Р. Абельсон полагали в своём исследовании, что сценарий («скрипт») представляет собой когнитивную структуру, описывающую последовательность событий в контексте [15]. Развивая данную идею, в 80-е годы Р.Шенк интерпретировал сценарий как «репрезентацию структуры данных, т.е. список событий, задающих стереотипный эпизод» [16], тогда как Д. Лакофф подчёркивал тот факт, что «в основе сценария как пропозициональной модели лежит структурная схема пути: источник - путь - цель, где источником является исходное состояние, целью - конечное состояние, а события между ними рассматриваются как точки на пути» [14].

В последующий период не только в зарубежном, но и в отечественном языкознании углублялось понимание сценария как когнитивной структуры данных, управляющих процессом осмысления, корреляции смысловых блоков объективной реальности как совокупности эпизодических динамических последовательных действий [5; 6, с. 15-21 и др.]. Накопленный на данный момент материал способствует непосредственному приближению к решению актуальной задачи современной лингвокогнитивистики – рассмотрению структуры номинативного поля сценария.

В статье излагается авторская концепция интерпретации архитектоники **текстового когнитивного сценария**, под которым понимается динамичный когнитивный формат знания, репрезентированного в художественном тексте. Нами предложена следующая модель рассматриваемого динамичного исследовательского конструкта, который состоит из трёх взаимосвязанных и взаимообусловленных смыслообразующих сегментов: 1) агенс-информант, 2) терминалопоток, 3) фоновый информант.

Под **агенс-информантом** нами понимается совокупность номинантов (агентов), репрезентирующих информацию о действующем, значимом участнике или участниках ситуации, реализуемой в результате развёртывания когнитивного сценария, следовательно, агенс-информант – это совокупность актантов-агентов как вербализованных, так

и невербализованных (нулевых знаков) в структуре номинативного поля когнитивного сценария. Наличие нулевых актантов-агентов обусловлено спецификой синтаксической структуры предложения.

Когнитивный сценарий, имеющий вышеизложенную архитектуру, нами рассматривается как **персонифицированный сценарий**. Однако, в процессе интерпретации структуры текстового когнитивного сценария выявлены сценарии, которые не репрезентируют действия человека или события не связаны непосредственно с человеком, но описывают явления природы. В таких текстовых динамических моделях целесообразно заменить термин «агенс-информант» термином «стихии-информант». Под термином **стихии-информант** нами подразумевается совокупность номинантов, репрезентирующих проявления действий четырёх стихий, а именно, огня, воздуха, воды, земли, т.е. **стихии-информант** представляет собой совокупность репрезентантов явлений природы.

Сценарий, архитектура которого представлена тремя взаимосвязанными и взаимообусловленными смыслообразующими сегментами: 1) стихии-информант, 2) терминалопоток, 3) фоновый информант, в нашей концепции предлагается наименовать **неперсонифицированный текстовый когнитивный сценарий**.

Терминалопоток как базовый сегмент персонифицированного текстового когнитивного сценария или неперсонифицированного текстового когнитивного сценария рассматривается нами как совокупность n-количества терминалов, каждый из которых включает в свой состав сказуемое (предикат), репрезентирующее поэтапное действие в цепи последовательности действий, реже событий, реализующих развёртывание когнитивного сценария. Предикат является ядерным элементом терминала, вследствие чего в терминале не может быть нулевого предиката. В состав терминала также может входить n-количество любых типов актантов за исключением актанта-агенса. Наличие или отсутствие, тип и количество актантов в каждом терминале обусловлено тематической и функциональной спецификой каждого отдельно взятого текстового сценария, т.е.

принципами построения когнитивного сюжетно-повествовательного контура произведения в целом.

В интерпретативном алгоритме архитектоники текстового когнитивного сценария значим тот факт, что терминалопоток может быть **линейным**, т.е. репрезентировать линейную последовательность действий, реже событий, и **нелинейным**, репрезентирующим многовекторную последовательность действий или событий.

Фоновый информант понимается нами как совокупность фоновых терминалов, номинанты которых репрезентируют различную информацию: поясняющую, уточняющую, предваряющую или подводящую некий итог развёртыванию когнитивного сценария. Термин «**фондовый информант**», впервые применённый нами при интерпретации номинативного поля когнитивной сцены в статье «Типологизация и структурирование когнитивной сцены художественного текста» [9], верифицируется с учётом специфики исследуемой когнитивной структуры – сценария.

Таким образом, в исследовательско-методологический корпус нами вводятся термины: 1) **текстовый когнитивный сценарий**, 2) **персонифицированный текстовый когнитивный сценарий**, 3) **неперсонифицированный текстовый когнитивный сценарий**, 4) **агнс-информант**, 5) **терминалопоток**, 6) **линейный терминалопоток**, 7) **нелинейный терминалопоток**.

В результате проведённых исследований нами было установлено, что в зависимости от специфики терминалопотока, его линейности или нелинейности, а также от специфики и количества агенсов когнитивные сценарии подразделяются на линейные и нелинейные.

Под **линейным когнитивным сценарием** нами понимается динамичная когнитивная структура, репрезентирующая последовательность действий, реже событий, в виде терминалопотока как совокупности терминалов, сопряженных с одним или несколькими агенсами, неизменными на протяжении всего развёртывания сценария.

Под **нелинейным когнитивным сценарием** нами понимается динамичная когнитивная структура, репрезентирующая

многовекторность действий или событий в виде нескольких терминалопотоков как совокупности терминалов, сопряженных с двумя и более агенсами, количество которых увеличивается или уменьшается на протяжении всего развёртывания сценария.

В случае встраивания в структуру линейного или нелинейного когнитивного сценария иных когнитивных структур (фреймов, сцен) сценарий приобретает свойства комплексного исследовательского конструкта.

В статье представляется интересным рассмотреть когнитивный сценарий «путешествие», репрезентированный в известном советском приключенческом романе В.А. Каверина «**Два капитана**». Примечательно, что роман выдержал более ста изданий, переведён на несколько десятков языков. Подражая главному герою этого произведения, в Советском Союзе выросло несколько поколений, воодушевлённых девизом: «**Бороться, искать, найти и не сдаваться!**» В.А. Каверин в 1946 году был удостоен Сталинской премии за написание этого романа.

Выявлению когнитивных доминант концептосферы романа, привлекавшего читателей, формировавшего образ мыслей и действий, побуждавшего к свершениям на благо Родины, достижению новых высот в саморазвитии посвящено проводимое в данный момент комплексное исследование, часть результатов которого представлена в данной статье. Для интерпретации архитектоники сценария нами приняты следующие условные обозначения: **А** – агнс, **ОА** – нулевой агнс, **Т** – терминал, **ФТ** – фондовый терминал, **КИ** – коммуникативный импульс, **СА** – субсценарный агнс, **ОСА** – нулевой субсценарный агнс, **СТ** – субсценарный терминал. Цифры, сопряженные с буквенными обозначениями, указывают на номер компонента архитектоники сцены, а именно на: 1) номер агенса в агнс-информанте, 2) номер терминала в терминалопотоке при развёртывании сценария, 3) номер терминала в фоновом информанте, 4) номер коммуникативного импульса. В каждом из смысловобразующих сегментов когнитивного сценария ведётся внутрисегментная нумерация. Принятые условные обозначения предшествуют исследуемому компоненту архитектоники сценария в рассматриваемом контексте.

Итак, проведём когнитивно-герменевтический анализ архитектоники номинативного поля текстового когнитивного сценария «путешествие», репрезентированного в следующем контексте исследуемого романа:

(ФТ-1) *И все же мы не были беспризорниками. (Т-1) Подобно капитану Гаттера-су (ФТ-2) Петька рассказывал мне о нем с такими подробностями, о которых не подозревал и сам Жюль Верн, (А-1) мы (Т-1) шли вперед и вперед. (А-2) Мы (Т-2) шли вперед не только потому, что в Туркестане был хлеб, а здесь его уже не было. (А-3) Мы (Т-3) шли открывать новую страну – солнечные города, привольные сады. (ФТ-3) Мы дали друг другу клятву. Как эта клятва помогала нам! (Т-4) Однажды, подходя к Старой Руссе, (А-4) мы (Т-4) сбились с дороги (ОА-5) (Т-5) и заблудились в лесу. (А-6) Я (Т-6) лег на снег (ОА-7) (Т-7) и закрыл глаза. Сцена (КИ-1) Петька пугал меня волками, ругался, даже бил – все было напрасно. (ФТ-4) Я не мог больше сделать ни шагу. (КИ-2) Тогда он снял шапку и бросил ее на снег. – Ты клятву давал, Санька, – сказано он, – бороться и искать, найти и не сдаваться. Значит, ты теперь клятвopеступник? Сам сказал – клятвopеступник не получит пощады. (КИ-3) Я заплакал, но встал. (Т-8) Поздней ночью (А-8) мы (Т-8) дошли до деревни. Деревня была староверческая, но (А-9.1) одна старушка (Т-9.1) все же приняла нас, (ОА-9.2) (Т-9.2) накормила (ОА-9.3) (Т-9.3) и даже вымыла в бане. (Т-10) Так от деревни к деревне, от станции к станции (А-10) мы, (Т-10) наконец, добрались до Москвы. Субсценарий Дорогой (СА-1) мы (СТ-1) продали, (ОСА-2) (СТ-2) променяли и (ОСА-3) (СТ-3) проели почти все, что было взято с собой из Энска. Даже Петькин кинжал в ножнах из старого сапога, был продан, помнится, за два куска студня [7, с. 51-52].*

Проведённое исследование номинативного поля когнитивного сценария «путешествие» выявило следующий ряд особенностей этой динамичной текстовой когнитивной структуры.

Во-первых, исследуемая нами динамичная когнитивная структура имеет комплексный формат, так как наряду с основным терминалопотокoм развёртывания сценария, состоящим из десяти терминалов, в его со-

став между седьмым и восьмым терминалами встроена когнитивная сцена, состоящая из трёх коммуникативных импульсов и одного фонового терминала, а также после десятого терминала включён субсценарий как уточняющий терминалопоток. Более того, выявлен второстепенный вектор развёртывания основного терминалопотокa сценария, сопряженный с девятым терминалом. Под **второстепенным вектором терминалопотокa** понимаем совокупность сценарных терминалов, уточняющих какой-либо из терминалов основного потока. Появление второстепенного вектора терминалопотокa, как правило, обусловлено количественными изменениями в агенс-информанте, т.е. включением нового агенса или разделением ранее совместнодействующих актантов-агентов, сопряженных с основным терминалопотокoм.

Во-вторых, рассматриваемый сценарий является персонифицированным текстовым когнитивным сценарием, т.к. в его структуре выявлено три агенс-информанта. Первый агенс-информант, сопряженный с основным терминалопотокoм, представлен как вербализованными восьмью агенсами, так и нулевыми, которых насчитывается два. Второй агенс-информант, сопряженный со второстепенным терминалопотокoм, представлен тремя агенсами, два из которых – нулевые. Третий агенс-информант, сопряженный с субсценарием, представлен тремя агенсами, два из которых также нулевые.

Среди вербализованных агентов шесть агентов – это местоимение *мы*, один агенс – местоимение *я* и один агенс – словосочетание *одна старушка*. Последний из перечисленных агентов, словосочетание *одна старушка*, является одним из маркеров нелинейности сценария, т.к. коррелирует с терминалом-9, который является начальным в репрезентации второстепенного вектора терминалопотокa, состоящего из трёх терминалов.

В рассматриваемом сценарии «путешествие» выявлен один второстепенный вектор терминалопотокa. Однако, как показывают проведённые ранее исследования, количество второстепенных векторов терминалопотокa неограниченно и обусловлено только параметрами когнитивно-сюжетной сетки повествования.

В-третьих, фоновый информант сценария «путешествие» состоит из четырёх терминалов, три из которых включены в основной терминалопоток, а один – в структуру когнитивной сцены как составного компонента данного сценария.

Детальное рассмотрение терминалов, составляющих как основной вектор терминалопотока, так и второстепенный выявило следующие особенности.

Терминал (Т-1) *Подобно капитану Гаттерасу (ФТ-2) Петька рассказывал мне о нем с такими подробностями, о которых не подозревал и сам Жюль Верн), (А-1) мы (Т-1) шли вперед и вперед* подразделён на две части с встроенным фоновым терминалом. Примечательно, что в содержательном плане терминала выявлено двойное смещение временных векторов в прошлое от основной временной оси повествования. Под термином **временной вектор** нами понимается «тестовая реализация потока времени, имеющая две базовые характеристики: точку отсчёта и последовательное изложение событий, объединенных в рамках когнитивной линейки как совокупности маркеров времени» [10, с. 145].

Двойное смещение временных векторов в прошлое обусловлено тем, что контекстуальная семантика глагола фонового терминала *рассказывал* маркирует действие, предшествовавшее действию глагола основного терминала *шли* – это первое смещение временного вектора. Контекстуальная семантика второго глагола фонового терминала *не подозревал* репрезентирует временное предшествование первому глаголу *рассказывал* – это второе смещение временного вектора.

В структуре фонового терминала выявлено имя собственное *Жюль Верн*, маркирующее начитанность одного из персонажей, которых В.А. Каверин в романе сравнивает с *капитаном Гаттерасом*, героем произведения известного французского писателя *Жюль Верна*. В данном случае выявлено когнитивное сопряжение художественных образов русской и французской прозы, так как происходит отсылка читателя к его собственным фоновым знаниям. По нашему мнению, такая отсылка к фоновым лингвокультурологическим знаниям представляет собой вербализацию когнитивных скреп двух культур.

«Под художественными когнитивными скрепами нами понимаются ментальные пересечения, соединяющие различные компоненты концептосферы художественного текста в единое целое, благодаря чему этот исследовательский конструкт представляет собой целостную комплексную архитектонику, а не набор отдельных элементов в пределах реализуемой текстом тематики» [12, с. 28].

Рассматриваемое сравнение *«подобно капитану Гаттерасу мы шли вперед»* представляет собой кросскультурную когнитивную скрепу русской и французской культур. Тем не менее, необходимо констатировать тот факт, что данная когнитивная скрепа в настоящее время практически утратила свою актуальность вследствие того, что в годы написания исследуемого нами произведения «Два капитана» герои французского писателя Жюль Верна были широко известны и любимы читателями В.А. Каверина в большей степени, чем в настоящее время. В структуре терминала-1 также выявлена проксема *вперёд*, употреблённая дважды, что усиливает динамику первого терминала.

Терминал (Т-2) *(Мы) шли вперед не только потому, что в Туркестане был хлеб, а здесь его уже не было* углубляет динамику перемещения героев в художественном пространстве вследствие повтора предиката *шли* и проксема *вперёд*, употреблённых в первом терминале. Агнс *мы* ко второму терминалу также дублирует агнс к первому терминалу.

В структуре второго терминала выявлены две проксема: а) проксема-топоним *Туркестан*, репрезентирующая локализацию в художественном пространстве, т.е. страну, куда стремились герои, б) проксема *здесь* как маркер территории, по которой персонажи путешествовали. Поскольку конечной точкой их путешествия должен был быть Туркестан, то эти две проксема *здесь* ↔ *Туркестан* взаимосвязаны географически как периферия и центр путешествия. Во втором терминале упоминается одна из целей путешествия – *хлеб*, который отсутствовал в родном городе персонажей, т.е. контекстуальная семантика лексемы *хлеб* репрезентирует экономико-социальную ситуацию на северо-западе России в тот период времени, в который развёртывается исследуемый нами текстовый когнитивный сценарий. Примечательно, что

цель – *добыть хлеб* не превалирует у героев произведения, что выражено отрицательной формой словосочетания *не только потому, что в Туркестане был хлеб*.

Терминал (Т-3) (*Мы*) *шли открывать новую страну – солнечные города, привольные сады* репрезентирует основную цель путешествия персонажей, т.к. именно актант-объектив *новая страна*, имеющий уточнение – словосочетания *солнечные города, привольные сады*, вербализует цель путешествия. Семантика этих словосочетаний: *солнечные города, привольные сады* раскрывает лучшее будущее – светлую многовековую мечту человечества. Наличие данных репрезентантов подчёркивает внутреннее целостное состояние героев произведения, решившихся на тяжёлое путешествие ради светлого будущего.

Примечателен тот факт, что в исследуемом романе выявлено значимое количество репрезентантов концепта «светлое будущее», которые являются именно целеполагающими в развитии различных сюжетных ситуаций, реализуемых в форматах когнитивных фреймов, сцен, сценариев, что позволяет сделать вывод о концепте «светлое будущее» как об одной из когнитивных доминант концептосферы романа «Два капитана». Детальное исследование номинативного поля когнитивного сценария «путешествие» является одним из направлений изучения этого концепта в целом.

Предикат третьего терминала – глагол *шли* был выявлен также и в первом, и во втором терминалах. Такое многократное повторение лексемы усиливает эмоциональный фон когнитивного сценария «путешествие». Именно этот предикат, будучи повторенным трижды в следующих друг за другом терминалах, репрезентирует постоянное преодоление препятствий во время путешествия.

Терминал (Т-4) *Однажды, подходя к Старой Руссе, (мы) (Т-4) сбились с дороги* включает в свой состав хронему *однажды* и проксема-топоним *Старая Русса* – старинный русский город, основанный на рубеже X-XI веков. Данный номинант терминала представляет собой этнокогнитивную скрепу, т.к. репрезентирует связь описываемых в рассматриваемом сценарии событий с историей страны.

Рассматриваемая проксема-топоним проецирует временной вектор повествования

в далёкое прошлое, т.к. не только сам город очень древний, но и в состав этого топонима входит архаизм *руса*, т.е. *река*. Напомним, что в праславянском языке лексема «река» звучала как «руса». Удвоенное «с» в топониме появилось только в начале XX века. В терминале выявлено также, что лексема *подходя*, с одной стороны репрезентирует процесс перемещения в пространстве, а с другой стороны, маркирует местонахождение в пространстве, тем самым являясь семантической когнитивной скрепой.

Терминал (Т-5) *и заблудились в лесу* примечателен тем, что в его состав входит лексема *лес*, номинирующая специфику ландшафта, на фоне которого проходило путешествие. Сочетание предиката *заблудились* и ландшафтной единицы *лес* номинирует местонахождение персонажей в художественном пространстве, т.е. является проксемой.

Терминал (Т-6) *лег на снег* состоит из хронемы *снег*, маркирующей время года, которая в сочетании с предикатом *лег* репрезентирует локализацию главного героя в художественном пространстве, т.е. представляет собой проксема.

Терминал (Т-7) *закрыв глаза* представляет собой кинему – репрезентант невербального кода общения.

Терминал (Т-8) *Поздней ночью дошли до деревни. Деревня была староверческая* состоит из хронемы *поздней ночью*, предиката *дошли*, который репрезентирует результат путешествия на определенном участке пути, т.е. представляет собой проксема *дошли до деревни*. Проксема вербализует нахождение героев в художественном пространстве, а именно точку локализации. Описание деревни *была староверческая* отсылает читателя к его фоновым знаниям о специфике указанного в тексте населённого пункта. Подчёркнём, что лексема *староверческая* является номинантом религиозного дискурса.

Терминал (Т-9.1) *но (одна старушка) все же приняла нас*, как было сказано выше, является начальным терминалом в репрезентации второстепенного вектора терминалопотока, состоящего из трёх терминалов, репрезентирующих действия нового агенса – *старушки*. В составе терминала, а именно в начале, выявлена частица *но*, подчёркивающая противопоставление плана содержания

этого второстепенного вектора терминалопотока той информации, которая изложена в терминале-8.

Терминал (Т-9.2) накормила состоит только из предиката в форме глагола совершенного вида. Семантика глагола, связанная с пищей, отражает достижение промежуточного результата путешествия, т.к. герои в голодное время отправившиеся в путешествие, в том числе, и за хлебом, насытились. Однако подчеркнём тот факт, что хлеб был не главной целью путешествия.

Терминал (Т-9.3) и даже вымысла в бане включает в состав культурему баня и предикат – глагол совершенного вида вымысла как маркер комфорта и уюта, к которому стремились герои произведения.

Терминал (Т-10) Так от деревни к деревне, от станции к станции **(А-10)** мы, **(Т-10)** наконец, добрались до Москвы репрезентирует перемещение в пространстве с периферии в центр, т.е. от локальной точки в художественном пространстве к другой локальной точке: от деревни к деревне, от станции к станции и в итоге – к конечной точке первой части пути – Москве.

Таким образом, когнитивно-герменевтический анализ основного и второстепенного векторов терминалопотока выявил, во-первых, высокую степень динамики в первом и втором терминалах; во-вторых, наличие 10 проксем, из которых четыре проксема – это проксема-топонимы, в том числе, и с архиизмом в структуре одной из проксем; в-третьих, наличие двух одиночных хронем, наряду со смещённым временным вектором; в-четвёртых, наличие различных культурологически окрашенных языковых единиц, а именно, (а) культуремы, (б) кинемы, (в) номинанта религиозного дискурса, (г) ландшафтной единицы, что в совокупности обогащает номинативное поле рассматриваемого сценария.

Когнитивно-герменевтический анализ номинативного поля сценария «путешествие» выявил наряду с двумя векторами терминалопотока следующую когнитивную сцену: **(КИ-1)** Петька пугал меня волками, ругался, даже бил – все было напрасно. **(ФТ-3)** Я не мог больше сделать ни шагу. **(КИ-2)** Тогда он снял шапку и бросил ее на снег. – Ты клятву давал, Санька, – сказал он, – бороться и искать, найти и не сдаваться.

Значит, ты теперь клятвопреступник? Сам сказал – клятвопреступник не получит пощадь. **(КИ-3)** Я заплакал, но встал.

Установлено, что исследуемая когнитивная сцена встроена между седьмым и восьмым терминалами основного терминалопотока и представляет собой двухвекторную линейную четырёхтерминальную когнитивную сцену [см. классификацию когнитивных сцен: 12, с. 70]. Сцена состоит из трёх коммуникативных импульсов, к которым седьмой терминал основного вектора терминалопотока выступает в роли фонового терминала, являясь структурной когнитивной скрепой.

Первый коммуникативный импульс **(КИ-1)** Петька пугал меня волками, ругался, даже бил – все было напрасно представляет собой перечень номинантов, вербализующих коммуникативное воздействие одного персонажа на другого, и результат этого воздействия все было напрасно. В рассматриваемом коммуникативном импульсе выявлена кинема бил.

Между первым и вторым коммуникативными импульсами выявлен фоновый терминал, который является третьим по счёту в общем фоновом информанте, **(ФТ-3)** Я не мог больше сделать ни шагу, репрезентирующий состояние адресата первого коммуникативного импульса.

Второй коммуникативный импульс **(КИ-2)** Тогда он снял шапку и бросил ее на снег. – Ты клятву давал, Санька, – сказал он, – бороться и искать, найти и не сдаваться. Значит, ты теперь клятвопреступник? Сам сказал – клятвопреступник не получит пощадь представляет собой сочетание следующих компонентов: 1) репрезентант невербального кода, предшествующий вербальной коммуникации и состоящий из двух кинем снять шапку и бросить шапку. Примечательно, что кинема бросить шапку (на снег) оземь иллюстрирует в русской культуре высшую степень экспрессии и готовность на отчаянный поступок; 2) хронема снег, вербализующая время года; 3) два временных вектора в прошлое и в будущее от точки повествования на основной временной оси темпоральной архитектуры сцены, выраженные глаголами сказал (вектор в прошлое) и глагол не получит (вектор в будущее): Сам сказал – клятвопреступник не получит пощадь.

Третий коммуникативный импульс **(КИ-3)** *Я заплакал, но встал* представляет собой сочетание глагола *заплакал*, семантика которого маркирует начало действия, и глагола-проксема *встал*.

Таким образом, было выявлено, что специфика номинативного поля когнитивной сцены заключается в наличии: (а) двух фоновых терминалов при трёх коммуникативных импульсах, (б) трёх кинем, (в) хронемы, (г) двух временных векторов в прошлое и в будущее, что в целом гармонично вписывается в общую повествовательную когнитивно-сюжетную канву сценария.

Далее, рассмотрим номинативное поле субсценария, который представляет собой конечный компонент развёртывания исследуемого сценария «путешествие». Прежде всего, отметим выявление смещения временного вектора номинативного поля субсценария в прошлое от точки на временной оси, соответствующей моменту завершения основного сценария, т.е. достижения цели путешествия – прибытия в Москву.

Исследование номинативного поля субсценария выявило наличие в его структуре трёх терминалов: *Дорогой (СА-1) мы (СТ-1) продали, (ОСА-2) (СТ-2) променяли и (ОСА-3) (СТ-3) проели почти все, что было взято с собой из Энска. Даже Петькин кинжал в ножнах из старого сапога, был продан, помнится, за два куска студня.*

Терминал-1 *Дорогой (мы) продали* состоит из лексемы *дорóгой*, номинирующей путешествие и предиката – глагола совершенного вида *продали*, который сопряжен с агенсом *мы*.

Терминал-2 состоит только из предиката – глагола совершенного вида *променяли*, сопряженного с нулевым агенсом.

Терминал-3 имеет более разветвлённую структуру, сопряжённую с нулевым агенсом, а именно, предикат – глагол совершенного вида *проели* и уточняющее словосочетание *что было взято с собой из Энска*, в структуре которого выявлены, во-первых, проксема-топоним *Энск* как начальный пункт путешествия, как проксема, репрезентирующая точку локализации в художественном пространстве. Примечательно, что начальная точка путешествия проксема-топоним *Энск* и его

конечная точка проксема-топоним *Москва* в данном сценарии соотносятся географически как *периферия-центр*.

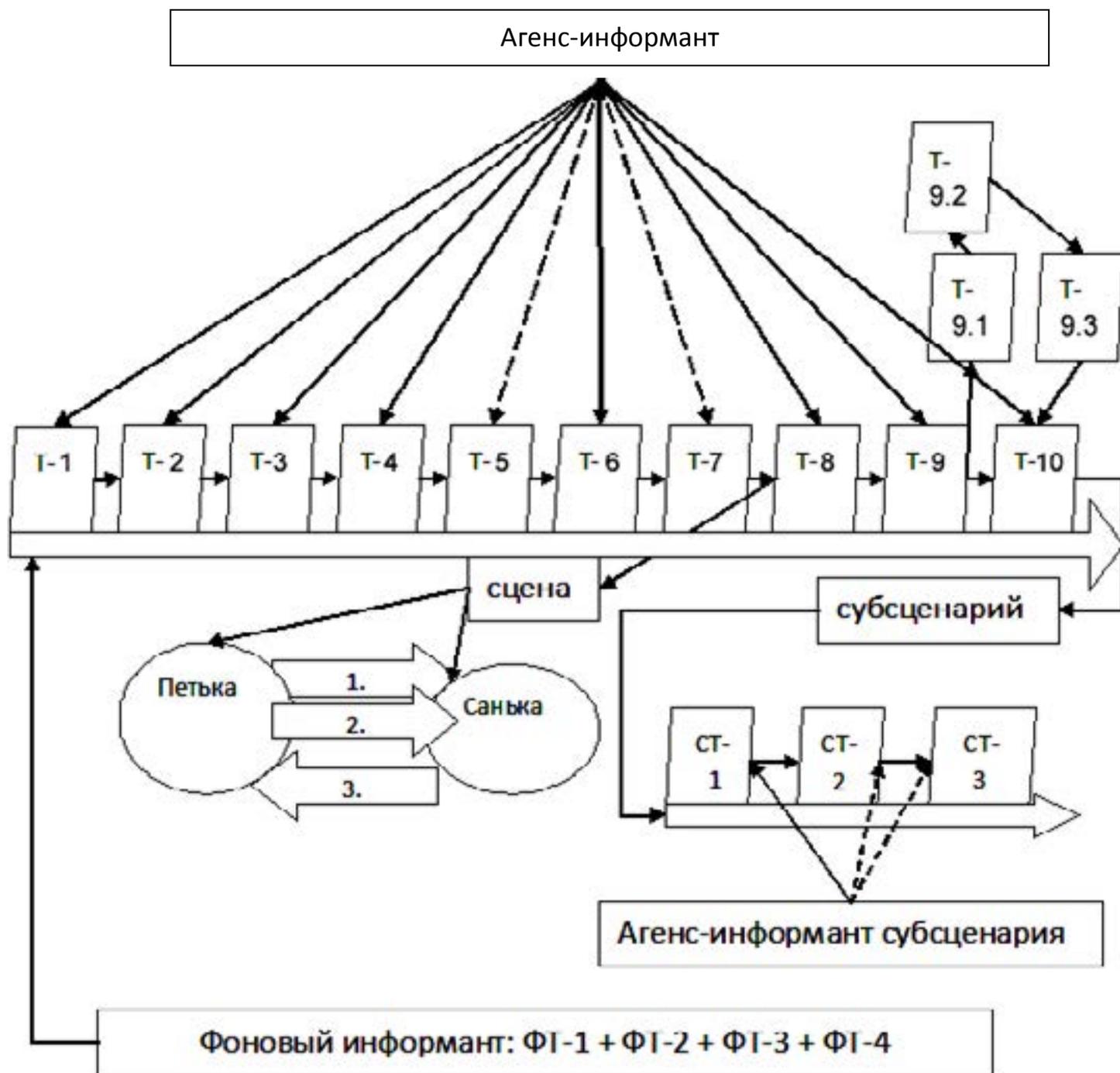
Во-вторых, контекстуальная семантика пассивной глагольной формы *было взято* в исследуемом словосочетании третьего терминала репрезентирует смещение временного вектора в прошлое до начала развёртывания не только терминалопотока субсценария, но и сценария в целом.

В-третьих, предложение *Даже Петькин кинжал в ножнах из старого сапога, был продан, помнится, за два куска студня*, которое следует за третьим терминалом, является уточнением к первому терминалу и таким образом, формируется циклическая темпоральная модель архитектуры субсценария.

Более того, в данном предложении выявлена культурема *студень*, которая одновременно является и проксемой, так как номинирует название блюда, характерное для северных и северо-западных районов России, тогда как в центральных, южных и юго-восточных районах страны это блюдо традиционно называют *холодцом*. Выявлен экономико-социальный маркер: *(ножны) из старого сапога*, репрезентирующий с одной стороны бедность семьи, которая не может купить ножны, а с другой стороны, подчёркивающий качество кожи, которая прослужила долго на голенищах сапога и продолжает использоваться при изготовлении ножен. Смещение двух временных векторов в прошлое привело к формированию линейной многовекторной модели темпоральной архитектуры субсценария. Авторская типология моделей темпоральной архитектуры текста была представлена нами в работе «Темпоральная архитектура концептосферы художественного текста» в 2013г. [10]

Построим модель персонифицированного комплексного текстового когнитивного сценария «путешествие», в которой отобразим выявленную и детально описанную выше специфику этой динамичной когнитивной структуры. Представленная модель когнитивного сценария «путешествие» наглядно иллюстрирует комплексную нелинейную структуру архитектуры его номинативного поля. Графическая модель сценария синергична выше изложенной таксономической модели.

**Графическая модель
персонифицированного комплексного
текстового когнитивного сценария
«путешествие»**

Результаты исследования и их обсуждение

Проведённое когнитивно-герменевтическое исследование номинативного поля текстового когнитивного сценария «путешествие» выявило следующее, во-первых, рассматриваемый сценарий является персонифицированным, комплексным конструктом.

Во-вторых, сценарий реализован посредством внутреннего развёртывания основного вектора терминалопотока с включение второстепенного вектора терминалопотока, встроенностью когнитивной сцены и субсценария в основной терминалопоток.

В-третьих, сценарий имеет несколько смещений временных векторов, а именно, а) двойное смещение временных векторов в прошлое от основной временной оси повествования в первом терминале основного терминалопотока; б) в структуре субсценария смещённый временной вектор в прошлое от временной оси развёртывания основного терминалопотока, в) в одном из субсценарных терминалов смещённый временной вектор в прошлое по отношению к номинативному полю самого субсценария. Наличие такого количества смещённых временных векторов привело к тому, что темпоральная архитектура субсценария имеет трёхуровневое смещение временного локуса в прошлое и настоящее от временной оси развёртывания основного терминалопотока.

В-четвёртых, выявлено наличие: (а) кросскультурной когнитивной скрепы русской и французской культур, (б) проксем, (в) хронем, (г) культуремы, (д) ландшафтной единицы, (е) лексемы религиозного дискурса.

Более того, в рассматриваемом номинативном поле когнитивного сценария выявлена репрезентация высокой мотивации героев произведения, вербализованной в терминале-3 *или открывать новую страну – солнечные города, привольные сады*, где словосочетания: *солнечные города, привольные сады* раскрывают лучшее будущее – светлую многовековую мечту человечества.

Заключение

Концептуальная картина мира как совокупность разноформатных концептов предо-

ставляет обширное исследовательское поле для научной мысли. Сочетание классических и инновационных методов лингвокогнитивных исследований вскрывает всё новые и новые факты и закономерности процессов вербализации бытия в отдельно взятом языке, в группах контактирующих языков вследствие чего национальные языковые концептосферы по-прежнему в фокусе познания и интерпретации. Особое место в проводимых исследованиях отводится изучению архитектуры концептосфер, репрезентированных в художественных произведениях как совокупности художественных концептов, совокупности статичных и динамичных когнитивных структур.

Предложенная нами концепция интерпретации архитектуры номинативного поля когнитивного сценария как динамичной текстовой структуры является одной из попыток инновационного подхода к исследованию и моделированию одного из сегментов концептосферы. Применение предложенного алгоритма изучения динамичного сегмента концептосферы направлено на выявление внутри текстовых когнитивных скреп и способствует установлению когнитивных доминант как аттракторов внимания читателей. Так, исследование комплексного персонифицированного текстового когнитивного сценария «путешествие», в пропозициональной модели которого всесторонне реализована структурная схема пути: источник – путь – цель, способствовало описанию специфики его архитектуры и установило, прежде всего, его статус как одной из когнитивных доминант исследуемой концептосферы романа В.А. Каверина «Два капитана».

Именно совокупность выявленных языковых средств, вербализующих комплексные динамичные и статичные когнитивные структуры в текстовой когнитивно-сюжетной матрице, способствовало нахождению причин устойчивого интереса читателей к произведению, которое формировало идеалы, образ мыслей, мировосприятие, миропонимание, самоощущение подрастающего поколения, создававшего под девизом «Бороться, искать, найти и не сдаваться» новую социальную формацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: моногр. М.: Гнозис, 2005.

2. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание, культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова: моногр. Волгоград: Перемена, 2006. 228 с.

3. Бабушкин А.П. Картина мира и концептосфера языка // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. Ч. 2. Волгоград: Перемена, 2003. С. 12-13.

4. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка: Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив моногр. / гл. ред. Е.С. Кубрякова, отв. ред. Н.Н. Болдырев. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им Г.Р. Державина, 2009. С. 25-77.

5. Демьянков В.З. Сценарий // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 181-182.

6. Жаботинская С.А. Концептуальная модель частеречных систем: фрейм и скрипт // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. Рязань, 2000. С. 15-21.

7. Каверин В.А. Два капитана: роман. М.: АСТ Москва, 2013. 624 с.

8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 280-289.

9. Огнева Е.А. Типологизация и структурирование когнитивной сцены художественного текста / Е.А. Огнева, Ю.А. Кузьминых // Современные проблемы науки и образования. Филологические науки. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/106-7379> (дата обращения 29 ноября 2012).

10. Огнева Е.А. Темпоральная архитектоника концептосферы художественного текста // Приоритетные направления лингвистических исследований: общетеоретические, когнитивные, коммуникативно-прагматические и функционально-грамматические аспекты языка: колл. науч. моногр. [под ред. А.Г. Бердниковой]. Новосибирск: «СибАК», 2013. С. 138-155.

11. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста: моногр. 2-е изд. дополн. М.: Эдитус, 2013. 282 с.

12. Огнева Е.А. Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации: моногр. // Е.А. Огнева, Ю.А. Кузьминых. М.: Эдитус, 2014. 202 с.

13. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике // З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж, 2001. 192 с.

14. Lakoff G. and Johnsen M. Metaphors We Live by. London: The University Press, Ltd., 1988.

15. Schank R.C. Scripts, Plans, Coals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures / R.C. Schank, R.P. Abelson. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Ass., 1977.

16. Schank R.C. Reading and Understanding: Teaching from the Perspective of Artificial Intelligence. Hillsdale, N.Y.: Lawrence Erlbaum Ass., 1982. 196 p.

REFERENCES

1. Alefirenko N.F. Discussible Semantic Problems: Monograph. Moscow.: Gnozis, 2005.

2. Alefirenko N.F. Language, Cognition, Culture: Cognitive-semiological Word Synergy: monograph. Volgograd: Peremena, 2006. 228 p.

3. Babushkin A.P. World Picture and Language Conceptsphere // Problems of Concept

Verbalization at the Semantics of Language and Text. International Symposium. Volgograd: Peremena, 2003. Pp. 12-13.

4. Boldirev N.N. Conceptual Language Base // Cognitive Studies of Language. Vol. IV. World Conceptualization in Language: monograph / series editor –in-chief E.S. Kubryakova, volume editor-in-chief N.N. Boldirev. Moscow: Institute of Linguistics of RAS; Tambov: Publishing

House of Bambov State University named after G.R. Dergavin, 2009. Pp. 25-77.

5. Demyankov V.Z. Script // Dictionary of Cognitive Terms / E.S. Kubryakova, V.Z. Demyankov, Yu.G. Pankrats, L.G. Luzina. Moscow: MSU named after M.V. Lomonosov, 1996. Pp. 181-182.

6. Gabotinskaya S.A. Conceptual Model of Part of Speech System: Frame and Script // Cognitive aspects of Language Categorization. Razan, 2000. Pp. 15-21.

7. Kaverin V.A. Two Captains. Moscow: АСТ Moscow, 2013. 624 p.

8. Lihkachev D.S. Russian Conceptsphere // Russian Philology. From the Theory of Philology to the Structure of text. Moscow, 1997. Pp. 280-289.

9. Ogneva E.A. Typologization and Structuring of Fiction Scene / E.A. Ogneva, Yu.A. Kuzminih // Contemporary Scientific and Educational Problems. Philologie. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/106-7379> (accessed: November 29, 2012)

10. Ogneva E.A. Temporal Architectonics of Fiction Conceptsphere // The Mainstream

of Linguistics: General Theoretic, Cognitive, Communicative and Pragmatic, Functional and Grammatical Aspects of Language: collective monograph. Novosibirsk: «Sibak», 2013. Pp. 138-155.

11. Ogneva E.A. Cognitive Modeling of Fiction Conceptsphere: monograph. Moscow: Editus, 2013. 282 p.

12. Ogneva E.A. Architectonics of Textual Cognitive Scene: Problems of Modeling and Interpretation: monograph / E.A. Ogneva, Yu.A. Kuzminih. Moscow: Editus, 2014. 202 p.

13. Popova Z.D. Cognitive Linguistics Essay // Z.D. Popova, I.A. Sternin. Voroneg, 2001. 192 p.

14. Lakoff G. and Johnsen M. Metaphors We Live by. London: The University Press, Ltd., 1988.

15. Schank, R.C. Scripts, Plans, Coals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures // R.C. Schank, R.P. Abelson. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Ass., 1977.

16. Schank, R.C. Reading and Understanding: Teaching from the Perspective of Artificial Intelligence. Hillsdale, N.Y.: Lawrence Erlbaum Ass., 1982. 196 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ:

Огнева Елена Анатольевна

доктор филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015
Россия
E-mail: Ogneva@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Ogneva Elena Anatolievna

Doctor of Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
85 Pobeda St., Belgorod, 308015
Russia
E-mail: Ogneva@bsu.edu.ru

УДК 811-139

Озерова Е. Г.,
Попиль Н. В.**Когнитивные аспекты
апперцепции памяти****А**ННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются апперцептивные истоки концепта «Память» на материале прозаических текстов И.А. Бунина и А.И. Куприна, где действительность воспроизводится не столько изображением объективных явлений, сколько изображением субъективных переживаний, вызванных какими-либо явлениями жизни. Под апперцепцией понимается вторичное чувственное восприятие (или ряд таких восприятий) какой-либо действительности, которое, во-первых, непременно объясняется и дополняется запасом других восприятий; во-вторых, возникает на основе ранее полученных сведений о данной действительности. Память репрезентирует сложное явление апперцепции, при котором восприятие прошлой действительности, сохранённой в памяти, трансформируется, дополняя обновлённое восприятие различными индивидуально-чувственными номинациями. Память в прозаическом тексте обнаруживает две ступени апперцепции: 1) воспринимается сознанием и дополняется совокупностью чувственных воспоминаний-ассоциаций; 2) порождает апперцептивную номинацию на основе уже имеющегося знания.

Ключевые слова: концепт; память; апперцепция; чувственное восприятие; апперцептивная номинация.

Ozerova E.G.,
Popil N.V**Cognitive aspects
of memory apperception****А**БСТРАКТ

This article discusses the apperceptive origins of the concept «Memory» in the prose texts by I.A. Bunin and A.I. Kuprin where reality is not so much the image of objective phenomena, as the image of subjective experiences caused by any event of life. Apperception is understood as the secondary sensory perception (or a series of such perceptions) of any reality that is, firstly, certainly explained and supplemented by reserve of other perceptions; secondly, it is based on the previously obtained information about this fact. Memory represents a complex phenomenon of apperception, in which the perception of past reality saved in memory is transformed, adding an updated perception of various individual sensory nominations. Memory in the fiction text reveals two stages of apperception: 1) it is perceived by consciousness and complemented by the set of sensory memories- associations; 2) it generates an apperceptive nomination on the basis of existing knowledge.

Key words: concept; memory; apperception; sensorial perception; apperceptive nomination.

В качестве предмета исследования выступает апперцептивное поле концепта «Память» в прозаических текстах И.А. Бунина и А.И. Куприна. Семиотическую природу памяти, в том числе языковой, разрабатывали исследователи различных школ и направлений: К. Леви-Стросс [6], описавший многообразие культур, межкультурные отношения; Р. Барт [1], поставивший вопрос о необходимости семиотической интерпретации культурно-социальных явлений; М. Фуко [11], рассматривавший феномен культуры в свете дискурсивной деятельности человека; Ж. Деррида [4], обосновавший теорию культурной памяти в преломлении эволюции лексического значения. Среди отечественных исследований неопценимо значение работ Б.М. Гаспарова о триаде язык – память – образ, Ю.М. Лотмана об особенностях культурной памяти в ракурсе семиосферы, О.Г. Ревзиной о памяти и языке как врожденных когнитивных способностях человека.

Память как концептуально обусловленная лексическая единица имеет ментальные, национально-культурные и индивидуальные особенности. Именно эти аспекты памяти особенно ярко проявляются в художественных текстах, так как, попадая в контекст, языковая репрезентация памяти на основе уже сложившейся у читателя образной картины мира получает эмоциональную, экспрессивную, оценочную окрашенность и отражается посредством вербализации этнокультурной и авторской коннотации, обусловленной вторичными переживаниями субъективно значимых фрагментов действительности.

Ср.: *Я помню, что слово «муравейные» нам особенно нравилось, напоминая муравьёв в кочке. Мы даже устроили игру в муравейные братья, которая состояла в том, что садились под стулья, загораживали их ящичками, завешивали платками и сидели там в темноте, прижимаясь друг к другу* (И.А. Бунин. Освобождение Толстого (1937)).

В данном случае память интерпретируется как субъективное воспоминание, связанное с детством – с детской игрой «муравейные братья».

Когнитивная пропозиция обусловлена общеизвестным эпизодом из биографии Л.Н. Толстого, который в возрасте пяти лет создал

игру в «муравейных братьев» и историю о зеленой палочке, которая может сделать всех людей счастливыми *«и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями»*. В последующем эта игра для Л.Н. Толстого стала жизненной философией: жить честно – значит прежде всего жить не для себя одного, а для людей, для их блага и счастья; а идеал «муравьиных» братьев – братства людей всего мира.

Концептуализация памяти в анализируемом тексте достигается при помощи дериватов: *помнить, напоминать; муравейный, муравьи, а также проводимых автором смысловых параллелей между словом «муравейные» и сочетаниями «муравьи в кочке», «муравейные братья», соединительным звеном которых является внутренняя форма корня. Игра «в муравейных братьев» ассоциируется у героя с жизнью самих муравьёв в муравейнике: «садились под стулья, загораживали их ящичками, завешивали платками и сидели там в темноте, прижимаясь друг к другу»*. В этом контексте «память» репрезентируется посредством сравнений, конструируемых на основе чувственных, индивидуальных образов автора («слово «муравейные» нам особенно нравилось, напоминая муравьёв в кочке»).

Художественный текст – это всегда диалог, диалог между читателем и автором. Коммуникативно-прагматическая природа текста позволяет памяти, концептуально обусловленной контекстом, апперцептивироваться, то есть восприниматься на основе чувств, переживаний и впечатлений. Слово, по мнению А.А. Потебни, есть настолько средство понимать другого, насколько оно средство понимать самого себя. Сила человеческой мысли не в том, что слово вызывает в сознании прежние восприятия, это, подчёркивает автор, можно и без слов, а в том, как именно оно заставляет человека пользоваться сокровищами своего прошлого [9, с. 122]. Автор отмечает, что при создании слова, а равно и в процессе речи и понимания, происходящем по одним законам с созданием, полученное уже впечатление подвергается новым изменениям, как бы вторично воспринимается, то есть апперцепируется [9, с. 99]. На сегодняшний день явление апперцепции менее всего

рассмотрено в ракурсе когнитивной лингвистики. Это обусловлено тем фактом, что долгое время апперцепция являлась областью изучения психологии, нежели лингвистики.

Анализ прозаических текстов позволяет расширить представление о процессах восприятия и о способах вербализации их в языке: «в содержательно-концептуальном плане художественный текст несёт на себе печать как неповторимого эстетического осмысления окружающего мира конкретной авторской личностью с её особыми целями и мотивами, культурологическим тезаурусом и выражающими их ассоциациями, так и соотносённости с культурными константами, с поэтической картиной мира в её текстовом воплощении» [2, с. 32].

В Большой советской энциклопедии апперцепция трактуется как «одно из фундаментальных свойств психики человека, выражающееся в обусловленности восприятия предметов и явлений внешнего мира и осознания этого восприятия особенностями общего содержания психической жизни как целого, запасом знаний и конкретным состоянием личности» [3, с. 228].

Термин «апперцепция» впервые ввёл Г. Лейбниц, который обозначал этим термином процесс от осознания до сознания впечатления; следовательно, изначально понятие апперцепции трактовалось как переход чувственного, неосознанного впечатления в рациональное, осознанное восприятие. Впоследствии И. Кант пришёл к пониманию того, что «деятельность рассудка синтезирует атомарные элементы чувственности, благодаря чему восприятие всегда обладает некоторой целостностью», поэтому актуальным для обозначения связи и единства представлений в сознании автору представляется номинация «синтетическое единство апперцепции», тем самым И. Кант подчёркивает единство процесса осознания. На уровне чувственности такое единство обеспечивается рассудком, который есть «... способность а priori связывать и подводить многообразное содержание данных представления под единство апперцепции» [5, с. 193]. Совокупность имеющихся представлений Кант назвал трансцендентальной апперцепцией.

В XIX в. И.Ф. Герbart через понятие апперцепции объяснял обусловленность содер-

жания нового представления запасом уже имеющихся представлений. В. Вундт, благодаря которому понятие апперцепции получило широкое распространение в психологии, объединил в нём все три аспекта: осознание воспринятого, его целостность и его зависимость от прежнего опыта. С помощью апперцепции он пытался объяснить избирательный характер сознания и поведения [3].

Под апперцепцией мы будем понимать вторичное чувственное восприятие (или ряд таких восприятий) какой-либо действительности, которое, во-первых, непременно объясняется и дополняется запасом других восприятий; во-вторых, возникает на основе ранее полученных сведений о данной действительности.

Прозаические тексты И.А. Бунина и А.И. Куприна – это определённый временной пласт, который отражает ментальную и культурную ступень прошлого, его специфику восприятия реальности, так как «... главное здесь то, что воспроизведённый временной объект, если можно так сказать, не основывается более на восприятии. Он отделился от него. Он в самом деле остался в прошлом. И тем не менее он присоединяется, следует за настоящим, как хвост кометы» [10, с. 61], поэтому и когнитивное пространство концепта «Память» в произведениях этих авторов представлено иначе, чем если бы это были тексты произведений современных писателей. Ср.: *Что же касается до того, что я «молокосос», то из этого только следует то, что эти чувства более доступны «молокососу», так как моя душа ещё молода и, следовательно, более чиста. Да и к тому же я пишу совсем не для суда других, совсем не хочу открывать эти чувства другим, а для того, чтобы удержат в душе эти напевы. Пронесутся года. Заблестит седина на моих волосах, но об этих блаженных часах память сердце моё сохранит...* (И.А. Бунин. Дневники (1881-1953)).

В данном контексте концепт «Память» апперцептируется как «блаженные часы», «напевы в душе», «молодая чистая душа», «седина на волосах», «блаженные часы».

Вербализация апперцепции концепта «Память» в данном контексте достигается посредством метафорических словосочета-

ний: «пронесутся года», «заблестит седина», «сердце сохранит память», а также образных сочетаний, репрезентирующих авторский идиостиль: «пишу не для суда других», «не хочу открывать чувства другим», «удержать в душе напевы».

Такая память не только проявляет себя как концепт, но и апперцептируется, то есть объясняется, понимается как *детство, старость, время* и может выражаться с помощью лексем: *молокосос, молодой, годы, седина, блаженные часы*, входящих в состав метафорических словосочетаний и апперцептивных номинаций [7, с. 25] («*Душа еще молода*», «*но об этих блаженных часах память сердце мое сохранит*»).

Все! Она открыла глаза, с трудом перевела дух и, обратив смеющееся, подвижное лицо к Ромашову, спросила: – Хорошо? – Черт, какая память! – завистливо, но с восхищением произнес Николаев, углубляясь в свои тетрадки (А.И. Куприн. Поединок (1905)).

В данном контексте концепт «Память» апперцептируется как «*память – восхищение*», а вербализация данной апперцепции достигается семантически схожими конструкциями («с трудом перевела дух» – «с восхищением»), являющимися результатом эмоционально-индивидуальных рефлексий; восклицательными, интонационно утвердительными предложениями («*Все!*», «*Черт, какая память!*»), которые и придают тексту эмоционально-экспрессивную окраску.

Отметим, что данные предложения и конструкции таких предложений имплицитно репрезентируют наивысшую степень проявления восхищения и удивления от того, что ранее казалось понятным, обыденным и естественным.

Ср.: – Ну, так вот, на тебе, **береги на память и помни мою любовь**. А теперь надевай китель и айда в собрание (А. И. Куприн. Поединок (1905)).

*Я покачал головой. – Друг – это тоже большое счастье. Я не верю, чтобы у человека могло быть больше одного друга. Сколько же у тебя, Мария, друзей, если ты **раздала на память** около пятидесяти панно* (А.И. Куприн. Колесо времени (1929)).

В данных контекстах апперцепция концепта «Память» репрезентируется посред-

ством проводимых семантических параллелей («память – помнить – беречь», «память – друг – счастье», «память – друзья – панно»); словосочетаний, входящих в состав фразеологизмов и авторских высказываний («*береги на память*», «*помни мою любовь*», «*раздала на память*»), способствующих материализации памяти, «...материальный след весь целиком пребывает в настоящем и для того чтобы обозначить, что он есть образ прошлого, его необходимо наделять семиотическим измерением» [10, с. 598].

Смысловые вариации *память – друг, помнить – беречь* трансформируют общую картину контекста и апперцептируют память в чувство счастья и любви, восторга и удивления («*Друг – это тоже большое счастье*», «*Сколько же у тебя, Мария, друзей, если ты раздала на память около пятидесяти панно*», «*береги на память и помни мою любовь*»).

Следовательно, смысл порождается автором текста, контекст создаёт коннотативное поле и трансформируется в чувственное восприятие. Апперцепция памяти моделируется на основе деривационной структуры концепта («любить, любовь, любил»); антонимических рядов («любить – ненавидеть»), а также контекстуальных синонимических рядов («покой – семья – любовь», «любить – уважать», «любовь» – «отрава»).

*А теперь я жалкая институтская таперша, и где же! В том самом проклятом городе, который я всегда так ненавидела! Разве я не могла бы и теперь еще найти человека, который дал бы мне покой, семью и любил и уважал бы меня? Но **память о нашей любви**... Стрешнев закурил и стал отвечать медленно, разделяя слова: – Вера, мы, дворянское отродье, не умеем просто любить. Это отравы для нас* (И.А. Бунин. Последнее свидание (1912)).

Такое прекрасное чувство как любовь, в силу разного социального положения героев, воспринимается ими по-разному: для Веры любовь – это покой, семья, уважение, а для Стрешнева – это «отрава», то есть герои апперцептируют память о любви совершенно противоположно. Апперцептируемый концепт памяти репрезентируется и дополняется чувственным восприятием сожаления, ра-

зочарования, обречённости, ностальгией по давно минувшим дням.

– *И лошади нету? – Продали. Танька раскрыла глаза. Продажа лошади особенно врезалась ей в память.* «Когда еще картохи копали», в сухой, ветреный день, мать на поле полудновала, плакала и говорила, что ей «кусок в горло не идёт», и Танька всё смотрела на её горло, не понимая, о чём толк. Потом в большой крепкой телеге с высоким передком приезжали «анчихристы». Оба они были похожи друг на дружку – черны, засалены, подпоясаны по кострецам. За ними пришёл ещё один, ещё чернее, с палкой в руке, что-то громко кричал а, немного погодя, вывел со двора лошадь и побежал с нею по выгону, за ним бежал отец, и Танька думала, что он погнался отнимать лошадь, догнал и опять увёл её во двор (И.А. Бунин. Танька (1892)).

Пережитые героиней в момент воспоминания чувства: горе, тревога, огорчение, утрата, несправедливость, сожаление составляют базис, порождающий возникновение апперцепции – восприятие и переживание по-новому какого-то факта действительности. Эти ощущения буквально прочувствованы и героями, и автором, а впоследствии и читателем, поэтому героине – Таньке – «продажа лошади» не просто запомнилась, она «особенно врезалась ей в память», а матери героини вследствие этого «кусок в горло не идёт». В данном прозаическом тексте концепт «Память» апперцептирует как «анчихристы», которые «черны и засалены», как «лошадь»,

которую забрали «когда еще картохи копали», как «мать на поле». Общую атмосферу контекста создают соответствующие эпитеты: «сухой, ветреный день», «большая крепкая телега», «анчихристы – черны, засалены»; глаголы прошедшего времени *говорила, приезжал, пришёл, кричал, вывел, побежал, бежал* вербализируют напряжённость действия и негативную эмоционально-экспрессивную окраску (*продали, плакала, догнал*).

Следовательно, память в рассмотренных прозаических текстах не просто концептуализируется, приобретая различные смысловые и коннотативные вариации, но и проходит более сложные процессы, являющиеся связующим звеном между героем – автором – читателем. Память репрезентирует сложное явление апперцепции, при котором восприятие прошлой действительности, сохранённой в памяти, трансформируется, дополняя обновлённое восприятие различными индивидуально-чувственными номинациями. Отражение апперцептивных установок эксплицируется в прозаическом тексте, где «действительность воспроизводится не столько изображением объективных явлений, сколько изображением субъективных переживаний, вызванных какими-либо явлениями жизни» [8, с. 83].

Таким образом, память в прозаическом тексте обнаруживает две ступени апперцепции: 1) воспринимается сознанием и дополняется совокупностью чувственных воспоминаний-ассоциаций; 2) порождает апперцептивную номинацию на основе уже имеющегося знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: «Прогресс», «Универс», 1989. 615 с.

2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста Ч. I. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 272 с.

3. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.

4. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Изд-во: Акад. проспект, 2000. 432 с.

5. Кант И. Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 6. М.: Мысль, 1996: 486 с.

6. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 535 с.

7. Озерова Е.Г. Когнитивное пространство апперцептивной номинации в поэтической прозе // Вестник Московского государственного областного университета. М., 2009. № 4. С. 24-29.

8. Озерова Е.Г. Русский лирикопрозаический текст: дискурсивно-когнитивный

аспект: монография. Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2012. 276 с.

9. Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Издательство «Лабиринт», 1999. 300 с.

10. Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

11. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

REFERENCES

1. Bart R. Selected Works: Semiotics, poetics. М.: «Progress», «Univers», 1989. 615 p.

2. Bolotnova N.S. Philological analysis of the text V. I. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2005. 272 p.

3. Great Soviet Encyclopedia: 30 v. / edited by A.M. Prohorov. 3rd edition. М.: Sovetskaja jenciklopedija, 1969-1978.

4. Derrida, Zh. Writing and difference. SPb.: Izd-vo: Akad. prospekt, 2000. 432 p.

5. Kant I. Collected edition: V 6 tt. T. 6. М.: Mysl', 1996: 486 p.

6. Levi-Stros K. Structural Anthropology. М.: Nauka, 1983. 535 p.

7. Ozerova E.G. Cognitive space of apperception nomination in poetic prose // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. М., 2009. № 4. Pp. 24-29.

8. Ozerova E.G. Russian lirico-prosaic text: discursive-cognitive aspect: Monograph. Belgorod: Izd-vo NIU «BelGU», 2012. 276 p.

9. Potebnja A.A. Complete Works: Thought and Language. М.: Izdatel'stvo «Labirint», 1999. 300 p.

10. Rikjor P. Memory, history, oblivion / Transl. from fr. М.: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 2004. 728 p.

11. Fuko M. The Archaeology of Knowledge. Kiev: Nika-Centr, 1996. 208 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ:

Озерова Елена Григорьевна

профессор кафедры русского языка и методики преподавания, доктор филологических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015
Россия

Попиль Наталья Васильевна

аспирант кафедры русского языка и методики преподавания

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015
Россия
E-mail: info@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS:

Ozerova Elena Grigorievna

Doctor of Philology, Associate Professor
Department of Russian Language and Teaching
Methodology

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015
Russia

Popil Natalia Vasilievna

Postgraduate Student
Department of Russian Language and Teaching
Methodology

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015
Russia
E-mail: info@bsu.edu.ru

УДК 81'42

Besedina I.G.

The cognitive low-dynamic script in the novel of E.R. Burroughs “A princess of mars”

АБСТРАКТ

In the article, the script is considered as a low-dynamic cognitive structure. It brings to light the specifics of the studied low-dynamic cognitive structure. The author carried out the cognitive-hermeneutic analysis of a nominative field of the linear script, which was represented in an architectonics of the concept sphere in the work by E.R. Burroughs «A Princess of Mars» and revealed the specifics of studied the low-dynamic structure. The article discusses the definitions of the linear and nonlinear cognitive script in architectonics of concept sphere of fiction. The author analyzes the terminals of nominative field in the cognitive script. In the research, the method of cognitive-hermeneutic analysis of nominees of the cognitive linear script was applied. The nominative field of the cognitive script was investigated. By consideration of a nominative field of the script, such aspects of the dynamic structure as proxemes, chronemes and landscape units were revealed. It was revealed that the cognitive script realized in the fiction text has the nominative field representing a set of nominees of various format.

Key words: script; cognitive structure; proxeme; cognitive-hermeneutic analysis; chroneme; linear script; nonlinear script.

Introduction

One of the most challenging directions in modern cognitive linguistics is a research of speech representations of a concept. The art text is one of basic formats of speech representation of a concept. Now there are various definitions of concepts. In the works of N.F. Alefirenko the concept is regarded as a “specially structured content of the act of consciousness, embodied in the form of a meaningful way of a cognitive object” [2, c. 7]. V. I. Karasik defines a concept as “the mental formation created on the basis of a conceptual and valuable signs both containing figurative and behavioural components” [7, c.6]. Z. D. Popova and A. A. Sternin define a concept as “discrete mental formation, proceeding from a basic unit of a cogitative code of the person, the possessing rather ordered internal structure, representing result of cognitive (cognitive) activity of the personality and society and bearing

complex, encyclopedic information on a reflected subject or the phenomenon, on interpretation of this information by public consciousness and the relation of public consciousness to this phenomenon or a subject” [14, c.34].

Method

The cognitive-hermeneutic analysis of fiction concept-sphere segments is used to discover parameters of literary architectonics. The novel E.R. Burroughs «A Princess of Mars» was researched to identify the specificity of cognitive script.

Main part

The linguo-cognitive researches conducted in the last 30 years revealed various types of concepts. In this fictionicle we will consider a fiction concept which is understood “as a component concept sphere of the fiction text of the author, including those mental signs and the phenomena which are kept by historical memory of the peo-

ple and are in consciousness of the author cognitive pragmatically significant for plot development. It creates a cognitive aura of work [11, p. 8] therefore among variety of modern approaches to research of the fiction text is considered in a look concept sphere as "two-level cognitive discursive construct, which representing set of fiction concepts which are realized by mainly such cognitive structures as a mega-frame, the script, the scene, forming cognitive aura"[11, с.5].

The text is understood, after N. F. Alefirenko, as "the complete communicative formation, which components are united in the uniform hierarchically organized semantic structure by communicative intension of his author" [1, p. 303]. I.R. Galperin gave the following definition to the concept "text": "this work of speech created process possessing completeness, objectify in the form of the written document, the work consisting of the name (heading) and a number of special units (superphrase unities), the united different types lexical, grammatical, logical, stylistic link, having a certain focus and pragmatical installation" [5, page 18-19]. Yu. M. Lotman considered the fiction text, as a certain model of the world, as some message in the fiction language, possessing property to turn into modeling systems [see in more detail: 9, p. 129-132] whereas A.R. Luriya claimed that "for the fiction text the conflict between clear text and inner meaning as sometimes behind the external events designated in the text, the inner meaning which is created not so much by events disappears, the facts, how many those motives which stand behind these events is especially characteristic, motives which induced the author to address to these events. And as motives are guessed rather, than «read» in the text, they can be different for various readers, because and the reader has its own view of things. And it not necessarily coincides with author's treatment. And therefore the probability of emergence of one certain sense (for the author and the reader) is lowest. To understand such text, the active analysis, checking of elements of the text with each other is required. So, there is little direct relevance to understand the message in the text, it is necessary transition from the text to the isolation of what is the inner meaning of the message "[10, p.230].

In modern linguistics, there is no single definition of what exactly is "an fiction text." The fiction text can be submitted, as the structure arranged in a special way which possesses ability to express in itself individual ideas of the author of world around. According to E.S. Kubryakova, "the reduction of the entire set of text in a single system is as difficult as finding for all this set of necessary and sufficient set of features that would be required for the recognition of the text forms a category of classical, Aristotelian type" [more info 8, p.72- 81]. Thus, research of the fiction text with application of various methods and the approaches caused by various understanding of this phenomenon, predetermines interpretive variety of text research models. One of which is based on the perception of the fiction text in a format of concept sphere as "consideration of an fiction text as a concept sphere allows revealing the underlying cognitive communication contour plot works <...>. Concept sphere of the fiction text includes unity of fiction concepts which are represented by such cognitive structures as a frame, a scene, the script [11].

The cognitive script is the dynamic cognitive structure realized by writers in fiction texts, embodied by participants of communication or individual members of society in event reality or virtuality. According to C. A. Jabotinsky "script is a representation of a data structure that controls the process of thinking and allows you to connect to a whole conceptual blocks are perceived in an objective reality" [6, p.25]. In her opinion, the script is the same frame, in which the elements are scanned, "runs" mind's eye in a certain sequence. According to Schenk and Abelson "the script or, in a different way, a script frame contains the standard sequence of events caused by a certain recurrent situation <...>. Scripts will organize behavior and its interpretation. Scripts characterized by "situational attachment and conventionality <...>. Scripts often describe the sequence of scenes, events or actions that are wholly or pfictionly ritualized nature, for example, secular, religious and military ceremonies [14, p. 210- 213].

In cognitive linguistics the script is understood as the cognitive structure which having dynamic character. Unlike a frame which is stat-

ic structure for formation of knowledge of the typified situation, the script represents "conceptual structure for procedural representation of knowledge of a stereotypic situation or stereotypic behavior" [3, p. 18]. Scripts treat as dynamically presented frame, as certain sequence of stages developed in time, episodes [4, page 37].

The cognitive script realized in the fiction text, has the nominative field representing set of nominees of various format.

The nominative field of the script as show results of the conducted researches includes proxeme. The proxeme is understood "as language unit, verbalize a component of the physical space represented in the fiction text" [12]. The fiction space is one of the most important forms of realities which serve for creation of subject and semantic structure of the fiction text. In turn the fiction text is one of the most perfect verbal and speech forms of systematization of ideas of the person of the world surrounding it. The main complexity of interpretation of fiction space consists in a polysemy of the term "space", and in extensiveness of categories of space.

Cognitive science, studying the principles, ways and means of receiving, processing, transfer and storage of information on world around in consciousness of the person, from innovative positions represents the mechanism and process of creation of an fictionistic image that allows to interpret means of representation of fiction space in a new way.

Cognitive scripts can be linear and non-linear. The linear script in our understanding is the dynamic cognitive structure consisting of consistently described actions leading to change of location of the main character or other characters in fiction space. In a format of the linear script the sequence of events also is represented. Under the non-linear cognitive script we understand the dynamic format, which includes the representation of a multi-pronged change in the location of the protagonist and other characters in the feature space.

In fictionicle it is interesting to consider a nominative field of the linear script represented in a concept sphere in work of E. R. Burroughs "A Princess of Mars". We will designate condi-

tionally a sign (T-) studied terminals. The Roman figures indicate serial number of the terminal in a nominative field of the script.

(T-I) *We had gone perhaps ten miles when the ground began to rise very rapidly* (T-II) *We were, as I was later to learn, nearing the edge of one of Mars' long-dead seas, in the bottom of which my encounter with the Mfictionians had taken place.* (T-III) *In a short time we gained the foot of the mountains.* (T-IV) *after traversing a narrow gorge came to an open valley at the far extremity of which was a low table land* (T-V) *upon which I beheld an enormous city.* (T-VI) *Toward this we galloped, entering it by what appeared to be a ruined roadway leading out from the city but only to the edge of the table land, where it ended abruptly in a flight of broad steps.*

The considered linear script consists of 6 terminals of a nominative field. Conducted cognitive-hermeneutic analysis of the material revealed the following aspects of the study dynamic cognitive structure.

Terminal I «*We had gone perhaps ten miles when the ground began to rise very rapidly*» is a combination of a verb in the form of Past Perfect «*We had gone*», which represents result of action, and proxeme of "ten miles" which semantics specifies a distance on which heroes of work in fiction space were displaced. Also this terminal comprises landscape unit of "*the ground began to rise very rapidly*" in which structure dynamic components are revealed: lexeme of «*to rise*» and phrase «*very rapidly*».

Terminal II «*We were, as I was later to learn, nearing the edge of one of Mars' long-dead seas, in the bottom of which my encounter with the Mfictionians had taken place*» is multicomponent. The structure of this terminal consists of the following components: a) three proxemes: (1) «*nearing*», (2) «*the edge of one of Mars' long-dead seas*», (3) *in the bottom*; b) verbal design (*my encounter with the Mfictionians had taken place*); c) chroneme «*later*». The terminal represents a local point in space, which is a location of characters in fiction space. The attention of the reader is drawn by landscape unit «*the edge of one of Mars' long-dead seas, in the bottom (of which...)*», which semantic structure represents a horizontally vertical spa-

tial axis, that is an fiction space across – a lexeme «*long*», fiction space vertically - a phrase «*in the bottom*».

Terminal III «*In a short time we gained the foot of the mountains*» represented by chroneme «*in a short time*», by verb «*gained*» in form Past Simple and by proxeme *the foot of the mountains*», which structure includes landscape unit «*the mountains*». Under chroneme we understand “language unit, verbalized temporal marker in the narrative text outline, representing time as a component of non-verbal communication code” [7]. Existence chroneme “*in a short time*” in structure of the terminal represents change of location in fiction space, however level of dynamics of this spatial movement isn’t so obvious since or characters moved very quickly and passed distance for a short period is a high level of dynamics, or two points were in space absolutely nearby that doesn’t exclude as low, average, and high dynamics of movement.

Terminal IV «*after traversing a narrow gorge came to an open valley at the far extremity of which was a low table land*» is presented by the following components: a) chroneme «*after*», b) four proxemes: «*traversing (a narrow gorge)*», «*open valley*», «*at the far extremity*», «*low table land*», c) the verb in form Past Simple «*came*». It is remarkable that two proxemes from four is landscape units: «*open valley*», «*low table land*», and structure of the third proxeme “*traversing (a narrow gorge)*” includes landscape unit of “*narrow gorge*”. Moreover, the structure of two landscape units of “*a narrow gorge*”, “*open valley*” includes the antonymous adjectives which use characterizes dynamics of change of a format of fiction space from limited “*narrow*”, to spacious “*open*”.

Terminal V «*(a low table land) upon which I beheld an enormous city*» consists of the following components: a) two proxemes of “*upon which*”, “*an enormous city*”, the last represents also landscape unit; b) verb in Past simple “*beheld*”.

Terminal VI «*toward this we galloped, entering it by what appeared to be a ruined roadway leading out from the city but only to the edge of the table land, where it ended abrupt-*

ly in a flight of broad steps» is represented by the following components: a) four proxemes: «*toward this*», «*entering it*», «*(roadway) leading out from (the city)*», «*the edge of the table land*»; b) two verb in Past Simple «*galloped*», «*ended*» from which only “*gallop*” is a terminal making verb because it represents the next action in structure of the cognitive script, whereas the verb “*ended*” is included in the description of landscape unit “*the edge of the table land, where it ended abruptly in a flight of broad steps*”. We will emphasize that fact that semantics of a verb of “*gallop*” represents high degree of dynamics of movement of characters in fiction space.

Conclusion

Research of the fiction text in a concept sphere as sets of fiction concepts provides extensive data on the static and dynamic cognitive structures represented in considered construct. Dynamic structures, differing on a format of nominative fields, represent various degrees of dynamics of realization of events and actions, from low to the high. Conducted cognitive-hermeneutic analysis of nominative field of linear cognitive script, represented in the architectonics concept sphere novel E.R. Burroughs «*A Princess of Mars*», revealed the following specifics of this dynamic structure, which consists of six terminals. It was established that in this six-terminal linear scenario only in two terminals, the first and the sixth, verbs represent dynamics, namely, in the first terminal through verbal temporal shape Past Perfect - «*We had gone*» in conjunction with proxeme «*ten miles*», whereas in the sixth terminal semantics of the verb of “*gallop*” represents the highest degree of dynamics. From 15 proxemes only 3 represent dynamics: “*ten miles*” “*traversing (narrow gorge)*” “*entering it*”. 3 chronemes, 7 landscape units and 1 landscape unit represent low level of dynamics. Thus, it was revealed that this linear cognitive script is low-dynamic by means of a combination of low-dynamic verbs, proxemes, chronemes, and also by means of low-dynamic semantics landscape units.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. Conceptual problems of semantics. Monograph. M.: Gnozis, 2005.
2. Alefirenko N. F. Language, knowledge, culture: cognitive-semiological sinergetika words: Monograph. Volgograd: Change, 2006. 228 p.
3. Baranov A. N. Introduction to Applied Linguistics. M.: Editorial of URSS, 2001. 360 p.
4. Boldyrev N. N. Cognitive semantics. Tambov: izd-vo TGY im. G. R. Derzhavin, 2001. 123 p.
5. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research. M.: Nauka, 1981. 128 p.
6. Zhabotinskaya S. A. Conceptual model of part of speech systems: Frame and script // Cognitive aspects of language categorization: collection of scientific papers. Ryazan, 2000. Pp. 15-21.
7. Karasik V. I. Linguistic Circle: Personality, concept, discourse. M.: Gnozis, 2004. 390 p.
8. Kubryakova E.S. About text and criteria for its determination // Text. The structure and semantics. V. 1. M.: Nayka, 2001. Pp. 72-81.
9. Lotman Yu.M. Featured Articles. V. 1. Tallinn: Aleksandra, 1992. Pp. 129-132.
10. Luriya A.R. Language and consciousness. M.: Nayka, 1998. 394 p.
11. Ogneva E.A. Cognitive modeling of conceptosphere of a literary text. 2nd edition. M.: Editus, 2013. 282 p.
12. Ogneva E.A., Kuzminykh Yu.A. Typology and structuring of cognitive scene of a literary text // Modern problems of science and education. 2012. No. 6. URL: <http://www.science-formation.ru/106-7379> (accessed: July 22, 2014).
13. Popova, Z. D., Sternin, I. A. The notion of "concept" in linguistic studies // Z.D.Popova, I. A. Sternin. Voronezh: VGU, 1999. 48 p.
14. Schank, R.C. Scripts, Plans, Coals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures // R.C. Schank, R.P. Abelson. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Ass., 1977.
15. Burroughs Edgar R. A Princess of Mars. M.: ACT Москва, 2009. 216 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ:

Беседина Ирина Геннадьевна
аспирант

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015
Россия
E-mail: Chernikova_i@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Besedina Irina Gennadievna
Postgraduate Student

Belgorod State National Research University
85 Pobeda St., Belgorod, 308015
Russia
E-mail: Chernikova_i@bsu.edu.ru

РАЗДЕЛ III. ЭТНОЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 811.432

Багана Жером

Особенности функционирования вопросительных слов в языке киконго

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются особенности одного из языков группы банту – киконго, дается описание функционирования вопросительных слов в киконго в морфологическом и синтагматическом аспектах, приводятся примеры особенностей языка киконго в речи, которые обращают внимания на соотношенность вопросительных слов с классом замещаемых их слов и на другие их функции.

Ключевые слова: киконго; вопросительные слова; банту; Африка.

Vasilenko A. P.

The characteristics of functioning of interrogative words in the kikongo language

АБСТРАКТ

The article discusses the features of one of the Bantu languages – Kikongo, describes the functioning of the interrogative words in Kikongo in the morphological and syntagmatic aspects, provides the examples of language features in the Kikongo speech, which pay attention to the correlation of the interrogative words with the class of the replaced words and to their other functions.

Key words: Kikongo; interrogative words; Bantu; Africa.

Многие гуманитарные науки, опираясь на лингвистику, высказывают гипотезы, касающиеся феномена миграции племен банту; миссионеры и путешественники занялись этим вопросом во второй половине прошлого века; но «искренние и ценные сведения ... собранные путешественниками и миссионерами, пытливыми и образованными, но не имеющими лингвистического образования», не могут быть использованы ни при анализе, ни для сравнения.

Однако следует признать, что по мнению ряда лингвистов [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8] киконго – один из наиболее привлекающих интерес языков в семье банту; разрозненные исследования не отвечают, представляется возможным об этом говорить, тому, чего бы мог от них ожидать пытливый исследователь. Если не считать несколько редких грамматик, на сегодняшний день сильно устаревших, но не получивших замены, основная масса литературы по бантуистике продолжает оставаться единственным

источником, способным пополнять сведения об интересующем нас языке.

Не углубляясь в вопрос появления и распространения языка киконго на территории Африки, который не входит в круг проблем данной статьи, мы отмечаем, что на современном этапе киконго распространен на территории следующих стран: Республика Конго, ДРК, Ангола [1, с. 83].

Задачей настоящего исследования является описание некоторых особенностей вопросительного предложения языка киконго.

Вопросительные слова: их функция состоит в том, чтобы замещать именные синтагмы, способствуя таким образом фразовому распространению, или предварять именную синтагму в построении фразы. Это способствует более релевантному различению, чем интонационные особенности.

А) Морфологические аспекты

nɪŋɡu zɪkwɔ – «сколько перцев?»; *nzu zɪ?* – «какой дом?»; *ba tʃumbi*; *bakwɔ?* – «сколько альбиносов?»; *bintɔ bikwɔ?* – «сколько ананасов?»; *bintɔ biɪ?* – «какие ананасы?»; *bantu bi?* – «какие люди?», но также: *zɪkwɔ ze: ɡu:?* – «сколько их?»; *biɪ bia bwa:kɔ* – «какие (ананасы) спелые?». Сегменты: *zɪkwɔ (kwa)* – «сколько?»; *zɪ* – «какой (ая)?»; *bakwɔ* – «сколько»; *bikwɔ* – «сколько»; *biɪ* – «какие?» (явления, вещи, животные); *bi?* – «какие?» (людям) являются вопросительными. Из приведенных примеров можно сделать вывод, что они, как и другие классы субститутов (замещающих слов), являются составляющими или синтагмы, или фразы.

В одном и другом случае, класс вопросительных слов остается гомогенным, разнообразие приведенных выше форм обязано, по крайней мере, в данном случае, разнообразию номинальных форм. Формы, проанализированы следующим образом:

- для *-kwa* (цифры соответствуют классу): 2 *ba-*; 3 *mi-*; 5 *ta-*; 6 *bi-* + *kwa*; 9 *zi-* [ш]; 11 *tu-*; 12 *bu-*. В итоге, насчитывается семь форм;

- для *-e*: 1 *w-*; 2 *b-*; 3 *tu-*; 4 *dy-*; 5 *m-*; 6 *ku*; 7 *bu*; 8 *y-* + *e*; 9 *z-*; 10 *lw-*; 11 *tw-*; 12 *bw-*; 13 *kw-*; 14 *fy-*; 15 *g-*; 16 *mw-* шестнадцать форм на *-e*, соответствующих именованным классам.

Таким образом, наблюдается явная диспропорция между формами на *kwa* и формами на *-e*. Соотношение семь к шестнадцати.

Это происходит потому, что формы на *-kwa*, в классах, к которым они относятся (см. таблицу выше), используются только с существительными во множественном числе: внутри соответствующих классов данной детерминации (на *-kwa*) могут быть подвергнуты только существительные во множественном числе; так в классе *5 ta-*:

Maɪakɔ takwɔ? – «сколько маниоков?»

Но не:

Mambɔ takwɔ? – «сколько воды?»

-kwa указывает на количество и на исчисляемость.

Формы на *-e* относятся ко всем классам (отсюда шестнадцать форм); эти формы указывают на «точную локализацию», то есть месторасположение.

Bintɔ biɪ? – «какие ананасы?»; *Bantu bi?* – «какие люди?»

Эта диспропорция имеет другое значение и ведет к пополнению ансамбля вопросительных слов.

В пример можно привести следующие: *Mbiɪn ub kwa sɔ:mbidi?* – «за сколько (почем) мяса ты купил?» (досл. «мясо за сколько?»); *M'leli wa kwa sɔ:mbidi?* – «за сколько ты купил ткань?» (досл. «ткань за сколько?»); *Dimpa diɔ kwa sɔ:mbidi?* – «за сколько ты купил хлеб?» (досл. «хлеб за сколько?»); *Minda tiɔ kwa sɔ:mbidi?* – «за сколько ты купил лампы?» (досл. «лампы за сколько?»)

Эти примеры указывают на наличие дополнительной черты *kwa*, умение выступать как настоящая именная форма (местоимение, существительное), образующее синтагму вместе с личным указательным местоимением; в функции дополнительной синтагмы, *kwa* лишено признаков класса и ведет себя как настоящее вопросительное слово 4 класса *di-*: *Kwɔ die na:kɔ?* – «сколько у тебя есть?»; *Kwɔ disi: dn?* – «сколько остается?»; *Kwɔ diɔ?* – «сколько ты ешь?».

Обе формы, согласованные в классе, сосуществуют; результатом этого является двойной функциональный статус *kwa*.

1. оно определяет местоимение множественного числа, то есть составляющее синтагмы, в виде семи соответствующих исчисляемых форм; здесь двойной статус может также сравниваться со статусом указательных местоимений;

kwa:

– или составляющая фразы:

Va:lɔ bakwɔ bi:zidn? – «сколько детей пришли?» предполагает сегмент-ответ.

– или именная синтагма с возможностью четко управлять глаголом или определенным лицом:

bakwɔ ba babotɔ bi:zidn? – «сколько хороших (хороших людей) пришли?»

Оно может управляться позиционно, предшествуя глаголу:

Vikwɔ kadn:di? – «сколько он их (ананасов) съел?»; оно заменяется местоимением и предшествует сегменту-ответу.

2. *kwa*, как уже было сказано, вопросительное слово 4 класса *di*-.

В связи с этим, оно относится к ансамблю вопросительных местоимений.

– специфические:

одушевленность: *nb:?* /*nbni?* //*bbnb?* /*bbnbn?* (единственное/множественное) – «кто?»

неодушевленность: *nki* [*nyi*]? – «что, какая вещь?»

– общие:

nkiɔ [*nyu*]?; *Muntɔ wusi:dn* – «человек остался»; *Nb:?* или *nbni si:dn?* – «кто остался?» (единственное число); *Bbnb:* или *bbnbn basi:dn?* – «кто остался?» (множественное число), но *Nkn bisi:dn?* – «какая вещь осталась?».

Nki употребляется с существительными, означающими неодушевленные объекты;

Nkiɔ – общее и нейтрализует оппозицию одушевленный/неодушевленный;

Nkiɔ tuntɔ wusi:dn? – «какой человек остался?»; *Nkiɔ mbwa yisi:dn?* – «какая собака осталась?»; *Nkiɔ m'ti wusi:dn?* – «какое дерево осталось?»

Сегменты категории «одушевленных» относятся к классу 1 *tu*- (для единственного числа) и 2 *ba*- (для множественного числа); *nkn* относится к классу 7 *bi*; что касается *nki*, оно само по себе лишено класса; это местоимение, формирующее синтагму и управляющее собственным согласованием.

Табл.1

Прямой вопрос			
Специфическое		Общее	
Одушевленное	Неодушевленное	_____	
<i>Nb:</i> или <i>nbni</i> (<i>Bbnb:</i> или <i>bbnbn</i>)	<i>Nkn</i>	<i>Nkiɔ</i>	- <i>kwb</i> (количество) - <i>ɔ</i> (единство и локализация)

В) синтагматические аспекты

Предшествующие замещаются именной синтагмой (ответом):

Nkenko wn:zidi – «Нкенко пришел»; *Nb:wizidn?* – «кто пришел?» (единственное число); *Nbni:?* – «кто пришел?» (единственное число); *Vanb:bizidn?* – «кто пришел?» (множественное число); *ɔbbnbn?* – «кто пришел?» (множественное число).

Категория одушевленный/неодушевленный позволяет классифицировать отдельно *nkn* [*nyi*], которое употребляется только как замена неодушевленного существительного в следующих случаях: *Nb:/nbni:*; *Nunɔ zi:le* – «птицы улетели».

Вопрос: *Nkn bn:bie:li?* Ответ: *nbni*

Вопрос: «кто (букв. что) улетело?»

Ответ: «птицы».

Так или иначе, обе фразы одинаково указывают на характеристики имени.

Субституты одушевленных и неодушевленных имен могут и предварять глагол:

Nkn kadn:di? – «что он съел?»; *Nb:twn:di?* – «кого ты побил?»; *Vanb:kawɔ:ni?* – «кого (каких людей) ты встретил?».

Ф. Лумуаму уточняет, что необходимо различать *ba nb:?* «от кого?», *vanb:* «кто?» и *bb:na* «именно те, которые»; первое – замещающая синтагма дополнительного типа, второе – множественное число вопросительного слова *na*, третье – указательное местоимение класса 2 *ba*- [7, с. 148].

Имея статус имени, вопросительные элементы могут появляться, в синтагматическом плане, как составляющие маркированных местоименных синтагм: *Kwiɔ nani?* – «к

кому?»; *Mъ nki lwɔ:zidɔ* – «как вы приехали (посредством чего)».

Вопросительные слова сами по себе синтагмы и содержат глагол во фразе: *Nб: we:lɔ*? – «кто уехал?» (единственное число); *Nkn bisi:di* – «что остается?»

Но они также служат как показатели распространения вербальной или именной синтагмы с предполагаемой морфемой *ka*: *nze:bn ka nб: we wa m'botɔ* – «я знаю, кто хороший?»; *ka nkn bifwa:napi* – «я знаю, что подходит?».

Во фразах такого типа может появляться перед вопросительным словом элемент *ka* или элемент-аналог, сохраняющий аспект гипотетического «повествовательного» вопроса. Различие между схемами интонации (повествовательное/вопросительное) способствует использованию элементов следующего типа:

Yu:lб ka ni yandɔ – «спроси, он ли это»

Nga

Talб

Keti

Парадигма *ka-keti* содержит предположительные элементы (непрямой вопрос), передаваемый в данном контексте при помощи французского *si*.

Talб, второе лицо единственного числа повелительного наклонения от *(ku)talб* – «видеть» представляет собой устойчивое выражение;

Nga, которое имеет как вариант *ngbna* или *ngbny*, так называемая частица «непрямого вопроса», как *ka* и *keti*; *keti* и *talб* вводят альтернативу.

Так, разделение форм может производиться по принципу одушевленность/неодушевленность (см. ранее).

Оппозиция одушевленный/неодушевленный нейтрализуется при помощи *nkiб*, которое представляет дополнительное местоимение, поскольку оно всегда следует вместе с именем существительным, вводимым ассоциативной морфемой *-a*: *Nkiб tuntъ wi:zidɔ gb: gata gb:?* – «какой (вид) человек пришел в эту деревню?»; *Nkiб mbwa yi:zidɔ...?* – «какая (вид) собака?»; *Nkiб m'ti tuzɔngб?* – «какое дерево мы будем рубить?»; *Nkiб тбге tuzɔngб?* – «какие травы мы будем косить?».

Элементы прямого вопроса совместимы с предположительными элементами.

Ka na

Ka nki

Ka nkiа+ имя существительное

Nga na

Nga nki:

Nga nkiа+ имя существительное

Примеры: *Tб ka nб: wi: zidɔ* – «скажи, кто пришел»; *Tб nga nkn bibwi:dɔ* – «скажи, что упало».

Необходимо добавить, что *nga* и *ka* могут образовывать непрямую вопросительную синтагму с вопросительным словом любого класса, ставя его в определенный контекст:

Tб ka wɔ – «скажи, какой...» (ответ содержит местоимения 1 класса *tu-*).

Tб ka bɔ – «скажи, какие» (местоимения 2 класса *ba-*).

Tб ka zɔ – «скажи, какие...» (местоимения 9 класса *n-*).

Они так же совместимы с формами на *-kwa*:

Tб ka zikwб zisi:dɔ – «скажи, сколько остается» (ответ предполагает местоимения 9 класса *n-*).

Tб ka kwб disi:dɔ – «скажи, сколько остается...» (денег, например).

Показатель непрямого вопроса (или предположения) может сопровождаться вопросительным словом, образующим синтагму с указательным местоимением:

Tб ka kia nб: – «скажи, чья это вещь» (кому принадлежит эта вещь).

Tб ka bia nkn – «скажи, для чего служат эти вещи (эта вещь)».

Вопросительные слова могут сопровождать некоторый показатель: *Kwɔ nб:?* – «к кому?» (единственное число); *Kwɔ бbnapi?* – «к кому?» (множественное число); *Mъ nkn?* – «почему?».

Между вопросительными словами классов: *Wɔ* служит для выражения вопроса «как, каким образом»; *Kwɔ* переводится «где?»; *Mwɔ* – «в чем?»; *Gɔ* – «на чем?».

В действительности, эти «значения» зависят от семантизма (семантики) сопровождающего глагола. Они соотносятся с разными классами, которые их порождают.

Вопросительные слова как не несут признаков синтагмы, которой предшествуют, например, признаков класса; признаки несут только вопросительные прилагательные: *Bbnб be ky:?* – «кто там?» (множественное число); *Nkn bie ky:?* – «кто есть?», но *(zi)kwб ze: ky?* – «сколько есть?» (ответ: 9 класс); *bikwб bie ky:?* – «сколько есть» (ответ: 7 класса); *Vakwб be ky:?* – «сколько есть» (ответ: 2 класса).

Эта разница происходит из того, что вопросительные местоимения принадлежат определенным классам, тогда как вопросительные прилагательные не относятся к какому-либо определенному классу: они подчиняются согласованию.

Другое отличие «неодушевленного» от «одушевленного» происходит из того, что *пкн* может быть субститутотом глагольной синтагмы:

Вопрос: *пкн bash:di?* – «что они сделали?»

Ответ: *badn:di* – «они поели».

Здесь *пкн* заменяют следующими вопросительными словами.

Вопрос: *bwï bash:di* – «что они сделали?»

Ответ: *badn:di* – «они поели».

Вопрос: *bwï batï:le* – «что они сказали?»

Ответ: *yendeny kwï:no* – «уходите».

С этой стороны, также отмечается единство предшествующих вопросительных элементов.

Единство ансамбля вопросительных слов обеспечивается функцией демаркации, потому что каждая форма вводит именную синтагму или фразу, где она фигурирует как морфосинтаксическая составляющая. Эта функция опирается на функцию субституции, которая является вторичной по отношению к демаркации.

Благодаря этой функции субституции вопросительные элементы состоят в группе так называемым субститутотом.

Как видно из проведенного анализа, вопросительное предложение в языке киконго имеет свои особенности. Вопросительные слова соотносятся с классом замещаемого ими слова, а также определяются некоторыми другими показателями, такими как одушевленность/неодушевленность, единственное/множественное число.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багана Ж. Французский язык в Африке: проблемы интерференции / отв. ред. В.А. Виноградов; Ин-т языкознания РАН. М.: Наука, 2006. 163 с.
2. Bentley H.W. Dictionary and grammar of the Kongo Language as spoken at San Salvador. Londres, 1887.
3. De Clercq L. Grammaire du Kiyome. Bruxelles, 1921.
4. Greenberg J. Languages of Africa. Paris, 1963.
5. Houis M. Aperçu sur les structures grammaticales des langues nïgro-africaines. Lyon, 1967.
6. Laman K.E. Dictionnaire Kikokb-go-Français. Bruxelles, 1936, 2 vol.
7. Lumwamu F. Essai de morphosyntaxe systématique des parlers kongo. Paris, 1973.
8. Marichelle Chr. Dictionnaire Français-Vili. Loango, 1912.

REFERENCES

1. Baghana J. The French Language in Africa: Problems of Interference. Linguistics Institution of Russian Science Academy. Moscow: Nauka, 2006. 163 p.
2. Bentley H.W. Dictionary and Grammar of the Kongo Language as Spoken at San Salvador. Londres, 1887.
3. De Clercq L. Grammaire du Kiyome. Bruxelles, 1921.
4. Greenberg J. Languages of Africa. Paris, 1963.
5. Houis M. Aperçu sur les Structures Grammaticales des Langues Nïgro-africaines. Lyon, 1967.
6. Laman K.E. Dictionnaire Kikokb-go-Français. Bruxelles, 1936, 2 vol.
7. Lumwamu F. Essai de morphosyntaxe systématique des parlers kongo. Paris, 1973.
8. Marichelle Chr. Dictionnaire Français-Vili. Loango, 1912.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ:

Багана Жером

профессор кафедры немецкого и французского языков НИУ БелГУ, доктор филологических наук

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: Baghana@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Baghana Jerome

Doctor of Philology, Professor
Belgorod State National Research University
85 Pobedy Street, Belgorod, 308015
Russia

E-mail: Baghana@yandex.ru

УДК 811

Гренарова Ренее

Простые устойчивые сравнения с названиями предметов из неживой природы и с союзом как-яко в чешском и русском языках

АННОТАЦИЯ

В статье проведено исследование сопоставления простых устойчивых чешских и русских сравнений с компонентами имя прилагательное / глагол – союз как-яко – имя существительное. Номинация реализуется не прямо, а косвенно и опосредствованно, на основе общего признака сходства человека, явления, стихии, элемента или вещи с заранее определенным образцом, при этом на левой стороне простого устойчивого сравнения с союзом как-яко от компаратора стоит имя прилагательное или глагол и в роли имени существительного на правой стороне название предмета из мира неживой природы. Сначала представлена теоретическая платформа исследования, последовательно произведен сравнительно-сопоставительный анализ простого устойчивого сравнения с союзом как-яко в чешском и русском языках. Внимание при сопоставлении уделяется сходствам и различиям в происхождении, мотивации, семантике и возможностям перевода некоторых сравнений. В заключении к исследовательскому расследованию простых устойчивых сравнений с союзом как-яко в чешском и русском языках подведены частичные итоги.

Ключевые слова: сравнительный анализ; чешский язык; русский язык; исследовательское расследование; простое устойчивое сравнение; союз как-яко; названия предметов неживой природы.

Grenarová R.

Simple fixed comparisons with the names of objects of inanimate nature and with the conjunction как-яко in czech and russian languages

АБСТРАКТ

The paper covers an analysis of simple fixed Russian and Czech comparisons with the following components: an adjective/ verb – a conjunction как-яко – a noun. The naming is implemented not directly, but in an indirect manner, on the basis of a common feature to designate similarity between a human being, phenomenon, nature, element, or thing, with a previously designated model. In this situation, an adjective or verb take a position at the left of a simple fixed comparison with the conjunction как-яко, and the name of an object of inanimate nature in the form of a noun take a position at the right. In the beginning, the author presents the theoretical basis of the study followed by a comparative analysis of the simple fixed comparison with a conjunction как-яко in Czech and Russian languages. A particular emphasis is given to similarities and differences of the origin, motivation, semantics and possible translations of these comparative phrases. In the end, the author draws some conclusions from the study of simple fixed comparisons with the conjunction как-яко in Czech and Russian languages.

Key words: contrastive analysis; Czech language; Russian language; research; simple fixed comparison; conjunction как-яко; names of objects of inanimate nature.

Особенности выявления общих и специфических признаков соотносительных фразем двух любых близкородственных языков тесно связаны с общностью и специфичностью их семантики, семантической мотивации, внешнего и внутреннего контекста. Фраземы (фразеологизмы, фразеологические обороты, фразеологические единицы, фразеологические конструкции) – это устойчивые сочетания, состоящие из двух или больше слов, постоянные по своему значению, составу и структуре, воспроизводимые в речи в качестве целостной лексической единицы [9].

Возникновение фразем относится к далекому прошлому. Они дошли до нас, хотя их мотивация с течением времени стала неясной. Фраземы отличаются устойчивостью и их смысловая и формальная связь настолько тесна, что отдельные слова теряют самостоятельное значение. Их надо понимать как одно неделимое целое.

Уже с IX века издается в русском и чешском языках специальная литература, посвященная вопросам идиоматики и фразеологии. Тогда были изданы, напр. *Česká fraseologie* Я. Шаха [15], *Mudrosloví národu slovanského v příslovích* Ф. Л. Челаковского [8], *Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии* [2] и *Меткие и ходящие слова* М. И. Михельсона [3].

Одним из важных теоретических вопросов оказалось установление единиц фразеологии и идиоматики. Зарождение русской фразеологии как науки связано с именами великих фразеологов академика В. В. Виноградова, профессора Б. А. Ларина, А. И. Молоткова [4]. Уже И. Е. Аничков указывает различие между фразой (фраземой), идиоматизмом, поговоркой и пословицей.

Чешский фразеолог Ф. Чермак использует следующее деление фразеологических и идиоматических оборотов: сравнения, обороты номинальные, синсемантические и глагольные [9].

Я. В. Бечка [7] отмечает три типа фразеологических оборотов (фразем): интенсификационные, глагольные, конкретизационные. Они отличаются содержанием, формой, объемом употребления, эффективностью и другими характеристиками. Устная и письменная речь часто требует усиления или

ослабления значения слов. Этого можно достигнуть употреблением интенсификационных фразем, напр., словного сравнения (белый как мел – *bílý jako křída*, угаснуть как свечка – *zhasnout jako svíčka*, толстый как бочка/колобок – *tlustý jako bečka/koblih/koblížek/buřt* и др.), устойчивого сравнения с именем прилагательным (драная кошка – *ženská hubená jako lunt/tríska*), сравнения с наречием (воронено-черный – *vraně-černý*), сравнения с именем существительным (*je tenká v pase – талия в рюмочку у нее*).

Наше исследовательское расследование направлено на первый тип фразем, компонентами которых являются имя прилагательное / глагол (*adjectivum/verbum*) – союз *как-яко* – имя существительное (*substantivum*) [1]. Таким образом мы называем любые качества или свойства на основе общего признака сходства человека, явления, стихии, элемента или вещи с заранее определенным образцом.

Целью нашего исследования является сравнительно-сопоставительный анализ простых устойчивых сравнений с названием предметов из мира неживой природы на правой стороне сравнения от союза *как-яко* в чешском и русском языках. Мы хотим обратить внимание на мотивацию, возникновение и происхождение некоторых сравнений, на их семантические сходства и различия.

В большом количестве простых устойчивых сравнений на правой стороне встречаются названия предметов из неживой природы, напр.: названия *алабастр, ртуть, мед, сталь – alabastr, rtuť, med, ocel* и др. Название *предметы неживой природы (предметы неорганические или неорганические)* присвоено вообще телам, принадлежащим к минеральному царству или происходящим от минеральных веществ, в противоположность органическим веществам, происходящим из растительного или животного царства. Строгого различия между ними не существует с тех пор, как в химии установлено было опытами Велера, что синтетически можно получить целый ряд органических соединений из неорганических, и когда стало известно, что все органическое в природе произошло синтетически из неорганического.

С. И. Ожегов термин *неорганический* определяет [6, с. 359]: «1. Не включающий в

себя живые организмы, неживой. Неорганическая природа. 2. Относящийся к неживой природе. Неорганические соединения (вещества, не содержащие углерода). Неорганическая химия (раздел химии, изучающий состав, свойства и превращения веществ неживой природы). 3. Механически соединяющий в себе нечто неоднородное, лишенный внутренней целостности, единства». Термин *неорганический* образует синонимичный ряд: анорганический, неживой, неорганичный, нецелостный, эклектический, эклектичный.

В русском языке на правой стороне сравнения стоят названия предметов из мира неживой природы, напр.: *башня, гранит, железно, кирпич, кремь, лед, портянка, саж, скала, смоль, стекло, уголь, фарфор, чернила* и др. В чешском языке встречаются названия как: *dehet, dřevo, eben, kámen, kolomaz, křišťál, louh, poleno, popel, rtuť, saze, skála, směla, uhel, věž* и др.

Компоненты простого устойчивого сравнения [10, с. 217-218] можно выразить следующим образом – comparandum (Cd) – relator (R) – tertium comparationis (Tc) – comparator (C) – comparatum (Ct), напр.: *Женщина была белая как мел. Ten sládek je tlustý jako sud.*, или comparandum (Cd) – relator (R) – comparator (C) – comparatum (Ct), напр.: *Coced исчез как дым. Soused zmizel jako dým.* Некоторые нами рассматриваемые сравнения возникли трансформацией из более полных и общих глагольных структур. Общий признак – прилагательное – относится к существительному, дополняемому контекстом, и к существительному, являющемуся основой конструкции, на правой стороне сравнения. Из выше приведенного вытекает, что образ таких простых устойчивых сравнений – tertium comparationis (Tc) – comparator (C) – comparatum (Ct), напр.: *твердый как камень – tvrdý jako kámen, кислый как уксус – kyselý jako ocet, белый как бумага – bílý jako papír* и др. [5].

Простые устойчивые сравнения с союзом *как-яко* можно рассматривать самостоятельно или в контексте [12]. Тогда мы говорим о «внутреннем» или «внешнем» контексте и с этим связана проблематика синонимных оборотов. Некоторые компоненты сравнения, в нашем случае существительные

на правой стороне сравнения, сочетаются во внутреннем контексте с большим количеством имен прилагательных. Если они называют свойства из одного семантического поля физических, психических или нравственных свойств [13], можем говорить об однородных членах, то значит о членах с одним (общим) значением (напр.: *белый как бумага – bílý jako papír, тонкий как бумага – tenký jako papír*). Многозначные члены вступают в связь с прилагательными из разных семантических рядов (*гладкий как мрамор/зеркало – hladký jako mramor/zrcadlo, круглый как шар/бочонок/колобок – kulatý jako koule/soudek/koblížek, худой как скелет/щепка/палка – hubený jako kostlivec/špejle/tříška/tyčka* и др.).

Если сравнивается типично человеческое свойство [13], напр.: *глупый, глуп – hloupý, пьян – opilý / na mol, трезвый – střizlivý, здоровый, здоров – zdravý, живой – živý, глухой – hluchý* с предметами неживой природы, потом говорим о немотивированных фразеологических компонентах, так как предмет неживой природы не может быть носителем этого свойства. Напр.: *глуп как пень – hloupý jako poleno, пьян как стелька – opilý pod obraz / na mol, трезвый как стеклышко – (úplně) střizlivý, здоров как кремь – zdravý jako pařízek/křemen, живой как ртуть – čilý jako rtuť, глухой как пень – hluchý jako poleno/motyka/dělo/tágo/patník/koryto/boty*.

Иногда появится каламбур, напр. в чешском языке существует простое устойчивое сравнение *namazanej/vožralej jako kára* (*пьян как стелька*). Существительное *kára* [12] является названием для примитивной тележки из дерева. Эту тележку необходимо хорошо промазать, чтобы она не скрипела. В переносном значении в чешском языке разыгрывается игра слов: глагол *namazat, namáznout (se), namazat se* (*смазать, намазаться*) имеет кроме своего первичного значения еще значение *opíjet se* (*накачаться, нализаться*) или *podplácet* (*подкупать, подмазывать, смазывать*).

Простые устойчивые сравнения *глупый как пробка, глуп как пень, глуп как дерево – hloupý jako poleno, hloupý jako boty, hloupej/blbej jako tágo* [14] являются синонимичными, так как эти конструкции с разными мотивированными фразеологизированными члена-

ми, с одинаковым именем прилагательным, называющим свойства человека, являются синонимичными.

Возникновение и происхождение этих простых устойчивых сравнений с названиями предметов из мира неживой природы (*глупый как пробка, глуп как пень, глуп как дерево – hloupý jako poleno, hloupý jako boty, hloupej/blbej jako tágo*) мы можем найти в анимизме. Анимизм является верой в одушевленность всей природы, верой в духов и душу как причину жизни и явлений природы, анимизм – низшая ступень религиозного развития. С. И. Ожегов толкует, что это «представление о существовании духа, души у каждой вещи» [6, с. 27]. Так возникли выше приведенные простые устойчивые сравнения с названиями неживой природы *пень, пробка, кремень* и др.

Колокабельность, т. е. способность связываться с внешним контекстом, у разных оборотов не всегда одинакова. Напр.: имя прилагательное *длинный*, описывающее размер, вступает в связь с разными существительными. В чешском и русском языке возникают простые устойчивые сравнения с союзом *как-яко*: *длинный как кишка, длинный как жердь, длинный как телеграфный столб, длинный как коломенская верста – dlouhý jako jitrnice, dlouhý jako bidlo, dlouhý jako telegrafní sloup, dlouhý jako Lovosice* и т. п.

Во внешнем контексте сравнение *длинный как кишка – dlouhý jako jitrnice* относится к комнате, к коридору, к большому предмету, к усадьбе, но никогда не может относиться к человеку (как компоненту сравнения *comparandum*).

Сравнение *длинный как жердь – dlouhý jako bidlo* обозначает в чешском и русском языках внешний взгляд человека, конкретнее мужчину высокого роста и относится к фразеосемантическому полю «человек».

Простое устойчивое сравнение *высокий как башня – vysoký jako věž* в русском и чешском языках может относиться к человеку, дому, дереву, т. е. к именам существительным из разных семантических рядов.

Сравнение *длинный как коломенская верста – на чешский dlouhý jako Lovosice* – в русском языке в переносном смысле характеризует очень высоких и худощавых людей.

Слово *верста* – это русская мера длины, существовавшая в России до введения метрической системы. Верстой в России называли не только данный отрезок длины, но и специальные *столбы*, которые устанавливались на больших дорогах и обозначали версты. И почему *коломенская*? В России начали при царе Алексее Михайловиче устанавливать верстовые столбы и по дороге в его загородную резиденцию в селе *Коломенское*. Эти верстовые столбы были особенно высокими. Семантику сравнения можно в чешском языке описать сравнительной конструкцией *dlouhý jako Lovosice*. Существительное *Lovosice* является названием деревни на севере Чехии с только одной, но очень длинной, улицей.

Типично русскими конструкциями являются обороты *красный как медный самовар, плоский как блин, желтый как желток*, сравнения с этими предметами неживой природы отсутствуют в чешском языке и не имеют никаких прямых эквивалентов в чешском языке. Их можно считать с точки зрения перевода безэквивалентными. Значение этих сравнений можно объяснить толкованием фактов из культуры, истории, комментарием к традициям, быту и обычаям, или описательной формой, объяснительными записками и конкретными примерами употребления [11].

К семантике простого устойчивого сравнения *красный как медный самовар* мы должны кратко объяснить значение слова *самовар*, то значит самовара как предмета бытовой культуры, описать место самовара в русской национальной культуре, историю самоваров и самоварных традиций на Руси. Что касается левой стороны простого устойчивого сравнения от компаратора *как-яко* мы должны выложить, почему в сравнении употребляется *красный* цвет. В основном самовары в прошлом изготавливались из красной и зеленой меди, также выпускались самовары из томпака, латуни, мельхиора. Медные самовары – самые ценные (медь значительно дороже остальных материалов для изготовления самоваров), их часто изготавливали вручную по индивидуальным заказам. Из выше приведенного вытекает, что одна из разновидностей медных сплавов, применяемых при производстве самоваров – это эф-

фектный материал красная медь (сплав меди и цинка).

Простое устойчивое сравнение *плоский как блин* фиксирует на правой стороне от компаратора имя существительное *блин*. В чешском языке можно значение этого простого устойчивого сравнения выразить сравнениями *plochý jako deska*, *plochý jako žehličí prkno*. Блин – это не только одно из самых древнейших блюд русской кухни, т. е. «очень тонкая круглая лепешка из кислого жидкого теста, испеченная на сковороде» [6, с. 49]. Блин восточные славяне считали символом Солнца и плодородия. Сведения об этой обрядовой выпечке теряются в языческой старине. В первую очередь при упоминании блинов, русскоговорящие вспоминают зимние праздники, а именно Масленицу, так как с XIX века они стали традиционным масленичным блюдом. Приготовление блинов всегда считалось священным таинством. В древние времена блины в основном выпекали из дрожжевого теста. Они имеют в мире эквиваленты – это французские блинчики (*crêpes*), палачинки, английские *pancakes*, индийская доса, эфиопская инджера, чешские *palačinky*, *placky*, *lívanec* или *amolety* [12]. Русские блины особенные – мягкие, пышные и при этом пористые. Слово *блин* – искаженное слово *млин* от глагола *молоть*. Существуют еще другие фраземы с этим словом, напр.: *как блины печет – пета-лује се с тѣм (rychle něco odbývá)*, *первый блин комом každý začátek je těžký* [14].

Семантику чешских простых устойчивых сравнений *parjatý jako špagát* и *parjatý jako kšandy* можно выразить при помощи срав-

нения *натянутый как струна*. В первом сравнении существительное *špagát* образует синонимичный ряд *motouz*, *šňůra*, *provázek*, *provaz* и чешским выражениям с точки зрения значения соответствует русское слово *веревка*, *шпагат*. В чешском языке зафиксирована тоже фразема *mít nervy jako špagáty* – *нервы как канаты, стальные нервы*. Второе сравнение употребляет чешское существительное *kšandy* [12]. *Kšandy* (синонимы *kširy*, *šle*) – это широкие тесьмы, перекидываемые через плечи и пристегиваемые к брюкам для их поддерживания. В русском языке употребляется в этом значении слово *подтяжки*.

Выбор сравнительной конструкции зависит от сходства существительного во внешнем и внутреннем контексте, но вместе с тем и от индивидуального подхода говорящего.

В рамках исследований сравнений нами было проанализировано в русском языке почти 90 существительных, называющих предметы из мира неживой природы, в чешском языке – 95 существительных с названием предметов неживой природы. Семантически совпадает в чешском и русском языках 58 простых устойчивых сравнений с союзом *как-яко* и с названием предметов из мира неживой природы на правой стороне от компаратора. В остальных несовпадаемых случаях употребляются в русском и чешском языках фраземы других типов, напр.: глагольные фразеологические конструкции, или конструкции с именами существительными (но взаимно в чешском и русском языках эти фразеологические конструкции с именами существительными не соответствуют).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартон В.И. Сравнение как средство познания. Минск: Изд. БГУ им. В. И. Ленина, 1978. 125 с.
2. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое. В 2 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903. 779 с.
3. Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1896. 618 с.
4. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. 543 с.

5. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Ленинград: Изд. Ленинградского университета, 1978. 157 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: 1983. 815 с.
7. Bečka J.V. Slovník synonym a frazeologismů. Praha: Novinář, 1979. 431 s.
8. Čelakovský F.L. Mudrosloví národu slovanského v příslovích. Praha: Alois Hynek, 1893. 783 s.
9. Čermák F. Frazeologie a idiomatika česká a obecná: Czech and general phraseology. Praha: Karolinum, 2007.

10. Čermák F., Hronek J., Machač J. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Příkladování. Praha: Academia, 1983. 492 s.

11. Filipec J., Čermák F. Česká lexikologie. Praha: Academia, 1985. 272 s.

12. Filipec J. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha: Academia, 1994. 647 s.

13. Grenarová R. Jednoduché ustálené komparace s antroponymy a spojkou jako–как v češtině a ruštině. Brno: Masarykova univerzita, 2011. 246 s.

14. Martinková M. Rusko-český frazeologický slovník. Praha: SPN, 1953. 489 s.

15. Šach J.B. Česká frazeologie. Praha: I.L. Kober, 1862. 75 s.

REFERENCES

1. Barton V.I. Comparison as a Means of Cognition. Minsk: Izd. BGU im. V. I. Lenina, 1978. 125 p.

2. Michelson M.I. Russian Thought and Speech: The Native and Borrowed. V 2 t. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1903. 779 p. 250 p.

3. Michelson M.I. Common and Felicitous Words. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1896. 618 p.

4. Molotkov A. I. The Russian Dictionary of Collocations. M.: Russkii yazyk, 1986. 543 p.

5. Ogoľtsev V.M. Fixed Comparisons in the System of Russian Phraseology. Leningrad: Izd. Leningradskogo universiteta, 1978. 157 p.

6. Ozhegov S.I. The Russian Language Dictionary. M.: 1983. 815 p. Bečka J.V. Slovník synonym a frazeologismů. Praha: Novinář, 1979. 431 p.

7. Čelakovský F.L. Mudrosloví národu slovanského v příslovích. Praha: Alois Hynek, 1893. 783 p.

8. Čermák F. Frazeologie a idiomatika česká a obecná: Czech and general phraseology. Praha: Karolinum, 2007.

9. Čermák F., Hronek J., Machač J. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Příkladování. Praha: Academia, 1983. 492 p.

10. Filipec J., Čermák F. Česká lexikologie. Praha: Academia, 1985. 272 p.

11. Filipec J. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha: Academia, 1994. 647 p.

12. Grenarová R. Jednoduché ustálené komparace s antroponymy a spojkou jako–как v češtině a ruštině. Brno: Masarykova univerzita, 2011. 246 p.

13. Martinková M. Rusko-český frazeologický slovník. Praha: SPN, 1953. 489 p.

14. Šach J.B. Česká frazeologie. Praha: I.L. Kober, 1862. 75 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ:

Гренарова Рене

старший преподаватель, доктор педагогических наук и доктор филологических наук

Университет имени Масарика
ул. Поржичи, 7, г. Брно, 603 00

Чешская Республика

E-mail: renee.grenarova@seznam.cz

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Grenarova Renée

Doctor of Education, Doctor of Philology
Assistant Professor,
Masaryk University

7 Poříčí Street, Brno, 603 00
Czech Republic

E-mail: renee.grenarova@seznam.cz

УДК 81'276

*Ляшенко И.В.****Этнические прозвища украинцев
в российской и украинской
блогосферах*****А**ННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются проблемы функционирования этнических прозвищ в «языке вражды» на примере эскалации политической напряженности в отношениях между Россией и Украиной в 2014 г. Целью исследования является создание ономазиологического портрета украинца в современной русской языковой картине мира. Материалом исследования послужили этнические прозвища украинцев, отобранные с веб-форумов городов Белгород (Россия) и Харьков (Украина). В качестве методов исследования использованы: концептуальный, дефиниционный, прагмалингвистический, контекстуальный, этимологический, семантический и социолингвистический анализ. В ходе исследования выявлены наиболее продуктивные способы образования современных этнических прозвищ украинцев, их характерные особенности, а также лингвистически релевантные когнитивы, позволившие составить образ современного украинца, сложившийся в языковой картине мира среднестатистического интернет-пользователя российской блогосферы. Результаты работы могут найти свое применение в дальнейших исследованиях в области социолингвистики, этноконфликтологии, истории и политологии.

Ключевые слова: «язык вражды»; этническое прозвище; этнофолизм; ономазиологический портрет; этнокогнитивы; языковая картина мира; блогосфера.

*Lyashenko I.V.****Ethnic nicknames for ukrainians
in russian and ukrainian
blogospheres*****А**БСТРАКТ

The article describes ethnic nicknames and their functioning in “hate speech” amid escalating political tension between Russia and Ukraine in 2014. The research is aimed at creating an onomasiological portrait of a typical Ukrainian in the Russian linguistic mentality. The author studies the ethnic nicknames selected from the city web forums of Belgorod (Russia) and Kharkov (Ukraine). The research is based on the conceptual analysis, definitional analysis, pragmalinguistic analysis, contextual analysis, etymological analysis, semantic analysis, and sociolinguistic analysis. In the course of the study, the author revealed the most productive means of formation of modern ethnic nicknames for Ukrainians, described their characteristic features and some linguistically relevant ethno-cognitive units enabling to create an image of a contemporary Ukrainian built up in the linguistic mentality of a typical Russian web forum visitor. The results of the research may be applied in further studies in the spheres of sociolinguistics, ethnoconflictology, history, and political science.

Key words: “hate speech”; ethnic nickname; ethnophaulism; onomasiological portrait; ethno-cognitive unit; linguistic mentality; blogosphere.

Любая эскалация этнического конфликта как внутри страны, так и на внешнем уровне неизменно сопровождается ростом ненависти, нетерпимости, предрассудков и неизбежно находит свое отражение в «языке вражды», в частности, в ономасиологическом составе лексического просторечия, элементом которого являются этнические прозвища – этнолингвокультураны или устойчивые, семантически значимые именованные, преимущественно негативного характера, обладающие как признаками имени собственного, так и признаками имени нарицательного, даваемые индивиду или совокупности индивидов на основании характеристик, определяемых этнической принадлежностью – внешних и внутренних, реальных и мнимых, а также в соответствии с социальным статусом и историческим опытом инкорпорирования индивидов в общество [15, с. 117].

Несмотря на обусловленную различными историческими, политическими, социокультурными и психологическими факторами широкую распространенность явления наделения прозвищами представителей самых разных этнических групп, лингвистическое осмысление данного явления все еще далеко от своего завершения. Об этом свидетельствует тот факт, что подобные именованные до сих пор имеют разное терминологическое обозначение как в зарубежной, так и в отечественной литературе: “derogatory group labels”, “derogatory ethnic labels”, “ethnic slurs”, “ethnic epithets”, “ethnophaulisms”, «прозвищные этнонимы», «антропологические псевдоэтнонимы», «этнические клички», «этнические прозвища», «пейоративные этнонимы», «вторичные этнонимы», «эктронимы», «экспрессивные этнонимы», «этнодифемизмы», «этнофолизмы».

Этнофолизмы, в число которых входят не только этнические прозвища, но и оскорбительные фразеологизмы, а также слова, имеющие в своей основе названия этнических групп, унижительные эпитеты в форме прилагательных, образованные от названий этнических групп, метафоры, основанные на этнической принадлежности, пословицы, поговорки и детские стишки, этнические шутки и анекдоты и т.д. [см. 1, с.22; 2, с.11], до недавнего времени не получали должного

внимания отечественных лингвистов, что объясняется попыткой «замалчивания» существующей проблемы во времена СССР, ибо считалось, что советский человек не может допустить враждебные высказывания и враждебные действия по отношению к другим людям только потому, что они принадлежат к другим расам, национальностям и т.д. [8]. И лишь в постперестроечное время в отечественной лингвистике стали появляться фундаментальные исследования ономасиологических элементов «языка вражды» как реакция на «сильный всплеск в употреблении старых и в появлении новых экспрессивных этнонимов, или этнофолизмов» [9, с. 328], а в 2000-е гг. в связи с расширением практики противодействия экстремизму, в том числе такому, который проявляется в форме коммуникации и необходимости в лингвистической экспертизе «подозреваемых» в экстремизме текстов [8].

Актуальность настоящего исследования обусловлена, с одной стороны, необходимостью теоретического анализа и осмысления обширного ономастического материала, возникшего на волне политического обострения в отношениях между Россией и Украиной, с другой – практической возможностью активного включения новых этнофолизмов в словари общего сленга и городских диалектов для проведения последующих лингвокультурологических исследований.

По мнению И.Л. Аллена, слова – это «средство борьбы,...а оскорбительные эпитеты служат универсальной характеристикой межгрупповых отношений» [1, с. 15]. Этнические прозвища являются отражением социальной организации общества, своеобразным маркером его развития, который можно использовать в создании ономасиологического портрета того или иного этноса – «совокупности черт и характеристик (мотивов), выводимых на основе концептуального анализа всей обнаруживаемой в языке «отэтнонимической» лексики, связанной с данным этносом» [3].

В связи с этим целью данного исследования является составление ономасиологического портрета украинцев на основе концептуального анализа современных этнических прозвищ, употребляемых в российской и украинской блогосферах.

Для решения поставленной цели использовался комплексный метод исследования материала, включающий:

1) дефиниционный анализ, служащий для выявления лексико-семантического строения этнических прозвищ;

2) прагмалингвистический и контекстуальный анализ, использованный для определения языкового статуса этнических прозвищ, а также выявления их функциональных возможностей;

3) этимологический и семантический анализ – для выявления основных референтов, лежащих в основе этнических прозвищ, а также исследования семантических отношений между исходными и производными словами, между исходными основами и словообразующими элементами;

4) социалингвистический анализ – для выявления механизмов воздействия социальных факторов на возникновение этнических прозвищ и определения их роли в поликультурном обществе.

Материалом исследования послужили этнические прозвища, отобранные методом сплошной выборки с городских веб-форумов г. Белгорода («Форум Бел.Ру» [19] и г. Харькова («Харьков Форум» [20]) – двух приграничных городов-побратимов России и Украины, объединенных породненными связями в торгово-экономической, научно-технической и гуманитарно-культурной областях с сентября 2001 г. Выборка материала осуществлялась в период с декабря 2013 г. по июнь 2014 г. в следующих тематических разделах: «Белгород, помощи Донбассу!», «Что и где можно почитать о текущих событиях на Украине?», «Ситуация в Харькове», «Украина и что с ней будет», «Ополченцы или террористы», «Крым в составе России!», «Параллельная реальность» и т.д. («Форум Бел.Ру»); «За призывы к сепаратизму и экстремизму недельный бан!», «Опять у нас все поотбирают и отдадут полякам и москалям?», «Как нам сохранить мир в Харькове, да и в Украине?», «Порошенко. Ваше мнение», «Гости из РФ, вам сюда!», «Как вы относитесь к русским?» и т.д. («Харьков Форум»).

В качестве информационных источников дефиниционного, прагмалингвистического, этимологического, семантического и социо-

лингвистического анализа в исследовании использовались ресурсы русскоязычной [5] и украинской [6] версий Википедии, Словаря молодежного сленга [17], Словаря современной лексики, жаргона и сленга «Словово» [18], словари и энциклопедии интернет-ресурса «Академик» [16], справочные ресурсы интернет-клуба «Викиреальность» [7], энциклопедия современной культуры, фольклора и субкультур Луркоморье [14] и др. – источники, которые содержат обширные базы лингвистических данных, быстрее других фиксируют новые языковые явления, обеспечивают объективацию дефиниционных и стилистических особенностей и дают возможность продемонстрировать динамичность системы наименований.

Рассмотрим наиболее яркие примеры. Начнем с этнических прозвищ, образованных от производящих основ, составляющих наибольшую группу этнофолизмов, употребляемых в отношении украинцев: *укр*, *бандера*, *майдан*, *хохол*.

Прозвища с основой *укр* происходят от автотонима *укра не* (*у кры*, *укра ны*, *укря не*) – названия западнославянского племенного соза, проживавшего в период с VI века примерно до XII века на побережьях реки Укер (нем. *Ucker*) [5], а также от названия популярной в блогосфере темы обсуждения – великой истории «древних укров» [14]. Согласно популярной версии, *украми* называют украиноязычных граждан Украины, разделяющих «европейские ЕСовские ценности» и ориентирующихся на интеграцию страны в состав Евросоюза [18]. Утверждается, что *укр* – мифологический персонаж украинских националистов – первочеловек (*протоукр*), говоривший на украинском языке, а также наш современник, исповедующий веру в то, что *протоукр* говорил именно на украинском языке [14]. По версии украинского интернет-журнала «Корреспондент», *укропы*, *укры* – «пренебрежительное обращение к украинцам, которые поддерживают новую власть и ориентацию на Запад во внешнеполитическом курсе страны. Используется пророссийски настроенными людьми, определение оскорбительного толка» [12].

Как результат высмеивания одержимости некоторых украинцев так называемой

«фолк-истори» [см. 16], а также намеренного навешивания на представителей этно-группы ярлыка «девиантных» индивидов возник целый ряд прозвищ, образованных по линейным (x + y) моделям (аффиксальные, сложные и сложнопроизводные образования, аббревиатуры и сложносокращенные образования) [15, с. 120], часто в комбинации с семантической деривацией: *укробандера* ← укр + бандера (от С. Бандера); *укропеец* ← укр + -пеец (усечение от *европеец*); *евроукр* ← евро- (усечение от *европеец*) + укр; *укропатриот* ← укр + патриот; *укросвидомит* ← укр + свидомит (от существующего прозвища *свидомит* (укр. свідомі «сознательный»), образованного по созвучию со словом «содомит»); *укретин* ← укр + усечение слова «кретин» (по созвучию); *укроимбецил* ← укр + имбецил; *укропитек* (*укропитек свидомус обыкновенус*) ← укр + -питек (др.-греч. λίθηκος – обезьяна; намек на примитивизм в толковании истории); *укронаци* ← укр + наци; *укрофилы* ← укр + -фил (от греч. philo – люблю, напр., библиофил); *вукраинец / внауукраинец*, ← предог (на) + украинец (аллюзия на извечный спор о том, как правильно говорить: «в Украине» или «на Украине?»); *укрёнок* ← укр + -ёнок (суфф. со значением «детскость», «невзрелость»); *укровец* ← укр + -ец (суфф. со значением лица по принадлежности к стране, выступающий в контекстах «языка вражды» в качестве суффикса субъективной оценки); *укропы* (по созвучию со словом «укроп»), напр.: «Укропов на фарш!».

На втором месте по количеству дериватов, выявленных в ходе настоящего исследования, занимают прозвища с производящей основой *майдан*. В основе мотивации лежит название Площади Независимости или Майдана Незалежності (укр. майдан Незалежності) в центре Киева, прославившейся многочисленными массовыми антиправительственными выступлениями и протестными акциями (Евромайдан/ Євромайдан), которые начались в начале 2000-х и не прекращаются по сей день («Племена майдаунов захватили центр Киева!»). В 2000-х прозвищами с основой *майдан* в российской блогосфере именовали носителей «оранжевых» политических взглядов (*оранжоидов*), сторонников изоляции Украины от России, проамерикан-

ской внешней политики, противников бытования на Украине русского языка, культуры и т.п., сторонников прославления С. Бандеры, периодически болеющих русофобией [14] и искренне верящих в то, что «оранжевая революция» в Киеве делалась в интересах украинского народа [18]. В настоящее время значение практически не изменилось, основа лишь обросла новыми дериватами и стереотипными коннотациями: «зомбированный», «крезанутый», «сумасшедший», «долбанутый на всю голову». В украинской блогосфере прозвища с основой *майдан* считаются оскорбительным обозначением сторонников Евромайдана и «революции чести»; используется людьми противоположных, про-российских взглядов, утверждающими, что сторонники Майдана «зомбированы» его идеями, с «промытыми мозгами», не хотят работать, а желают только бастовать на организованных США митингах и получать за это деньги [12].

Среди примеров этнических прозвищ украинцев с основой *майдан* преобладают продукты словосложения и аффиксации с элементами семантической деривации: *майданвошка* ← майдан + вошка (по созвучию со словом «мандавошка»); *майданутый* (субстантивированное прилагательное, основанное на метонимическом переносе по аналогии с русс. инвективой со значением «долбанутый»); *майдаун* ← майдан + даун (сложение усеченной основы, мотивированное созвучием со словом «даун»); *промайдавленный* ← про- + майдан + давленный (сложение усеченных основ, сопровождаемое префиксацией, мотивированное созвучием со словом «продавленный»); *майданопитек* ← майдан + -питек (др.-греч. λίθηκος – обезьяна; намек на примитивность участников Евромайдана); *майданист* ← майдан + -ист (суфф. со значением принадлежности лица к определенному движению, напр. марксист, сатанист и т.д.); *майданник* ← айдан + -ник (суфф. со значением лица по свойству или признаку, которые определяют его отношение к предмету, занятию); *майданоид* ← майдан + -оид (суфф. от греч. слова εἶδος – «подобие», напр. андроид); *майданёнок* ← майдан + -ёнок (суфф. со значением «детскость», «невзрелость»).

Следующую группу составляют прозвища с основой *бандера*, возникшие как реакция на действия по героизации С. Бандеры, лидера украинских националистических движений в 30-50 гг. XX в., а также вследствие отождествления известного с 40-х гг. прошлого столетия прозвища *бандеровец* с современными фашистами, к которым причисляются представители ультраправых украинских националистов – участников событий на Евромайдане и в Донбассе.

Одним из дериватов производящей основы *бандера* является прозвище *бандерлог* – собирательный образ проевропейских, прозападных украинцев, сторонников Майдана или же украинцев, не поддерживающих взгляды пророссийски настроенных граждан. Выражение носит оскорбительный характер и в понимании использующих его людей является синонимом слова «фашисты» [12]. Изначально прозвище *бандерлог* в российских интернет-сообществах использовалось по отношению к оппозиционно настроенным гражданам, действующим, по мнению В.В. Путина, «в интересах иностранного государства и на иностранные деньги» [5]. Позднее эта метафора стала употребляться именно в адрес украинцев, имплицитно подразумевая неразличимость и безгласность человеческой массы – черты, подмеченные «интернет-креативщиками» в обезьяньем народе, – персонажах «Книги джунглей» Р. Киплинга: «Вспомните Киплинга: «Мы велики! Мы свободны! Мы достойны восхищения! Достойны восхищения, как ни один народ в джунглях!» Стоит ли после этого удивляться, что к *свидомитам* накрепко приклеилось ещё и прозвище *бандерлоги*?».

В основе образования прозвища *бандерлог* лежит нелинейная модель ($x \rightarrow y$) или семантическая деривация. По этой же модели образовано и прозвище *homo banderlogus* (метафорический перенос, основанный на аналогии с *homo sapiens* и созвучии со словами «гомо» и «бандерлог»). Помимо нелинейной модели, в дериватах с основой *бандера* отмечено словосложение, дополняемое различными семантико-стилистическими средствами: бандерофашня ← бандера + фашня (груб. собират. от *фашист*); жидобандеровец ← жид + бандеровец; бандеражидяка ← бандера + жидяка; бандераст ← бандера +

аст (усечение слова «педераст»); бандеросня (груб. собират. от *бандеровец*) и др.

Меньшую по количеству дериватов составляет группа прозвищ с основой *хохол*, хотя само прозвище по-прежнему лидирует по популярности в российских интернет-сообществах. Лидирует оно не только по частоте использования в отношении украинцев («У російській пресі та рунеті етнонім «хохли» має найвищий індекс згадуваності з-поміж всіх інших етнонімів» [6]), но и по количеству дискуссий вокруг своей этимологии. Традиционно прозвище *хохол* считается номинацией, мотивированной особенностями внешнего вида: произошло от запорожских казаков, в старину выбривавших голову и оставлявших собранные в торчащий хвостик (хохол или чуб-оселедец) прядь волос [5, 6]. Прозвище имеет крайне пейоративный оттенок и употребляется даже внутри интруппы, напр. в отношении футбольных болельщиков клуба «Динамо» (Киев), напр. лозунг «Дави хохлов!».

В последнее время любителями фолклингвистики предпринимаются попытки семантической инверсии, т.е. придания прозвищу *хохол* положительной коннотации, для чего этимология прозвища попросту переписывается: слово «хохол» имеет тюркское происхождение и его можно перевести на современный русский язык как «сын неба», «голубоглазый», «небесный»; понятие «халгол» восходит к временам татаро-монгольского ига; с монгольского языка данное словосочетание переводится как «сине-желтый», а такие цвета соотносятся с цветовой гаммой флага и герба Галицко-Волынского княжества, роль которого усилилась уже после распада Киевской Руси [21].

Новые дериваты с основой *хохол* (вариант *кокол*) следует рассматривать сквозь призму политических событий в Украине, ибо в их прозрачной внутренней форме прослеживается ситуативно зависимая семантика экстралингвистического характера: посредством словосложения к семантическому ядру крайне негативной оценки индивида или группы индивидов, объединенных одним этносом, добавляется дополнительная, еще более оскорбительная характеристика с намеком на недалекость и приверженность к

экстремизму. Например: *еврохохол* ← евро + хохол (намек на стремление к евроинтеграции; авторство прозвища приписывается российскому сатирику М. Задорнову); *хохломаз* ← хохол + мразь; *хохлобыдло* ← хохол + быдло; *хохлопитек* ← хохол + питек; *хохлофашист* ← хохол + фашист; *хохлонаци* ← хохол + наци и т.д. Напр.: «*Хохлопите к* – это такое существо, которое с дерева слезло и назвало себя украинцем. Никакого отношения к украинцам они, конечно, не имеют. Такая, знаете, обезьяна-недочеловек».

Среди других ярких примеров этнических прозвищ украинцев, активно используемых как в российских, так и в украинских интернет-сообществах, можно привести следующие:

Среди других ярких примеров этнических прозвищ украинцев, активно используемых как в российских, так и в украинских интернет-сообществах, можно привести следующие:

Щеневмерлые/ щеневмерлики – прозвище, мотивированное названием гимна Украины «*Ще не вмерла Україна*», которым с иронией называют тех, кто слепо пускается в патриотизм, бездумно оперируя государственными символами – гимном, флагом и т.п.: «Обидно и горько, что слово «хохол» по недоразумению стало ругательными и применяется к людям ущербным, никакого права на него не имеющим. Лично я это слово в уничижительном смысле стараюсь не употреблять. Благо русский язык способен дать более едкую замену: мне нравится *щеневмерлики*». К этому же мотивационному типу относятся прозвища *жовто-блакитник* и *жовто-блакитный дружок* (сложные образования, сопровождаемые процессами метонимии на основе модели номинации по национальному символу или эмблеме).

Правосеки (а также рифмованные образования *правосеки-гомосеки*, *правосеки-кровосеки*) – члены и бойцы украинской националистической, праворадикальной организации «Правый сектор»; украинцы, способствующие радикализации противостояния с образом «наибольшего врага и ужаса для россиян» [12], напр. «Ребята, почему *правосеки-каратели*? Давайте их назовём *Вурдалаки-ВаффенСС* – так, я думаю, страшнее будет»; «Нет сомнений, что *правосеки-кровосеки* заслужили колесования на площади» и т.д.

Нацюцюрники – прозвище, образованное по созвучию слов «наци» и укр. «нацюцюрник» (презерватив), используется с намеком на прославление украинцами пособников гитлеровского фашизма, напр.: «Я давно заметил: там, где *нацюкизм*, там всегда двойная мораль, за которую я лично *укронацюков* и *нацюцюрников* просто презираю».

Хунтята – презрительное именование, основанное на метонимическом переносе и дополненное суфф. со значением «детскость», «невзрослость». Происходит от «хунта» – слова, которым в России принято называть правительство, пришедшее к власти после свержения президента Януковича. Напр.: «*Хунтята* желто-синие, лижите дальше ж*** амерам и ЕС!».

Парашники, парашки, парашеньки, парашоиды – группа прозвищ, мотивированная именем политического деятеля. Прозвища основаны на созвучии слов «параша» и «парашник» с именем президента Украины П.А. Порошенко и дополняются суффиксами с уничижительным значением. Напр.: «*Западнцев* теперь *парашками* будем называть? Слили Украину в парашу!».

Подпидносники – сложнопроизводное слово (под + пидносники ← *Пидностан* (топоним-прозвище США)), употребляемое с намеком на зависимость Украины от Америки. Напр.: «Предлагаю тех, кто употребляет слово «*ватники*» в целях оскорбления, называть «*подпидносники*», от слова «подгузники», но с пидносским душком» [4].

Салоуронильцы, уронившие сало, салоуронисты – производные с компонентом *сало*, мотивированные, в отличие от прозвища *салоед/ саложор* (в основе мотивации пищевой стереотип), заимствованным участниками Евромайдана лозунгом УПА «*Слава Украине! Героям слава!*» и разошедшимся в интернет-мемах в качестве пародии «*Сало уронили! Героям сала!*» в самых глупых, малогероических и бесславных ситуациях. Напр.: «Хотят *салоуронильцы* газ, пусть сначала заплатят. Вечером деньги утром ступля!».

Помимо упомянутых выше прозвищ, основа *сало* присутствует в этнофолизме *салопитек* (*сало* + *питек*).

Скачуцие – субстантивированное прилагательное, мотивированное кричалкой «*Хто*

не скаче той москаль!». По одной из версий, является «калькой» на используемый русскими националистами вариант «*Кто не прыгает, тот хач*» [7]. На самом деле формула «*Кто не прыгает (не скачет), тот N*» предположительно появилась в среде итальянских футбольных фанатов во второй половине XX века и распространилась во многих странах и используется для обозначения противоборствующей стороны в конфликтах с властями вообще и полицией в частности, а также геями, гомофобами, расистами, национальными меньшинствами и т.д. [11]. Например, замерзая во время неудачно складывающихся матчей своей сборной, чехи регулярно заряжают *Kdo neskáče není Čech* (Кто не скачет, тот не чех) [10]. Прозвище *скачущие* употребляется по отношению к украинцам-русофобам, зомбированным «идеями Майдана»: «Очень смешны дурковатые хохлы, требующие у ЕС вступления. Ну что, скачущие, доскакались? Скачущие хохлы (подчеркиваю – хохлы, а не украинцы, ибо это суть разные люди) – абсолютные идиоты, стремящиеся стать шлюхами».

Онижедети – многокомпонентное прозвище, представляющее собой фразовое сложение, выступающее в роли атрибутивного окказионального сложного слова, представляющее собой как бы «застывший», зафиксированный этап процесса номинации. Происходит от пропагандистского штампа, внедряемого после избиения милицией воинствующих молодчиков на Майдане, которых провозгласили символом «избитых детей Майдана» («*онижедети, жертвы пропаганды, импромылимозги*») [14]. Данным прозвищем называют представителей украинской ультраправой молодежи, принимающих активное участие в политических беспорядках. К многокомпонентным именованию относится и прозвище *никогда-мы-не-будем-братьями*, которое возникло как ответ на «черную неблагодарность» братского народа Украины и обязано своим происхождением названию стихотворения украинской поэтессы А. Дмитрук «Никогда мы не будем братьями», написанному под впечатлением от присоединения Россией Крыма, и являющимся «ярким примером той несуществующей братской любви» [13].

Характерной приметой времени является появление этнических прозвищ, содержащих в себе сему «гомосексуальность» («Сала правосекам – гомосекам хрена!»), что объясняется тем, что «во всех обществах и во все времена мишенями для этнофолизм были гомосексуалисты, умственно отсталые и старики» [9]. Подобные образования обнаруживаются и среди прозвищ украинцев: *евро-пид***сы* (намек на стремление украинцев в ЕС (*Европейский Союз, Гейропу*), где, по мнению некоторых участников российских форумов, процветает и всячески поощряется гей-движение), *гейроу* (по созвучию со словом «герои» (Майдана)), *чубатые гомосеки* (аллюзия на традиционное прозвище украинцев *хохол*), *пидорагули* (результат сложения слова «пидор» и старого прозвища западных украинцев «*рагуль*», которым именовали приезжих из села, некультурных, примитивных, тупых деревенщин), *федерасты* (сложение усеченных слов «федерация» и «педераст»; употребляется по отношению к жителям Юго-востока Украины, сторонникам федерализации), *придурасты* (сложение усеченных слов «придурак» и «педераст»), *правосеки-гомосеки* и т.д.

Рассмотренные примеры этнических прозвищ украинцев, употребляемые в российских и украинских интернет-сообществах, свидетельствуют о том, что все они обладают экспрессивно сниженной коннотацией, достигаемой широким спектром лингвистических средств, среди которых: использование производящих слов литературного стандарта, имеющих негативную семантику, использование производящих слов нелитературного стандарта, использование уничижительных суффиксов, рифмованных образований, ирония, игра слов и т.д. Помимо метафоры и метонимии, сопровождающих практически все процессы образования этнических прозвищ украинцев, наиболее продуктивными словообразовательными способами являются словосложение и суффиксация. Среди мотивационных признаков, лежащих в основе образования, преобладают социокультурные.

Характерной особенностью рассмотренных прозвищ является то, что они выступают в качестве мощного средства категоризации. Мотивацию к категоризации, именованию и объяснению значимых аспектов окружения

индивида порождает фактор языковых привычек, к которым относится и употребление этнических прозвищ.

Наблюдения демонстрируют то, что количество этнических прозвищ находится в прямой зависимости от существующих в обществе этнических предрассудков и уровня этнической напряженности. Эмотивно-оценочное отношение, реализуемое в этнических прозвищах, детерминировано мировоззрением, культурно-историческим опытом субъектов коммуникации, а также системой существующих в данном социуме критериев оценки. Наличие «прозрачной» формы практически у всех проанализированных лексических единиц позволяет утверждать, что они являются источником этнокультурной информации и могут служить для выделения лингвистически релевантных этнокогнитивов для описания восприятия соответствующего этноса, сложившегося в языковой картине мира среднестатистического интернет-пользователя российской блогосферы.

Итак, на основе концептуального анализа этнических прозвищ получаем следующий ономазиологический портрет современного украинца в российской блогосфере:

Неблагодарный, вечно ноющий, умственно отсталый, чубатый гомосексуалист с промыты-

ми мозгами. Зомби. Питается салом. Одевается во все желто-голубое. Ведет себя, как ребенок и безбашенное быдло. Причисляет себя к великой древней нации, занимается историческим мифотворчеством. Ненавидит все русское. Продажен, поскольку прислуживает американцам и стремится влиться в дружную семью европейских народов. Поклоняется С. Бандере, пропагандирует фашизм и нацизм. Жаден и хитер, склонен к агрессии. Разговаривает лозунгами и кричалками. Обожает скакать и устраивать шествия в центре Киева.

Мы еще раз подчеркиваем, что данный этнический образ составлен на основании концептуального анализа авторских текстов в русской и украинской блогосферах и не может рассматриваться как позиция автора статьи и, тем более, всего русского этноса.

Безусловно, этот образ не может быть полным без рассмотрения всех компонентов, образующих класс этнофолизмов. Тем самым настоящая работа намечает дальнейшие перспективы исследования этнических прозвищ с привлечением дополнительного материала, который может включать, в частности, этно-фольклор, топонимические прозвища, словообразовательные производные с семей «этнос», а также прозвища, употребляемые украинцами по отношению к русским.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Allen I.L. The Language of Ethnic Conflict. Social Organization and Lexical Culture. NY.: Columbia University Press, 1983. 162 p.

2. Ehrlich H.J. The Social Psychology of Prejudice. N.Y.: Wiley, 1973. 367 p.

3. Березович Е.Л., Гулик Д.П. Ономазиологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте /Отв. ред. Г.П. Нецименко. М.: Наука, 2002. С. 232-253. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezovich4.htm> (дата обращения: 10.06.2014).

4. Ватники и подпидносники // News2. Охотники за новостями. URL: <http://www.news2.ru/story/400313/> (дата обращения: 04.07.2014).

5. Википедия (русс.). URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 04.07.2014).

6. Википедия (укр.). URL: <http://uk.wikipedia.org> (дата обращения: 04.07.2014).

7. Викиреальность. URL: <http://wikireality.ru> (дата обращения: 06.07.2014).

8. Гладилин А.В. «Язык вражды» как коммуникация // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). №11 (19), 2012. URL: <http://sisp.nkras.ru> (дата обращения: 15.06.2014).

9. Грищенко А.И. Отражение социокультурной дифференциации современного общества в русской экспрессивной этнонимии рубежа XX-XXI вв. // Преподаватель XXI век: Общероссийский журнал о мире образования. 2009. № 2, ч. 2. С. 328-335.

10. История нынешних лозунгов и старых украинских кричалок // Говорит Донецк. URL: <http://govorit.donetsk.ua/istoriya-nyneshn>

nikh-lozungov-i-starykh-ukrainskikh-krichalok.html (дата обращения: 08.07.2014).

11. Качественный скачок // Esquire.ru. URL: <http://esquire.ru/whosnotjumping> (дата обращения: 15.07.2014).

12. Колорады vs Укропы. Какие слова подарили Украине Майдан и война // Корреспондент.net. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/3374179-kolorady-vs-ukropy-kakye-slova-podaryly-ukrayne-maidan-y-voina> (дата обращения: 04.07.2014).

13. Литовцы записали песню на стихотворение «Никогда мы не будем братьями», посвященное аннексии Крыма // Zn.ua. URL: http://zn.ua/CULTURE/litovcy-zapisali-pesnyu-na-stih-nikogda-my-ne-budem-bratyami-posvyaschennyu-anneksii-kryma-142684_.html (дата обращения: 08.07.2014).

14. Луркоморье. URL: <http://lurkmore.to> (дата обращения: 04.07.2014).

15. Ляшенко И.В. Языковая сущность и

прагматические функции этнических прозвищ (на мат. англ. яз.): Дисс. ... канд. фил. наук. Пятигорск, 2003. 207 с.

16. Словари и энциклопедии «Академик». URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 04.07.2014).

17. Словарь молодежного сленга. URL: <http://teenslang.su> (дата обращения: 03.07.2014).

18. Словарь современной лексики, жаргона и сленга «Словоново». URL: <http://www.slovonovo.ru/> (дата обращения: 04.07.2014).

19. Форум Бел.Ру. URL: <http://forum.bel.ru> (дата обращения: 18.06.2014).

20. Харьков Форум. URL: <http://www.kharkovforum.com> (дата обращения: 18.06.2014).

21. Хохол, москаль, кацап // Города и области Украины. Справочник по Украине. URL: <http://ukrainian.su/obschaya-istoriya/khokhol-moskal-katsap> (дата обращения: 04.07.2014).

REFERENCES

1. Allen I.L. The Language of Ethnic Conflict. Social Organization and Lexical Culture. NY.: Columbia University Press, 1983. 162 p.

2. Ehrlich H.J. The Social Psychology of Prejudice. N.Y.: Wiley, 1973. 367 p.

3. Berezovich E.L., Gulik D.P. The Onomasiological Portrait of an "Ethnic Person": The Principles of Composition and Interpretation // Meeting Ethnic Cultures as Mirrored in the Language in Comparative Linguoculturological Aspect/ Ed. by Neschimenko G.P. Moscow: Nauka, 2002. pp. 232-253 URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezovich4.htm> (accessed: June 10, 2014).

4. Vatniki and Podpindosniki // News2. Hunters for News. URL: <http://www.news2.ru/story/400313/> (accessed: July 4, 2014).

5. Wikipedia (Russ.) URL: <http://ru.wikipedia.org> (accessed: July 4, 2014).

6. Wikipedia (Ukr.). URL: <http://uk.wikipedia.org> (accessed: July 4, 2014).

7. Wikireality. URL: <http://wikireality.ru> (accessed: July 6, 2014).

8. Gladilin A.V. Hate Speech as Communication // Contemporary Studies of Social Problems (Electronic Scientific Journal). №11 (19). 2012. URL: <http://sisp.nkras.ru> (accessed: June 15, 2014).

9. Grishchenko A.I. The Reflection of Socio-Cultural Differentiation of Modern Society in the Russian Expressive Ethnonymy of XX-XXI Centuries // The Teacher in the XXI Century: Russian Journal of Education. 2009. №2, vol.2. Pp. 328-335.

10. The History of Contemporary Slogans and Chants // Govorit Donetsk. URL: <http://govorit.donetsk.ua/istoriya-nyneshnikh-lozungov-i-starykh-ukrainskikh-krichalok.html> (accessed: July 8, 2014).

11. A Quality Jump // Esquire.ru. URL: <http://esquire.ru/whosnotjumping> (accessed: June 15, 2014).

12. Kolorady vs Ukropy. Which Words were Presented to Ukraine by the War and Maidan URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/3374179-kolorady-vs-ukropy-kakye-slova-podaryly-ukrayne-maidan-y-voina> (accessed: July 4, 2014).

13. Lithuanians Record a new Song on Lyrics "We Will Never Be Brothers", Dedicated to the Annexation of Crimea // Zn.ua URL: http://zn.ua/CULTURE/litovcy-zapisali-pesnyu-na-stih-nikogda-my-ne-budem-bratyami-posvyaschennyu-anneksii-kryma-142684_.html (accessed: July 8, 2014).

14. Lurkomorie. URL: <http://lurkmore.to> (accessed: July 4, 2014).

15. Lyashenko I.V. The Linguistic Essence and Pragmatic Functions of Ethnic Nicknames (on the Material of the English Language): PhD Thesis in Philology. Pyatigorsk, 2003. 207 p.

16. Dictionaries and Encyclopedias of "Academic." URL: <http://dic.academic.ru/> (accessed: July 4, 2014).

17. Dictionary of Teenage Slang. URL: <http://teenslang.su> (accessed: July 3, 2014).

18. Dictionary of Modern Words, Jargon and Slang "Slovonovo." URL: <http://www.slovonovo.ru> (accessed: July 4, 2014).

19. ForumBel.Ru. URL: <http://forum.bel.ru> (accessed: July 4, 2014).

20. Kharkov Forum. URL: <http://www.kharkovforum.com> (accessed: June 18, 2014).

21. Khokhol, Moskal', Katsap // The Cities and Regions of Ukraine. The Guide-book on Ukraine. <http://ukrainian.su/obschaya-istoriya/khokhol-moskal-katsap> (accessed: July 4, 2014).

ДАнные ОБ АВТОРЕ:

Ляшенко Игорь Владимирович

кандидат филологических наук, доцент

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ул. Победы 85, Белгород, 308015
Россия

E-mail: rattle-snake@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Lyashenko Igor Vladimirovich

PhD in Philology, Associate Professor

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015
Russia

E-mail: rattle-snake@mail.ru

Рецензент:

Багана Жером – доктор филологических наук, профессор,
заместитель директора по научной работе ИМКиМО НИУ «БелГУ»

УДК 801.81(73)

*Панасенко Н. И.,
Варечкова Л.,
Ручкова Г.*

Средства стилистической морфологии в русских, украинских и словацких народных песнях

АННОТАЦИЯ

Фольклор является неотъемлемой частью культуры любого народа. В нем находят отражение традиции и верования, обычаи и обряды, исторические события и повседневная жизнь. Сопоставительные исследования позволяют судить о процессах познания мира и их отражении в песенных текстах, о связях фольклора с материальной и нематериальной культурой, о менталитете нации. В нашей статье мы рассмотрим некоторые стилистические словообразовательные способы создания образов в русских, украинских и словацких народных песнях. В этих песнях четко выражено мировоззрение народа, моральные, духовные, социальные, эстетические и другие идеалы. Роль стилистических средств в создании образов необычайно велика. С помощью экспрессивных и эмоционально-экспрессивных суффиксов создаются как положительные, так и отрицательные персонажи. Суффиксы могут иметь разное значение: ласкательность, шутливость, ирония, неодобрение, пренебрежительность и т.д. и принадлежать различным частям речи: существительным, прилагательным и наречиям. Мы рассмотрим главным образом существительные, которые образуют четыре тематические группы: ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, БЫТ и РАЗНОЕ.

Ключевые слова: народная песня; песенный текст; стилистическая морфология; дериваты; диминутивы.

*Panasenko N.I.,
Varečková L.,
Ručková G.*

The means of stylistic morphology in russian, ukrainian and slovak folk songs

АБСТРАКТ

Folklore is an integral part of any people's culture. The culture embodies traditions and beliefs, customs and ceremonies, historical events and every day life. Comparative studies make it possible to judge about the processes of the world cognition and their reflection in song texts, about the connection between the folklore with material and non-material culture, and national mentality. The article highlights some stylistic means of creating images in Russian, Ukrainian and Slovak folk songs. People's world outlook, moral, spiritual, social esthetic and other ideals are clearly displayed in these songs. The role of stylistic means in creating images is immensely great. Either positive or negative characters are created with the help of expressive and emotive-expressive suffixes, which may have different meaning: jocularly, irony, disapproval, disdain, etc. and belong to different parts of speech: nouns, adjectives and adverbs. We will discuss mainly nouns, which form four thematic groups: MAN, NATURE, EVERY-DAY LIFE AND MISCELLANEOUS.

Key words: folk song; song text; stylistic morphology; derivatives; diminutives.

1. Песня и аспекты ее изучения

Песня – это фольклорный жанр, который представляет собой сложное единство слов, мелодии и исполнения. Народные песни имеют особенности композиции, мелодики и текста в зависимости от их жанра и отражают историю, быт и материальную культуру, верования, обряды, традиции, особенности мышления, в частности, музыкального, менталитет нации в целом. Представляется возможным представить песню как дискурс и выделить тексто-дискурсивную модель песенного дискурса, которая включает следующие модули: адресант (автор/авторы песни), адресат (слушатель/ читатель), поэтический текст (языковые и речевые способы создания образов), бытие (пространство, время), культура и социум [7]. В данной статье акцент делается на модуле «поэтический текст», который как любой художественный текст имеет свои особенности.

Тексты, как объект исследования, всегда привлекали внимание лингвистов. Текст рассматривают с точки зрения заключенной в нем информации, особенностей его восприятия, со стороны его синтаксической и лексической структуры, пространственно-временной и структурной организации, семантических особенностей, как единицу научной и художественной коммуникации. Достижения в области лингвистики текста могут быть успешно приложены к анализу песенных текстов [6].

Из песенных сборников [15, 16] и Интернет-ресурсов [2] мы выбрали по 50 русских, украинских и словацких народных песен, включающие средства словообразовательной стилистики, и провели их комплексное исследование. Предпринятая нами попытка сопоставительного исследования поэтических текстов славянского песенного фольклора показывает необозримость круга решаемых проблем. Следует отметить, что песенный текст неоднократно был в фокусе исследования ученых; в результате были установлены его фонетические [12], лексические [8], тональные [18, 19] особенности, система образов [5] и ряд других важных аспектов [10].

Данная статья отражает результаты комплексного исследования песенного фолькло-

ра, в котором принимают участие ученые, аспиранты и студенты из разных стран. Мы ставим своей целью проследить взаимосвязь между развитием сюжета в соответствии с жанровой природой песенного текста, его лексическим наполнением, стилистическими особенностями и музыкальным оформлением. При этом объектом нашего исследования являются преимущественно народные песни разных жанров, анализ которых позволяет установить и описать «интонационный клубок» (термин Л.Н. Алексеевой) как глубинный отпечаток национального мышления, культурно-исторических условий возникновения и распространения песенного фольклора.

2. Стилистические особенности песенного текста.

Мы уже проанализировали фонетические [12], лексические [8, 10, 18], синтаксические и семасиологические [18] стилистические средства создания образов в народных песен различных жанров, однако стилистические ресурсы словообразования пока еще не были в фокусе нашего исследования, поэтому постараемся восполнить этот пробел.

Некоторые ученые считают, что выделение словообразовательной стилистики, отделение ее от стилистики лексической, морфологической, синтаксической должно помочь более полному охвату вопросов стилистического словообразования, более четкому выявлению стилистической роли отдельных способов и средств словообразования [1]. Из различных методов анализа стилистических функций словообразования мы выбрали тот, который предполагает проведения анализа не по типу словообразовательных моделей, а по принадлежности к словообразованию определенной части речи.

Главным образом мы проанализировали существительные, которые включают суффиксы, имеющие стилистическую окраску, однако в нашем языковом материале мы выявили также прилагательные и наречия.

Если говорить о стилистическом потенциале словообразования, то в первую очередь следует выделить стилистическую синонимию словообразовательных аффиксов; приведем ее наиболее яркие примеры: русск.

сердце – сердечко – сердечушко; дорога – путь-дорожка – дороженька; лошадь – лошадка – лошадушка; укр. брови – брівки – бровенята; мати – мамонька – мамуся – матінко; хата – хатка – хатинка; словацк. srdce – srdénko – srdečko – srdiečko – srdienko; studňa – studienočka – studínka /колодец/; voda – vodenka – vodička.

Эмоциональность и экспрессивность могут передаваться в слове двумя способами: с помощью уменьшительно-ласкательных и пейоративных суффиксов, а также лексическими средствами. Как указывает Е.С. Кубрякова, при помощи суффиксов моделируются особые единицы номинации, предназначенные для обозначения и фиксации определенных структур знания [4, с. 13]. К субъективно-оценочным относятся следующие значения: уменьшительное, ласкательное, уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничужительное, увеличительное.

В нашей статье мы используем классификацию диминутивов, предложенную О.Э. Травушкиной. Эти суффиксы многозначны, т.е. выражают понятие уменьшительности в самом широком смысле этого слова. Она считает, что функции диминутивов в немецких диалектах таковы: слияние понятий малого и молодого; симпатия, ласка, сердечность; похвала и восхищение; прекрасное и приятное; милое, дорогое, родное; комическое, шутовское; ласкательное значение (в именах собственных); ирония; усиление отрицания (ср. русск. *ни капельки*); недостаточность, неполноценность; эвфемистический смысл [14, с. 58]. Помимо обозначения малого объема предмета они выражают различные эмоционально-субъективные оценки: ласкательность, жалость, сочувствие и, с другой стороны, фамильярность, пренебрежение, иронию, презрение [13, с. 177]. Некоторые из этих диминутивов нами были отмечены в песенных текстах.

Разные суффиксы приносят в слово разные стилистические оттенки [3, с. 135]. Русские суффиксы **-ок**, **-к**, **-ич-ек**, **-иц(а)**, **-це**, **-чик**, **-чк(а)** и некоторые другие имеют уменьшительное значение, обычно сопровождающееся экспрессией ласкательности [9, с. 208].

Начнем с русских примеров. Так, суффиксы **-ичк-**, **-еньк-** имеют уменьшительно-ласкательное значение, напр.: *Как и мне по вам, по сеничкам, не хаживати* («Ах вы сени мои, сени»); *Молодка моя да молоденькая, ах, Головка моя да победненькая* («Ночка моя, ночка»). Суффиксы **-ищ-**, **-енн-** имеют увеличительно неодобрительное значение: *У меня ли младеньки старичица, не пускает старичица на игрища* («Ах вы кумушки, голубушки, подружки»). Слова с суффиксами **-ёхоньк-**, **-ёшеньк-**, **-иц-** свойственны и ряду жанров народного творчества, имеют яркое стилистическое значение и широко представлены в нашем языковом материале: *Ходила младёшенька по борочку, Брала ягоду земляничку* («Ходила младёшенька»).

Рассмотренные нами суффиксы входят в группу суффиксов субъективной оценки. Их называют экспрессивными или эмоционально-экспрессивными [3, с. 136]. В шуточных песнях эти суффиксы характеризуют положительные персонажи и сопровождаются экспрессией ласкательности, однако могут иметь и значение шутовскости, иронии. Оттенок увеличительности связан с экспрессией неодобрения, пренебрежительности, унижения. Приведем ряд примеров. Суф. **-ик** – *соколик*, **-ушк-/ -юшк-** – *пивоварушка, квартирушка*; **-оньк-/ -еньк-** – *головонька, рученька*: *Выпускала сокола из правого рукава, На полётике соколику наказывала... Что один сын у отца – зовут Ванюшкою, Зовут Ванюшкою-пивоварушкою* («Ах, вы сени мои, сени»); *Закатилось жаркое солнце за темненький лес. А уже наши белы ноженьки пристоялися* («Закатилось жаркое солнце»).

Можно назвать суффиксальные образования со значением пренебрежительности: **-ишк-**, **-ок**, **-еньк-**, напр.: *В крайней избушке не гаснет ночник, Спит на печи подгулявший старик, Спит в зипунишке и старых лаптях, Рваная шапка комком в головах* («Ехал из ярмарки ухарь-купец»); *Ах ты парень, паренек, твой глупенький разумок* («По улице мостовой»).

Здесь мы очень кратко описали суффиксы русского языка, приносящие в слово экспрессивно-стилистические оттенки. Теперь

рассмотрим аналогичные примеры в других языках.

В украинском языке традиционно [1] выделяют две группы суффиксов, имеющих стилистическую окраску. Первая группа – это суффиксы с лексико-семантическим значением. Они характеризуют главным образом книжную лексику. К ним относятся суффиксы **-анн-, -енн-, -инн/-ння, -изм, -ізм** и некоторые другие. Нами были выделены единичные примеры существительных с суффиксом **-их-**, обозначающие названия женщины со значением жены человека, который имеет определенную профессию, а также негативную коннотацию: *Василиха, Ковалиха, Швачиха*, напр. название песни «Василиха, не будь лиха».

Во вторую группу входят суффиксы с лексико-грамматическим значением. Образования с этими суффиксами всегда эмоционально окрашены и имеют оттенок субъективной оценки: суффиксы положительной оценки (уменьшительно-ласкательные суффиксы, выражающие также ироничное и фамильярное отношение к адресату или предмету) и суффиксы отрицательной оценки (суффиксы, означающие увеличение, связанное с ироничным и пренебрежительным отношением) [3, с. 135]. Так, русские суффиксы **-ичк-, -еньк-** имеют уменьшительно-ласкательное значение; суффиксы **-ищ-, -енн-** имеют увеличительно неодобрительное значение.

Примечательно, что в этих существительных можно выделить некую градуированность: от слабой до сильной степени ласкательности. В цепочке суффиксов нарастание значения уменьшительности сопровождается усилением эмоциональной окраски, вплоть до исчезновения значения уменьшительности в последнем звене [1, с. 298]: укр. **-о** → **-ок, -ець, -ин**, напр. *дубок – вітерець – хатина*; **-ц-** → **-ик, -чик, -к-, -инк-**, напр., *хлопець – хлопчик – хлопчина, хата – хатка – хатинка*. Суффиксы **-оньк-, -еньк-, -иноньк-** выражают наивысшую степень ласкательности: *серце – сердечко – серденько*: *Мав я раз дівчиноньку чепурненьку, Любу щибетушечку рум'яненьку* («Мав я раз дівчиноньку»).

Что же касается словацких уменьшительно-ласкательных суффиксов, то в нашем языковом материале это такие суффиксы существительных, как **-ček, -ik, -očk-, -k-, -čenk-, -čik, -ušk-, -ečk-, -ičk-, -učk-, -ok** и некоторые другие: *A keď večer sunko zájde, noc sa dostavuje, dvej srdénkám milovaným o láske čaruje*. («Ach, **mamičko, mamičenko**»); *Hlavička ma zabolí, šablíčka mi zazvoní* («A v Popradze stred mesta»).

3. Семантическая классификация дериватов

Все рассмотренные нами производные слова с суффиксами, имеющими яркое стилистическое значение, можно объединить в 4 группы: ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, БЫТ и РАЗНОЕ, при этом в рассмотренных нами языках количественные характеристики примеров отличаются (см. рис. 1).

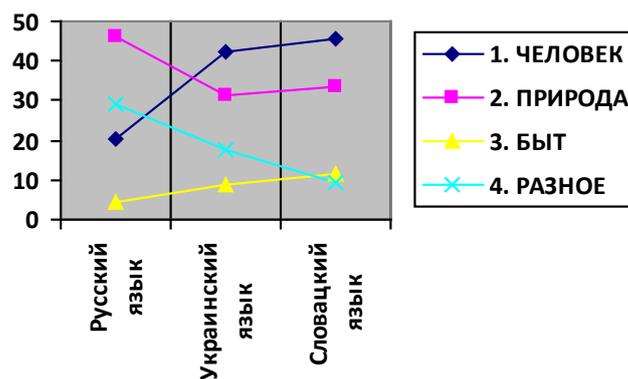

Рис. 1. Количественные характеристики дериватов в основных группах (в %)

Fig. 1. Quantitative data of derivatives in basic groups (in %)

Так, в русском языке 46% от общего количества примеров составляют слова, входящие в группу ПРИРОДА, тогда как в украинском и словацком языках преобладают слова, объединенные понятием ЧЕЛОВЕК (42,4% и 45,8% соответственно). Наименьшее распространение получили слова, связанные с понятием БЫТ: русский и украинский языки (4,6% и 8,6%), а в словацком языке – группа РАЗНОЕ (9,1%).

Однако наибольший интерес, на наш взгляд, представляет более детальная классификация примеров, входящих в эти лексико-тематические группы (см. табл. №1).

Таблица №1

Лексико-тематические группы производных слов со стилистической окраской

Table 1

Lexico-thematic groups of derivatives with stylistic colouring

Лексико-тематическая группа						
Языки						
	Русский язык		Украинский язык		Словацкий язык	
	абсол. кол-во	%	абсол. кол-во	%	абсол. кол-во	%
1. ЧЕЛОВЕК						
личные имена	6	9	5	6,2	31	21
профессия	5	7	2	2,5	6	4
степени родства	10	14	21	26	27	18,5
пол	18	25	18	22	10	6,9
возраст	12	17	3	3,7	30	21
части тела	20	28	23	28,3	39	26,6
семейное положение	-	-	5	6,2	-	-
свойства характера	-	-	1	1,3	-	-
отношение	-	-	2	2,5	-	-
состояние	-	-	-	-	3	2
внешность	-	-	1	1,3	-	-
Всего	71	100	84	100	146	100
2. ПРИРОДА						
растения и их части	99	62	14	22,5	33	30,8
птицы и их части	8	5	14	22,5	24	22,5
животные и их части	20	12,5	9	14,5	8	7,5
насекомые	2	1	4	6,5	-	-
явления природы	3	2	3	5	4	3,7
объекты природы	-	-	4	6,5	27	25,3
местность	28	17,5	14	22,5	11	10,2
Всего	160	100	62	100	107	100
3. БЫТ						
жилище и его части	10	62,5	11	64	16	43
мебель	-	-	-	-	8	22
еда	6	37,5	2	24	2	5
напитки	-	-	-	-	11	30
Всего	16	100	17	100	37	100
4. РАЗНОЕ						
артефакты	61	60	22	62,9	14	48
населенный пункт	-	-	-	-	1	3,5
отрезок времени	-	-	1	2,85	4	13,8
время суток	1	0,9	1	2,85	2	6,9
действие	4	3,9	-	-	-	-
результат действия	6	5,9	1	2,85	1	3,5
разное	30	29,3	3	8,6	6	20,8
субстанция	-	-	1	2,85	-	-
обращение	-	-	6	17,1	-	-
творчество	-	-	-	-	1	3,5
Всего	102	100	35	100	29	100
Всего примеров	349		198		319	

Рассмотрим эти группы подробнее.

3.1. Группа дериватов, входящих в понятие «ЧЕЛОВЕК»

Личные имена: русск. *Ко мне нонче друг Ванюша приходил, Три кармана друг Ванюша приносил* («Барыня ты моя»); укр. *Виплакала Марусенька свої ясні очі* («Засвистали козаченьки»);

профессия: словацк. *Krčmáročka naša, čo máš kolo pása?* («*Krčmárik maličky*»);

степени родства: укр. *Іди, іди, мій синочку* («Засвистали козаченьки»), *Ой рад би я, матусенько, Скоріше вернуться* («Засвистали козаченьки»), *матуся* («У сусіда хата біла»); словацк. *Ách, tamička, tatíčko tój milý, de sa podev vínok tvoj zelený?* («*Co sa stalo v Trnave pri bráne*»);

пол и возраст: укр. *Прощав свою дівчиноньку* («Засвистали козаченьки»);

части тела: русск. *То не ветер ветку клонит, Не дубравушка шумит. То мое сердечко стонет, Как осенний лист дрожит* («То не ветер ветку клонит»); укр. *Білих ручок не ламай, Ясних очок не стирай* («Їхав козак за Дунай»), *Не так дівчинонька, Як біле личенько* («Ой чий то кінь стоїть»), *Біле личко, чорні бровки Повік не злиняють* («Ой за гаєм, гаєм»);

свойства характера: укр. *Вийди, вийди, вийди, вийди ти до мене, Моя щибетушка* («Ти до мене не ходи»);

отношение: русск. *Пожалей, душа-зачнобушка, Молодецкого плеча!* («Коробейники»).

Приведенные выше примеры хотелось бы прокомментировать следующим образом. Начнем с действующих лиц. При анализе русских песенных текстов мы заметили, что личные имена в них употребляются мало; персонажи имеют обобщенный характер – *мой милый, моя отрада* и т.д. Тем не менее, отдельные имена имеют нейтральную – *Парасковья, Ваня, Катя, Катерина*, положительную – *Ванюша, Марусенька, Катенька, Любушка* и иронично-пренебрежительную коннотацию – *Матаня (Матанька), Андриашка, Парашка*.

Типичными героями украинских народных песен являются *Іванко, Марічка, Галя, Гандзя, Василюха* и некоторые другие. В словацких народных песнях чаще других употребляются два имени: *Анна (Анка, Анічка)* и

Jan (Jaňík, Janko, Janičok, Janík). Имеют место единичные случаи употребления и других словацких имен: *Danko, Mariška, Zuzka*.

Если в украинском, как и в русском, языке диминутив может присоединяться ко многим, но не всем существительным и прилагательным (ср., напр., русск.: *сад – садик – садочек*; укр.: *ніч – нічка – ніченька*; рука – *ручка – рученьки*), то в словацком языке кроме традиционных (*jablko – jabličko, piero – piérko – pieročko – pieriečko*), встречаем ряд неожиданных дериватов: *kasarenka (kasaren – казарма), jesenka (jeseň – осень), miesiaček (miesiac)* и некоторые другие.

3.2. Группа дериватов, входящих в понятие «ПРИРОДА»

растения и их части: русск. *То ли мне не ягода, да То ли мне не сладкая, да Я цветочек сорвала, да Я веночек совила* («Пойду ль я, выйду ль я»); укр. *На горі два дубочки* («Ой чорна я си, чорна»); словацк. «*Na zvolenskom moste fjaluočka rastie*»;

животные и их части: укр. *коніку вороненький* («Їхав козак за Дунай»), *Там орала дівчинонька воликом чорненьким* («Ой за гаєм, гаєм»); *Ой чий то кінь стоїть, Що сива зривонька?* («Ой чий то кінь стоїть»); словацк. *Odpadla tu šablička z jeho buočki kopička* («*Povedau mi slávičok*»);

птицы и их части: русск. *Выпускала сокола Из правого рукава. Ты лети, лети, соколик, На родиму сторону* («Ах, вы сени, мои сени»); словацк. *Priletel jarábok, sadol na jedličku* /Прилетел птенчик, сел на сосенку/ («*Pod horou jedlička*»);

объекты природы: укр. *Як сонечко зійде* («Ой чий то кінь стоїть»); *зіроньки* («Вечір надворі»); словацк. *Hej svieže ti mesiačku vysoko, nie nisko* («*Hej, či to zvony zvonía*»);

местность: русск. *Ночевала я да во лесочке, Под ракитовым да под кусточком* («Утушка луговая»); укр. *Мати сина в доріженьку Слізно проводить* («Засвистали козаченьки»), *Я йду в чужу сторононьку!* («Їхав козак на війноньку»).

Следует отметить, что данная группа включает слова, которые в славянском фольклоре представляют собой типичные образы: конь, солнце, звезды и некоторые другие. Персонажи песни могут разговаривать с месяцем, ветром, верным другом конем. Мы

можем говорить о таком стилистическом явлении, как персонификация. Функции диминутивов рассмотрим ниже.

Исследователи русского фольклора [11] отмечают, что символика народной песни использует растительный и животный мир восточноевропейской равнины и имеет особый характер. Она служит способом передачи психоэмоциональных состояний и переживаний человека.

3.3. Группа дериватов, входящих в понятие «БЫТ»

жилище и его части: русск. Сама **садик** я садила, Сама буду поливать, Сама милого любила, Сама буду забывать. Ах, что это за **сабочек**, За зелененький такой («Сама садик я садила»), Как и мне по вам, по **сенечкам**, Не хаживати, Мне мила друга за рученьку Не важивати! («Ах, вы сени, мои сени»); укр. Я ж тебе, вірная, аж до **хатиньки** Сам на руках однесу («Ніч яка місячна, зоряна, ясна»); Сяду край **віконця** («Цвіте терен»); словацк. Roztrhlo sa **trčačkom** a ja len banujem za **mojím miláčkom** («Drietomskou dolinou»);

мебель: словацк. Domov prišla, Salla na **lavičku**, zalomila rúčku za **hlavičku** («Čo sa stalo v Trnave pri bráne»);

напитки: словацк. Ešte si ja, ešte si ja **pohár vínka** zaplatím («Ešte si ja pohár vínka vypijem»);

еда: словацк. Ja **netám**, ja **netám**. Len sa tak **trasiem**, **dajte mi slaninky**, **nak sa popasiam** («Fašiangy, Turice»)

3.4. Группа дериватов, образующих группу «РАЗНОЕ»

артефакты русск. Ой, **полным-полна** моя **коробушка**, **Есть** и **ситцы**, и **парча** («Коробейники»); Срежу с березы три пруточка, Сделаю себе я три **гудочка** («Во поле берёза стояла»); укр. А я **піду** в сад **зелений**, В сад **криниченьку** **копати**; **Просив**, **просив** **відеречка** – **Вона йому не дала** («Розпрягайте, хлопці, коні»); **Якби мені не тиночки** **Та й не перелазу** («Якби мені не тиночки»); Ой **візьму** я **кріселечко** («Цвіте терен»);

отрезок времени: укр. За **чотири неділеньки** **Додому** **вертайся!** («Засвітали козаченьки»), **Хоч** на **хвилиночку** в **гай** («Ніч яка місячна, зоряна, ясна»); словацк. **Nebol to jeleň**, **bola to srna**, **počkaj**, **tatila**, **dva rôčky sata** («Ej lúčka, lúčka, lúčka zelena»);

время суток: укр. **Чорнії брови**, **карії очі**, **Темні**, як **нічка**, **ясні**, як **день!** («Чорнії брови, карії очі»); словацк. **Reči som trpela**, **pôsku som trávilá** («Dunaju, Dunaju»);

действие укр. **Їхав козак на війноньку** («Їхав козак на війноньку»).

Несколько слов хотелось бы сказать и об обращении в текстах. В группе «разное» подраздел «обращение» включает слова, относящиеся к различным лексико-тематическим группам, имеющим в своей основе метафорический перенос. Диминутивы выражают симпатию, ласку, сердечность, похвалу и восхищение: укр. **Галю**, **серце**, **рибко** **моя** («Якби мені не тиночки»); **Ой вийди**, **вийди**, **серденько** **Галю**, **Серденько**, **рибонько**, **дорогий** («Сонце низенько»); **лебедонько** («Ніч яка місячна, зоряна, ясна»), **голубонько** («Стоїть гора високая»). Примеры такого рода встречаем, главным образом, в украинских песнях.

Приведенные выше отрывки из песенных текстов включают в своем большинстве единичные примеры дериватов, однако в тексте очень часто имеет место избыточность информации и конвергенция, когда в отдельном месте концентрируются стилистические средства различного уровня, а уменьшительно-ласкательные суффиксы акцентируют положительное отношение автора к адресату. Как, например, припев известной украинской народной песни «Гандзя», в котором комическое, шутовское, ласкательное значение диминутивов сочетается с собственным именем, эмоционально заряженными словами (**душка**, **любка**, **милая голубка**, **цяця**), анафорическим повтором, параллельными конструкциями и четким ритмическим рисунком: **Гандзя душка**, **Гандзя любка**, **Гандзя милая голубка**, **Гандзя рибка**, **Гандзя птичка**, **Гандзя – цяця молодичка!**

4. Функции суффиксов в песенном тексте

Роль суффиксов в поэтическом тексте, прежде всего, самым непосредственным образом связана с песенным жанром; важным является и контекст. Диминутивы широко используются и в разговорной речи для выражения положительных эмоций, позитивного отношения говорящего к адресату [22]. Здесь необходимо также вернуться к модели песенного дискурса и вспомнить ее такие

модули, как культура и социум. В некоторых песнях социологическая ситуация раскрывается в историческом аспекте [7].

В целом функции диминутивов в песенных текстах таковы: слияние понятий малого и молодого; симпатия, ласка, сердечность; похвала и восхищение; прекрасное и приятное; милое, дорогое, родное, однако, как мы уже отмечали выше, они связаны с песенным жанром.

Начнем с шуточных песен. В приведенной ниже русской песне имеет место чрезмерно детальное описание наряда молодого человека. Обилие уменьшительно-ласкательных суффиксов придает описанию шутливый оттенок:

*Ах по мосту, мосту, по калиновому мосту,
Ах шел тут **детинка**, удалой молодец,
Голубой на нем кафтан, фалды машутся,
А грезетовый **камзольчик** раздувается.
Миткалинная **рубашечка** белеется,
На **шейке-то** платок, будто **аленький**
цветок («Ах по мосту»).*

Как указано в табл. 1, во всех рассматриваемых нами языках, имеется достаточно примеров (26-28%), обозначающих части тела. Следует отметить, что функция суффиксов в песнях разных жанров вытекает из социально-исторического контекста. Так, украинской шуточной песне «Грицю, Грицю до роботи» слово «ніженьки» с уменьшительно-ласкательным суффиксом имеет иронический оттенок и негативно характеризует ленивого молодого человека:

- Грицю, Грицю до роботи! В Гриця по-рвані чоботи.

*- Грицю, Грицю до телят! В Гриця **ніженьки** болять.*

Во многих украинских песнях авторами текстов были известные поэты, а музыку сложил народ. К таким песням относится и «Швачка» /швея/ на слова Павла Грабовского, в которой диминутивы имеют функцию сострадания и сожаления: *Рученьки терпнуть, злипаються **віченьки**. Боже, чи довго тягти? З раннього ранку до пізньої ніченьки Голкою денно верти.*

В лирических песнях функции суффиксов другие. Это может быть описание любимого человека с нежностью и тогда функции диминутивов – симпатия, ласка, сердечность, восхищение, милое, дорогое, родное: *Сїерне ої*

*smejú, biela **rúčka** kýva; v tom dvore akiste tój najmilší býva («Вечер же, вечер же»).* Но в случаях несчастной любви диминутивы ассоциируются с общей минорной тональностью песенного текста и акцентируют грусть, боль, разочарование: *Nezdá sa mi, nezdá, od istjeho času, keďtje tvoje **líčka**, pozmenili krásu. Vtedy si mi, milý, moju krásu zjedol, keď si ma za **rúčku** Do postielky viedol («Letela, letela ponad Sliache hviezda»).*

5. Выводы

Чем богаче духовная культура народа, чем большую роль играет песня в жизни каждого члена общины, тем сложнее структура поэтических и музыкальных текстов. У большинства славянских народов песни, как правило, ориентированы на слушателя, который нередко принимает участие в их исполнении. Общительный характер русских, украинцев и словаков, тесная связь с соседями по дому, улице, деревне и пр., участие родственников в жизни младшего поколения нашли свое отражение в песенных текстах.

Текст народной песни имеет ряд специфических черт, связанных с его содержанием и структурой. Следует отметить прозрачность и простоту сюжета, сравнительно небольшой объем песенных текстов. В песенном произведении образы героев условны (муж – жена, мать – дочь/сын, сосед – соседка, парень – девушка), схематичны, представлены обобщенно. Следовательно, при раскрытии смысла песни возрастает роль как лингвистических (лексические, семасиологические, морфологические, синтаксические, фонетические), так и экстралингвистических (музыка, аранжировка, исполнение) средств создания образов.

Предложенный нами подход заставляет по-другому взглянуть на привычные нашему слуху русские и украинские и пока что менее известные широкому кругу слушателей словацкие народные песни. Славянский фольклор имеет много общих черт. Это объясняется не столько заимствованием текстов и мелодий, сколько аналогичными условиями их возникновения.

Мы считаем перспективным направлением не только теоретическое изучение фольклора, но рассмотрение возможностей его использования при обучении как родному, так

и иностранному языку [20, 21, 22]. Мы уже рассмотрели чешские и словацкие семейные ценности в культурно-историческом аспекте [17], используя материал прозаических текстов и средств массовой информации. Теперь мы обратимся к песенному фольклору, расширяя число языков, и проследим, как в нем отражены семейные традиции, как реа-

лизуется модуль «культура и социум», какие психологические и социальные проблемы отражены в песнях, какова роль музыки в выражении психоэмоционального состояния человека и какова роль музыкальных средств в создании ярких персонажей. Все это составляет перспективу наших дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Білодід І.К. (ред.) Сучасна українська літературна мова. Стилїстика. К.: Наукова думка, 1973. 587 с.
2. Интернет-сборник русских народных песен. URL: <http://pesni.kakras.ru/#30>
3. Кожина М.Н. Стилїстика русского языка: Учебник для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1983. 223 с.
4. Кубрякова Е.С. Об актуальных задачах теории словообразования (на рубеже веков) // Материалы международной конференции, посвященной научному наследию профессора М.Д. Степановой и его дальнейшему развитию. К 100-летию со дня рождения. М.: Моск. гос. лингвистический ун-т, Ин-т языкознания Российской Академии наук, 2001. С. 11-18.
5. Мануляк Ю. Лінгвістичні та екстралінгвістичні засоби створення образів в американських народних і популярних піснях постколоніального періоду // Матеріали ІХ міжнародної науково-практичної конференції «Семантика мови і тексту» 26-28 вересня 2006 р. Івано-Франківськ, 2006. С. 494-497.
6. Панасенко Н.И. Контрастивный анализ украинского и американского песенного фольклора // Нова філологія. Збірник наукових праць. Запоріжжя: ЗНУ, 2010. № 43. С. 197-203.
7. Панасенко Н.И. Песенный дискурс в культурно-историческом и гендерном аспекте // Человек и его дискурс: кол. монографія / под ред. Желтухиной М.Р. М.: Азбуковник, 2014 (в печати).
8. Панасенко Н.И., Дмитриев Я.Ф. Стилїстические особенности лексики в текстах американских шуточных песен // Нова філологія. №1 (12), 2002. Запоріжжя. С.143-149.
9. Русская грамматика Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.
10. Сазанович Л. Фольклорная песня как объект лингвистического исследования // Ювілейні четверті Каразінські читання, присвячені 200-річчю Харківського нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна: тези Міжнародної науково-методичної конференції. Харків: Харківський нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна, 2004. С. 234-236.
11. Соколов Ю.М. Очередные задачи изучения русского фольклора // Русская литература и фольклор. Литературная энциклопедия. URL: <http://feb-web.ru/litenc/encyclor/lea/lea-081.htm>
12. Сташко Г.І. Засоби стилістичної фонетики у створенні жіночих образів (на матеріалі американського пісенного фольклору) // Наукові записки національного університету «Острозька академія». Серія : Філологічна. 2014. № 44. С. 293-295.
13. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. 375 с.
14. Травушкина Э.О. Имена существительные с суффиксами *-chen* и *-lein* и категория уменьшительности в немецком языке // Вопросы германской филологии. Волгоград, Волгоградск. пед. ин-т, 1967. С. 53-69.
15. Українські народні пісні з нотами. Кого люблю – мій буде / Упоряд. Г.І. Гінзбург. Харків: Фолио, 2004. 287 с.
16. A teraz túto... Druhý výber najobľúbenejších slovenských ľudových piesni. Zostavil V. Tátoš. Poniky: Vydavateľstvo Partner, 2004. 160 s.

17. Panasenko N. Czech and Slovak family patterns and family values in historical, social and cultural context // *Journal of Comparative Family Studies*. Volume XXXIV, Number 1, January-February 2013. Alberta: Un-ty of Calgary. Pp. 79-98.

18. Panasenko N. Melodic component as the means of expressing emotions and feelings in Ukrainian and American folk love songs // *International Journal of Arts and Commerce*. UK. Vol. 2. No. 7. July 2013. Pp. 142-154.

19. Panasenko N. Musical and linguistic means of creating images in traditional and popular American songs // *Review of Arts and Humanities*. Published by American Research Institute for Policy Development. March 2014, Vol. 3, No. 1. Pp. 23-43.

20. Ručková G., Varečková L. Výučba cudzieho jazyka v predškolskom veku s dôrazom na vývin reči // *Zborník medzinárodnej konferencii „Kondášove dni 2010“* / ed. Slávka Démuthová. Trnava: Katedra psychológie FF UCM v Trnave, 2013. S. 123-128.

21. Varečková L. Výchova k tradičným hodnotám pri výučbe anglického jazyka // *Výchova v pedagogickom výskume a praxi: zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie zo dňa 31 januára 2008* / ed. Ján Danek. Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave, 2008. S. 375-378.

22. Varečková L. Vyjadrovanie emócií pri výučbe cudzieho jazyka // *Kondášove dni 2012: zborník príspevkov* / ed. Gabriela Ručková. 1. vyd. Trnava: Katedra psychológie FF UCM v Trnave, 2013. S. 182-188 [CD-ROM].

REFERENCES

1. Bilodid, I.K. (ed.) *Modern Ukrainian Literary Language. Stylistics*. Kiev: Naukova dumka. (1973): 587 p.

2. Internet-collection of Russian Folk Songs. URL: <http://pesni.kakras.ru/#30>

3. Kozhina, M.N. *Russian stylistics*. Moscow: Prosveščeniye, 1983. 223 p.

4. Kubriakova, Ye.S. *Materials of conference dedicated to the scientific heritage of prof. M.D. Stepanova and its further development*. M.: Mosk. gos. lingvisticheskij un-t, In-t jazykoznanija Rossijskoj Akademii nauk. 2001. Pp. 11-18.

5. Manuliak, Yulia. *Language and Text Semantics. Papers of IX international scientific practical conference*. September 26-28, (2006). Ivano-Frankivsk: Publishing-design department CIT, (2006): P. 494-497.

6. Panasenko, Nataliya. *Nova Philologiya. Collection of Scholarly papers*. Issue 43, 2010. Pp. 197-203.

7. Panasenko, Nataliya. *A Man and his Discourse*. Moscow: Azbukovnik, 2014. (forthcoming).

8. Panasenko, Nataliya, Dmytriyev, Yaroslav. *Scholarly papers of Lugansk Pedagogical University. Philological sciences*. Issue 24 (109), 2008. Pp. 168-183.

9. *Russian grammar. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology*. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1980. 783 p.

10. Sazanovich, Larysa. *Jubilee 4th Karazin readings, dedicated to the two hundredth anniversary of Kharkiv national V.N. Karazin university: abstracts of international scientific-methodological conference*. Kharkiv, 2004. Pp. 234-236.

11. Sokolov Yu.M. *Russian Literature and Folklore. Literary Encyclopedia*. URL: <http://feb-web.ru/litenc/encyclop/lea/lea-081.htm>

12. Stashko, Halyna. *Scholarly Papers of the National University of Ostroh Academy. Philology*. Issue 44, 2014. Pp. 293-295.

13. Stepanova, M.D. *Word Formation in Modern German*. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah, 1953. 375 p.

14. Travushkina, E.O. *Problems of Germanic Philology*. Volgograd. Volgogradsky pedagogical institute, 1967. Pp. 53-69.

15. *Ukrainian Folk Songs with Music. Whom I love – will be mine*. Compiler G.I. Ginsburg. Kharkov: Folio, 2004. 287 p.

16. *A teraz túto...Druhý výber najobľúbenejších slovenských ľudových piesni*. Zostavil V. Tátoš. Poniky: Vydavateľstvo Partner, 2004. 160 s.

17. Panasenko, Nataliya. Journal of Comparative Family Studies. Volume XXXIV, Number 1, January-February 2013. Alberta: Un-ty of Calgary. Pp. 79-98.

18. Panasenko, Nataliya. International Journal of Arts and Commerce. UK. Vol. 2. No. 7. July 2013. Pp. 142-154.

19. Panasenko, Nataliya. Review of Arts and Humanities. Published by American Research Institute for Policy Development. March 2014, Vol. 3, No. 1, Pp. 23-43.

20. Ručková, Gabriela, Varečková, Ľubica. Zborník medzinárodnej konferencie „Kondášo-

ve dni 2010“ / ed. Slávka Démuthová. Trnava: Katedra psychológie FF UCM v Trnave, 2013. S. 123-128.

21. Varečková, Ľubica. Výchova v pedagogickom výskume a praxi: zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie zo dňa 31. januára 2008 / ed. Ján Danek. Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave, 2008. S. 375-378.

22. Varečková, Ľubica. Kondášove dni 2012: zborník príspevkov / ed. Gabriela Ručková. 1. vyd. Trnava: Katedra psychológie FF UCM v Trnave, 2013. S. 182-188 [CD-ROM].

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ:

Панасенко Наталья Ивановна

*Доктор филологических наук, профессор
Киевский национальный лингвистический
университет*

ул. Большая Васильковская, 73, г. Киев, 03680
Украина

Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве
Пл. Йозефа Герду, 2, г. Трнава, 91701

Словакия

E-mail: cindy777@mail.ru

Любица Варечкова

*Преподаватель английского, словацкого и
русского языка*

Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве

Пл. Йозефа Герду, 2, г. Трнава, 91701

Словакия

E-mail: lubica.vareckova@ucm.sk

Габриэла Ручкова

*Доктор философии (психология)
Преподаватель психологии развития,
психотерапии и арттерапии*

Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве

Пл. Йозефа Герду, 2, г. Трнава, 91701

Словакия

E-mail: gabriela.ruckova@ucm.sk

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Panasenko Nataliya Ivanovna

*Doctor of Philology, Professor
Kiev National Linguistic University
73 Velyka Vasylkivska St., Kiev, 03680
Ukraine*

University of SS Cyril and Methodius in Trnava
(UCM)

Nám. J. Herdu, 2 Trnava, 91701

Slovakia

E-mail: cindy777@mail.ru

Ľubica Varečková

*Doctor of Paedagogics
Teacher of English, Russian and Slovak
UCM in Trnava Slovakia*

Nám. J. Herdu, 2 Trnava, 91701

Slovakia

E-mail: lubica.vareckova@ucm.sk

Gabriela Ručková

*Doctor of Social and Work Psychology
Teacher of Developmental Psychology,
Psychotherapy and Art Therapy
UCM in Trnava Slovakia*

Nám. J. Herdu, 2 Trnava, 91701

Slovakia

E-mail: gabriela.ruckova@ucm.sk

УДК 801.81(73)

*Сташко Г.И.****Особенности американской
фольклорной песни*****А**ННОТАЦИЯ

Фольклорные песни в разных культурах имеют много одинаковых характеристик, хотя часто присутствуют и значительные отличия, по которым определяется принадлежность фольклорных песен к определенной культуре. В нашей статье рассматриваются ключевые культурно-исторические вехи с целью пояснения большого количества источников американского песенного фольклора. Особое внимание уделяется тематическому и гендерному аспектам, которые выступают важными отличительными признаками и подтверждают образ свободолюбивой, патриотичной и демократичной нации. Анализ песенных текстов позволяет установить и очертить лингвистические и музыкальные особенности американского песенного фольклора. Данные проведенного нами исследования свидетельствуют о специфической поликорневой базе и многогранности американской фольклорной песни, неоднократно подтверждают ее уникальные аутентичность и этнос, и дают возможность реконструировать культурно-исторические изменения в обществе в целом и в фольклорной песне в частности.

Ключевые слова: фольклор; духовная и песенная культура; американская фольклорная песня; этнос.

*Stashko G.I.****Some aspects of the american
folk song*****А**БСТРАКТ

Folk songs in different cultures have many similar characteristics, though there also exist significant distinctions that help track what culture a folk song belongs to. The article highlights the key cultural and historical milestones with the purpose to explain a big number of American song folklore sources. Special attention was given to the aspects of topic and gender that function as important distinguishing features and demonstrate the image of a freedom-loving, patriotic and democratic nation. The analysis of lyrics enables to reveal and outline the linguistic and music peculiarities of the American song folklore. The data obtained in the course of our research demonstrate a specific multirooted base and complexity of the American folk song, many a time prove its unique authenticity and ethnos and give a possibility to reconstruct some cultural and historical changes in the society in general and in the folk song in particular.

Кey words: folklore; spiritual and song culture; American folk song; ethnos.

Изучение фольклора не только как исторической и культурной ценности, но и как кладезя лингвистических особенностей на сегодняшний день приоритетно в силу растущего интереса к фольклорной песне. В частности, молодое поколение Америки все больше увлекается трендовым направлением *фолк*, появляются группы и просто сольные певцы, которые становятся популярными, перепевая ремиксы народного творчества. Волна патриотизма уже в который раз накрывает страну с неравнодушными ценителями прекрасного. Почему же фольклорная песня не уходит в историю и каждый раз, подобно фениксу, возрождается снова и снова? Какие особенности помогают ей одновременно оставаться частью истории и проходить сквозь века с минимальными изменениями? И, наконец, почему несмотря на большой интерес к американской фольклорной песне со стороны ученых-лингвистов (С.С. Асирян, И. Головаха-Хикс, Я.Ф. Дмитриев, Л.Ф. Омельченко, Н.И. Панасенко, В.О. Самохина, W.R. Bascom, D. Ben-Amos, A.B. Botkin, F.J. Child, J.H. McDowell, A. Dundes, D. Kingman, A. Lomax, J. Lomax, B. Toelken), все еще звучит сомнение касательно аутентичности американского песенного фольклора?

В нашей статье предметом исследования стали песенные тексты (народные и популярные), преимущественно народные. Мы проанализировали американский песенный фольклор (далее АПФ) с целью получить ответы на вышеизложенные вопросы и очертили его ключевые особенности.

1. Многогранность по причине полинациональности. На сегодняшний день вопросами АПФ занимаются многие ученые – этнологи, фольклористы, лингвисты, музыканты; существуют журналы, книги, энциклопедии и масса песенников от собирателей фольклора. Следовательно, весь этот обширный материал классифицирован и проанализирован с разных точек зрения множеством представителей разных школ и студий. Общий анализ показывает наличие четырех ключевых источников АПФ: древнюю культуру коренного населения Америки – индейцев, многообразие культуры иммигрантов из Европы, африканскую культуру темнокожих [2, с. 3] и авторские песни, которые в силу

своей популярности стали народными.

Коренное население Северной Америки, американские индейцы, как никто другой внесли неоценимый вклад, свидетельствующий о прочных американских корнях АПФ и своей аутентичной природе.

Американские индейцы и эскимосы, первые хозяева континента, были охотниками и воинами, земледельцами и рыбаками. Но, в первую очередь, они были и есть свободолюбивыми храбрецами. Их песни пестрят образами мудрых вождей, всемогущих богов и магических знахарей. Они воспевали свободу и рассказывали о своих бедах, надеясь на волшебство человеческой мечты [2, с. 5]. Как пример, можно привести такие песни: «Hey, Hey, Wataney» (колыбельная племен Оджибве), «Ya Na Haway» (песня-приветствие), «Shenandoah» (песня о любви к дочери вождя).

В начале 17 столетия в Америке появились первые африканские рабы. Они не умели писать и читать, поэтому сказки, поговорки, танцы стали средством общения и смыслом жизни, а песни занимали особое место. Так, в песнях «Pick a Bale of Cotton» и «All the Pretty Little Horses» описана вся жизнь и все страдания афроамериканцев. Госпелз и спиричуэлз – религиозные песни о надежде, свободе, спасении души («He's Got the Whole World in His Hands», «Rock'a My Soul», «Swing Low, Sweet Chariot», «Do Lord, Remember Me!»), блюз – песни об обманутой любви и грусти («Good Morning Blues», «Frankie and Johnny», «A Man Without a Woman», «St. James Infirmary», «Careless Love»), джазовые – песни об отдыхе («A-Tisket, A-Tasket», «Hush, Little Baby», «I've Been Working on the Railroad», «Waterboy»).

Дискутируя об африканских корнях АПФ, можно придерживаться кардинально противоположных мнений о его аутентичности, но вместе с тем фольклористы, занимавшиеся компаративистикой, отмечают некоторые особенности. Так, Т. Голенпольский приводит примеры исследований, которые четко указывают на расхождения африканского фольклора с американским: «Это не были чисто африканские песни, сказки, поговорки, а их своеобразное переложение, модификация, адаптация к новым условиям. ... Это

было подлинно народное творчество. ... По своему духу, по способу выражения африканский фольклор лаконичен, сдержан, философичен, даже фаталистичен. В этом отношении американский фольклор с его эмоциональным характером представляет собой его противоположность. Африканский фольклор был продуктом симбиоза африканского прошлого и трудносплетений жизни темнокожих в США» [2, с. 316].

Еще одним важным и разветвленным источником является фольклор иммигрантов, особенно из Великобритании, Ирландии, Голландии и Мексики, которые привезли с собой часть культурного наследия своей родины и внесли свой вклад в развитие АПФ.

Пожалуй, наибольший процент переселенцев имели английские корни. Они прибыли в Америку с мечтой о земле, достатке и социальном статусе. Многие занимались торговлей, терпели фиаско и переезжали дальше в поисках лучшей судьбы. Их хитрость («On Top of Old Smoky») и отменное чувство юмора («Yankee Doodle», «A Frog Went A-Courting»), трудолюбие («Billy Boy») и влюбчивость («Greensleeves») отражаются в фольклоре Америки. Переселенцы из Ирландии обычно пели о святом Патрике, покровителе Ирландии («Pat on the Railway»), о море и морях («Drunken Sailor»), о красивых девушках («Sweet Molly Malone»), любили маршевые песни («The Girl I Left Behind», «When Johnny Comes Marching Home»). Шотландцы привезли с собой новогоднюю песню («Auld Lang Syne»), песни о безответной любви («Barbara Allen», «Annie Laurie») и простую веселую игровую песню («Skip to My Lou»). Валлийцы поделились своим спокойствием и любовью («All Through the Night»), а голландцы – благодарностью («Thanksgiving Prayer»).

Несмотря на географическую близость, мексиканский след в АПФ не такой значительный. Песня «La Bamba» – самая известная в США. Возможно, по причине лингвистических особенностей мексиканские народные песни остались в своем оригинальном виде и не получили широкого распространения.

Резюмируя вопрос аутентичности этого пласта АПФ, следует отметить, что благодаря иммигрантам он, безусловно, уходит

корнями в Европу, но благодаря времени, обширной территории, популярности среди малограмотного рабочего класса можем наблюдать полную или частичную его модификацию и интеграцию в новое общество и культуру.

Четвертый кит, авторские песни, незаслуженно игнорируется как источник АПФ. Авторские песни часто не принимаются во внимание фольклористами, а ведь это огромный пласт культуры, заслуживающий внимания. Формирование американского фольклора началось в 17 веке. Благодаря наличию письменности и книгопечатания большинство авторов американских песен известны. Как справедливо отмечает Н.И. Панасенко, «американские авторские песни можно считать народными при условии, что они сохраняют свою популярность на протяжении нескольких веков. В этой связи при анализе песенного текста невозможно избежать ссылок на исторический период, сопровождающий создание любого художественного произведения. Знание состояния общества помогает понять мотивы, побудившие автора выбрать именно такую форму самовыражения» [6, с. 169].

Много поэтов и композиторов (Н. Dacre, J. Davis, S. Foster, G. Garawan, F. Hamilton, L. Hays, Z. Horton, H. Ledbetter, J. Lomax, P. Montross, P. Seeger, J.E. Winner и др.) вошли в историю благодаря своим шедеврам, которые стали народными. Такие известные песни как «You Are My Sunshine», «A Bicycle Built for Two», «Little Brown Jug», «Where Have All the Flowers Gone?», «The Hammer Song», «Oh! Susanna», «Good Night, Irene», «Clementine», «Beautiful Dreamer», «We Shall Overcome» известны каждому простому американцу. Они присутствуют в сборниках фольклорных песен, их перепевают известные исполнители, их простота и узнаваемость способствуют присвоению им статуса «народных».

2. Коллективный характер. Как отмечает К.А. Богданов, «фольклор – это ценность не индивидуализирующего, но коллективизирующего свойства: она принадлежит всем и вместе с тем – никому в отдельности» [1, с. 4]. Эта черта характерна для всех жанров фольклора любой нации. Но в силу того, что в Северной Америке многие авторские песни настолько полюбили и стали частью фоль-

клорного наследия, этот факт еще раз доказывает их этнос и позволяет говорить об их коллективном характере.

3. Поливариантность. В силу исторического прошлого, географических особенностей, культурных предпочтений и активной миграции в 17-19 ст. американская фольклорная песня может иметь иногда больше сотни вариантов. Так, «Barbara Allen», «A Frog Went A-Courting», «Yankee Doodle», «Auld Lang Syne», «Billy Boy» настолько популярны, что насчитывают более 300 записанных вариантов. Иногда отличия незначительные, обычно в именах собственных. Например, имя тетушки в песне «Go Tell Aunt Rhody» (Abbie, Nancy, Tabby) могло меняться в зависимости от региона и даже семьи. Песня «Down in the Valley» в некоторых регионах известна под названиями «Birmingham Jail», «Barbourville Jail» и «Powder Mill Jail». Иногда добавлялись куплеты («A Frog Went A-Courting»), хотя фольклорная песня обычно имеет четыре куплета и припев. Часто вместо старых куплетов появлялись новые всего лишь по причине плохой памяти любителей фольклорной песни («On Top of Old Smokey») или благодаря новой веселой рифме («Clementine»).

Резюмируя вопрос аутентичности этого пласта АПФ, следует отметить, что благодаря иммигрантам он, безусловно, уходит корнями в Европу, но благодаря времени, обширной территории, популярности среди малограмотного рабочего класса можем наблюдать полную или частичную его модификацию и интеграцию в новое общество и культуру. И если авторская песня является принципиально статичной, то вариантность есть основной формой существования фольклорной песни.

4. Разнообразная тематика с патристическим акцентом. Что же касается тематики американских народных песен, то традиционно классифицируются песни о любви и дружбе («Long Time Ago»), детские («Hickory, Dickory, Dock»), колыбельные («All the Pretty Little Horses»), рабочие («Pick a Bale of Cotton»), песни Запада, появившиеся в период освоения дикого Запада («On Top of Old Smokey», «Oh! Susanna»), песни войны и протеста («John Brown's Body»), песни религиозной тематики («Do, Lord, Remember Me!») [5, с. 108].

Особо следует подчеркнуть патриотизм и любовь американцев к своей стране. И, говоря о сюжетах, разворачивающихся в фольклорных песнях, на наш взгляд, стоит применить исторический подход. Песни коренных жителей просты; они о богах, природе, мудрости вождей и магии шаманов. Любовь к природе здесь следует понимать как любовь к тому месту, где ты родился и живешь. Фольклор темнокожих – об их тяжелой жизни, мечте о свободе; особое место занимает религия. По нашему мнению, именно религиозные песни одни из наиболее патристических, ведь любовь к Богу учит любить своего ближнего и свою родину. Песни переселенцев из Европы в большинстве веселые, почти всегда о ком-то, народном любимчике или типичном друге, девушке, простофиле. Преобладают любовно-лирические песни. Но, есть маршевые и морские, которые прославляют доблестных воинов, капитанов кораблей, поддерживают боевой дух, отвагу и патриотизм. Песни, созданные на территории США во времена осваивания новых горизонтов, обычно о труде и удаче. Во время строительства страны каждый штат получил свой «народный гимн» о величии и красоте края. Песни 20 столетия – авторские в своем большинстве, наиболее пропитаны духом патристизма. Целью их написания часто было желание подбодрить народ в годы депрессии и войн, и показать, что любовь к родине творит чудеса.

5. Гендерный аспект. Анализ АПФ показал, что чаще главным героем народной песни становится мужчина: мудрый вождь, бесстрашный ковбой, трудолюбивый и ленивый рабочий, хитрый ловкач, умный лидер. Но эти же песни почти всегда имеют и второй персонаж – женщину. Прямо или косвенно она присутствует в большинстве фольклорных песен. Это мать, укладывающая спать дитя; мать, напутствующая сына или дочь. Она самая мудрая и самая любящая. Это невеста, жена, подруга. В нее влюблены все в округе, и она самая прекрасная. В американских песнях женщина – преимущественно объект рассказа или адресат [3, с. 201]. Резюмируя, можно предположить, что социальный статус женщины в Америке достаточно высок, она независима и капризна, достойна быть наравне с мужчиной.

6. Мелодический компонент. Текст и мелодия в песнях всегда взаимосвязаны. Музыкальная форма в фольклорной песне скорее принципиально традиционна; мажорный и минорный лады традиционно ассоциируются с положительными и отрицательными эмоциями. Разные тональности служат выражению оттенков чувств, человеческого духа и вдохновения. И, как свидетельствуют результаты исследований Н.И. Панасенко, «в американских песнях всегда есть надежда на лучшие времена; они написаны в мажорных тональностях» [4, с. 31; 13, с. 153]. Например, анализ афро-американских колыбельных песен в АПФ показал, что по эмоциональной окраске классические народные колыбельные воспринимаются как грустные, но в них часто ощущается надежда на лучшее будущее, свободу, вера в завтрашний день [8]. Следует также отметить, что афро-американские фольклорные песни по праву признаны самыми музыкальными и такими, что выражают богатейшую палитру чувств и эмоций с помощью не только слов, но и музыки. Им присущ природный ритм и уникальная экспрессия [10, с. 13].

7. Языковой аспект. Язык предоставляет широкие возможности для создания и сочетания языковых средств. Наряду с литературной нормой, в фольклорной песне встречаются просторечия и диалектизмы, о чем свидетельствуют многочисленные примеры лексического и грамматического характера. Скорее, следует отметить смешанный стиль. Вокабуляр песенного текста в силу исторических причин и национальных особенностей чрезвычайно насыщен стилистически. Термины, архаизмы, поэтическая лексика выгодно смотрятся рядом со сленгом, жаргонизмами, диалектизмами и просторечием [7].

Подводя итог, можно отметить богатую и насыщенную духовную культуру американского народа, и совершенно очевидно, что большую роль в этой духовности играет фольклорная песня. Она является носителем и выразителем менталитета и национального характера народа. В ней четко выражено мировоззрение народа, моральные, духовные, социальные, эстетические и другие идеалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 437 с.

2. Народ, да! Из американского фольклора. М.: Правда, 1983. 480 с.

3. Панасенко Н.И. Контрастивный анализ украинского и американского песенного фольклора // Нова філологія. 2010. № 43. С. 197-203.

4. Панасенко Н.И. Тональні характеристики українських й американських ліричних пісень // Вісник Прикарпатського ун-ту. Філологія. 2003. № 7. С. 28-34.

5. Панасенко Н.И. Украинская и американская лирическая народная песня: два мира – две судьбы // Наукове видання «Мова і культура». 2000. № 2, т.1. С. 107-115.

6. Панасенко Н.И., Дмитриев Я.Ф. Культурологический подход к классификации американского песенного фольклора // Вісник Луганського нац. пед. ун-ту ім. Т. Шевченка. 2008. № 24 (163). С. 168-183.

7. Панасенко Н.И., Дмитриев Я.Ф. Стилистические особенности лексики в текстах

американских шуточных песен // Нова філологія. 2002. №1 (12). С. 143-149.

8. Сташко Г.И. Засоби стилістичної фонетики у створенні жіночих образів (на матеріалі американського пісенного фольклору) // Наукові записки національного університету «Острозька академія». Серія : Філологічна. 2014. № 44. С. 293-295.

9. Appleby A., Stone J. America's All-Time Favorite Songs. New York. London. Sydney: Amsco Publications, 1991. 398 p.

10. American Folklore. An Encyclopedia. New York & London: Garland Publishing, Inc., 1996. 1650 p.

11. Malkoc A.M. Old favorites for all ages. Washington, DC: USIA, 1994. 131 p.

12. Osman A.H. and McConochie J. If you feel like singing. New York: USIA, 1993. 95 p.

13. Panasencko N.I. Melodic component as the means of expressing emotions and feelings in Ukrainian and American folk love songs // International Journal of Arts and Commerce. UK, 2013. Vol. 2, No 7. P. 142-154.

14. Raph Th. The American Song Treasury. 100 Favorites. New York: Dover Publications, 1986. 406 p.

REFERENCES

1. Bogdanov K. Everyday Culture and Mythology: Researches on Semiotics of Folklore Reality. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2001. 437 p.
2. People, yes! From American Folklore. Moscow: Pravda, 1983. 480 p.
3. Panasenko N. Nova Philologiya. Collection of Scholarly Papers. Issue 43, 2010. Pp. 197-203.
4. Panasenko N. Scholarly Papers of Prikarpaty University. Philology. Issue 7, 2003. Pp. 28-34.
5. Panasenko N. A Scientific Paper «Language and Culture». Volume 1, Issue 2, 2000. Pp.107-115.
6. Panasenko N., Dmitriyev Ya. Scholarly Papers of Lugansk Pedagogical University. Philological Sciences. Issue 24 (109), 2008. Pp. 168-183.
7. Panasenko N., Dmytriyev Ya. Nova Philologiya. Issue 1 (12), 2002. Pp. 143-149.
8. Stashko G. Scholarly Papers of the National University of Ostroh Academy. Philology. Issue 44, 2014. Pp. 293-295.
9. Appleby A., Stone J. America's All-Time Favorite Songs. New York. London. Sydney: Amesco Publications, 1991. 398 p.
10. American Folklore. An Encyclopedia. New York & London: Garland Publishing, Inc., 1996. 1650 p.
11. Malkoc A. M. Old favorites for all ages. Washington, DC: USIA, 1994. 131 p.
12. Osman A.H., McConochie J. If you Feel Like Singing. New York: USIA, 1993. 95 p.
13. Panasenko N. International Journal of Arts and Commerce. Volume 2, Issue 7 (2013): Pp. 142-154.
14. Raph T. The American Song Treasury. 100 Favorites. New York: Dover Publications, 1986. 406 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ:**Сташко Галина Ивановна***аспирант*

Киевский национальный лингвистический университет
ул. Большая Васильковская, 73, г. Киев, 03680
Украина
E-mail: galinastashko@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR:**Stashko Galyna Ivanovna***Postgraduate Student*

Kiev National Linguistic University
73 Velyka Vasylkivska St., Kiev, 03680
Ukraine
E-mail: galinastashko@gmail.com

Рецензент:

Панасенко Н.И., профессор, доктор филологических наук,
Киевский национальный лингвистический университет

РАЗДЕЛ IV. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД

УДК 811.432

Юзефович Н.Г.

Русскокультурный субстрат в англоязычном интерлингво- культурном произведении: переводческие сложности

АННОТАЦИЯ

Изучение сложностей перевода на русский язык интерлингвокультурных произведений билингвальных авторов (Russian immigrant writers), обращающихся к английскому языку как средству выражения российской действительности (русскокультурного субстрата) является одной из важных проблем межкультурной коммуникации. Ориентируясь на англоязычного читателя, писатели адаптируют язык, объединяя разные лингвокультуры в интерлингвокультурном тексте, включающего номинации субстрата российской лингвокультуры, что нередко требует экспликации значения. Перевод обозначений подобного рода на русский язык выдвигает ряд проблем: насколько релевантны средства экспликации, сохранять ли авторский комментарий, в каких случаях необходим переводческий комментарий, учитывая целевую аудиторию? Подходы профессиональных переводчиков, исследованные посредством стилистического и переводческого анализа, сопоставительного метода, контекстуального анализа, и обобщенные в данной статье, представляют важный материал для практики и теории перевода и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: интерлингвокультурное произведение; русскокультурный субстрат; экспликация; авторский/переводческий комментарий.

Iuzefovich N.G.

Russia's substratum in english interlanguacultural text: translation challenges

АБСТРАКТ

The paper briefly discusses some trends in literary translation into Russian the fiction written by those Russian-American writers who are seeking for their ethnic roots and identity and employing English to name Russia's cultural substratum.

Such kind of literary works is called in the paper 'interlanguacultural' as the writers have to adapt English verbal means to name specific features of another culture so as the target audience, English-speaking reader, will get "inside" a new world. In this case the names of another culture most often need some explanation within the text but while translating into Russian the following issues are to be considered:

1. How important is the explication (explanation) of a Russia's cultural substratum name to a Russian reader? 2. What should the translator's choice depend on considering the role of commentary: the author's (in the original) and the translator's?

Some answers to the questions might be found in the translations done by professionals, thus the paper aims at summing up the results of the comparison of fiction under discussion and its translation into Russian employing stylistic, contextual, translation and comparative analysis.

Key words: interlanguacultural literature; Russia's cultural substratum; explanation; commentary; author's /translator's commentary.

Введение: в англоязычном литературном пространстве настоящего тысячелетия усиливается значимость произведений, созданных писателями, представляющими разнообразные этнические идентичности, английский язык которых в традиционной терминологии является вторым или иностранным. В первую очередь имеется в виду *контактная* или *постколониальная* литература [12]: произведения билингвальных писателей из бывших колоний, обращающихся к языку колонизаторов для выражения своей идентичности: индийской – R. Rao, нигерийской – Ch. Achebe, тринидадской – B.C. Naipaul и др. Такую литературу называют также «транслингвальной» [13; 14, с. 9; 15] или *транскультурной* (P. Scott) [цит. по 12, с. 2].

В XXI в. к «чужому» языку как средству выражения своей идентичности обращаются и русские иммигранты: О. Grushin и G. Shteyngart и др. (английский язык), W. Kaminer (немецкий язык), А. Makine (французский язык). Литература такого рода на данный момент общепринятого обозначения не получила и представляется целесообразным отграничить ее от постколониальной.

В статье используется термин «интерлингвокультурное произведение», введенный ранее [10], дальнейшее обоснование которого выступает одной из задач исследования, второй является анализ переводческих сложностей, возникающих при переводе данной литературы на русский язык.

Обоснование термина «интерлингвокультурное произведение» основано на изучении работ зарубежных [5; 16; 17; 18] и отечественных ученых [1; 6] о литературе, выражающей этнический субстрат, о субстратной литературе [8], текстовый мир которой соединяет разные культуры в «контаминированном языковом мире» [6], в особом когнитивно-дискурсивном пространстве. Термин «контаминированный» используется в теории перевода в значении «искаженный» пейоративной оценочности («контаминированная речь» иностранцев) и не отражает мультикультурность текста, поэтому представляется логичным термин «интерлингвокультурный текст» и соответствующая картина мира [10]. Данный термин является

культурами, т.е. английский/французский/немецкий язык выступает посредником между лингвокультурами, позволяя проникнуть в другой мир.

Одним из основных текстообразующих качеств в данном случае является инолингвокультурная маркированность (*ино* – относительно языка словесного произведения). В лингвистике текста и теории перевода [5] культурную маркированность как критерий текстуальности [9, с. 34–35] и внутрикультурную обусловленность стали подчеркивать относительно недавно [7]. Параметр интертекстуальности создает определенную систему «кодов культуры, в которую «погружен» текст», влияя на его создание и интерпретацию» [4, с. 187].

Произведение такого типа формируется «на заимствованном литературном языке»: национальное «помещено и растворено в литературном тексте» [8, с. 173], специфика которого содержится в лингвокультурном *субстрате*, своего рода «сгустке этнической лингвокультуры», «растворенном» в слове [8; 1; 6].

Описание этнической идентичности через призму «чужого» языка требует интерлингвокультурного видения, позволяющего предвидеть возможные лакуны при межкультурном общении, выявить точки соприкосновения и отличия и предотвратить коммуникативный сбой вербальными средствами (транслитерации, калькирования, переключения кодов и т.п.). Результатом речевой деятельности при этом является интерлингвокультурное произведение [10].

Лингвокультурный субстрат в интерлингвокультурном произведении и способы его перевода: вербализация русскокультурного субстрата в интерлингвокультурном тексте, реализуемая на уровне слова/предложения, создает особое дискурсивное пространство, исследование специфики которого в оригинале и переводе привлекает внимание отечественных ученых [2; 3].

Выявление способов перевода этнического лингвокультурного субстрата, представленного в интерлингвокультурном тексте, «чужого» языка на родной требует обращения к переводам на русский язык англоязычных произведений русских эмигрантов (Russian immigrant

writers), в центре внимания которых российская действительность. В романах *The Dream Life of Sukhanov* О. Грушиной [19; 21] и *Absurdistan* Г. Штейнгарта [20; 22] на вербальном уровне выражен субстрат российской, в том числе и советской, действительности разных периодов (русскокультурный субстрат) посредством транслитерированных с русского языка номинаций. В тексте оригинала значение такого рода номинаций нередко эксплицируется, что при переводе на русский язык представляется излишним, однако возникает дилемма: как сохранить национальный колорит произведения, не перегружая перевод экспликацией известных всем слов. Не исказит ли содержание оригинала, его текстовый мир прием «опущение»?

Ответы на данные вопросы вряд ли можно дать в полной и категоричной форме, в данном случае переводческие стратегии, как показывают проанализированные тексты, определяются переводчиком при согласовании с автором. Нижеследующий анализ ряда переводческих соответствий позволяет сделать описание возможных подходов.

Обратимся к роману *Absurdistan* Г. Штейнгарта, в художественной картине мира которого воссоздается жизнь «бизнесменов», еврейской диаспоры и пр.; ироничность автора отражается в описании персонажей, образа жизни и пр. Особая роль принадлежит контаминированным интернационализмам, образованным в русском языке при заимствовании, но отличающимся семантической аберрацией. Такого рода номинации представляют вторичные заимствования, модификация семантики которых передается графической формой: контаминированной практической транскрипцией, отражающей искажение денотата и оценочности и произношения: *town khauses*, *kapitalists*, *biznesman* и др.

Лексическая единица *kottedzhes* объективирует скептическое отношение иностранцев к тому, что виллы и резиденции в русском языке гордо именуются *коттеджами*. На первый взгляд, это слово перекликается с английским *cottage*, обозначающим понятие «загородный дом для отдыха», что, однако, не соответствует русскокультурному контексту:

Krestovsky (Island) is where we rich people pretend to be living in a kind of post-Soviet

Switzerland, trudging along the manicured bike paths built 'round *kottedzhes and town khauses*, and filling our lungs with parcels of atmosphere seemingly imported from the Alps [22, с. 4].

В переводе графический маркер (курсив) не используется; *town khauses* передается номинацией «дома», а *kottedzhes* – «коттеджи»:

«Крестовский – это то место, где богатые люди притворяются, будто живут в какой-то постсоветской Швейцарии, прогуливаясь по вылизанным дорожкам, проложенным вокруг наших коттеджей и домов...» [20, с. 13].

Нельзя не признать, что при этом теряется ироничная тональность оригинала, однако вариант перевода «таунхаузы» не способствовал бы ни сохранению тональности ни, как и при переводе «коттеджи», выявлению модификации семантики. Если рассматривать перевод на уровне слова, то напрашивается вывод, что переводчик не передает скептическое отношение к семантическому варьированию контаминированных интернационализмов, которые в русском языке привносят оттенок высокопарности, воспринимаемой негативно с позиции англоговорящего индивида, что актуализируется в оригинале курсивом.

Одним из решений в данном случае может стать использование трансплантации (перенос в русский язык английской транслитерации), однако предлагаемый вариант следует рассматривать в контексте перевода всего текста. Анализ тональности фрагмента показывает, что в целом она соответствует оригиналу, т.к. разговорное пейоративное выражение «в какой-то» перед калькированием «пост-советской Швейцарии» задает ироничность всему отрывку.

Переводческие дилеммы определяются также читательской аудиторией: используемые в оригинале советизмы актуализируют субстрат советского периода, что, однако, вряд ли в полной мере осознает молодое поколение россиян, и переводчик, предотвращая коммуникативный сбой, вводит комментарий.

В ряде фрагментов переводчик использует советизмы эвфемистического характера. Так, слово «органы» в советское время заменяло табуированное в практике речевой деятельности простых людей название «КГБ», которое сту-

денты старших курсов лингвистического отделения (опрос проведен в 2013 г.) понимают как «власть», что не передает таких негативных ассоциаций и чувство страха, которое вызывала номинация «КГБ» в советское время.

Ср.: “Good boy,” Belugin said. “We could use him on the force. They’re so clean here” [22, с. 100]. « – Хороший мальчик, – заметил Белугин. – Мы могли бы использовать его в органах. Они тут такие чистенькие» [20, с. 150].

При сопоставительном анализе передачи субстрата в оригинале и тексте перевода был выделен ряд фрагментов с переводческим комментарием. Например, конкретизируется название партии, что не требовалось в советский период однопартийности, поскольку «партия» неизменно означала «Коммунистическая». Ср.: ... with the gravity of Leonid Brezhnev stepping up the podium at the 23rd Party Congress in Moscow [26, с. 201].

«...с торжественным видом Леонида Брежнева, поднимающегося на трибуну 23-го Съезда Коммунистической партии в Москве» [20, с. 290].

В романе О. Грушиной название партии передано калькированием усеченного полного варианта *the Communist Party*, но в переводном тексте используется аббревиатура «КПСС», предположительно известная российскому читателю, что вызывает некоторое сомнение, если учитывать невысокий уровень политической информированности среднего студента. Название советской молодежной организации в романе передано как *the Russian Communist Youth Union*; в данном случае следует уточнить, что в английском языке кодифицированы номинации советизма: *Young Communist League/the Communist Youth League*. Переводной вариант «Коммунистический Союз Молодежи» в отрыве от контекста может быть воспринят и как реалия сегодняшнего дня, что характерно и для оригинала, т.е. наблюдается определенная семантическая абберация.

Следует отметить двусмысленность с современной точки зрения известного в контексте советологических академических изданий обозначения *Party: a high-ranking Party official* (всегда с заглавной буквы в значении «КПСС»), равно как и его перевода «высокопоставленный партийный работник».

Такого рода фрагменты представляют собой определенную дилемму: если постоянно конкретизировать все номинации русскокультурного субстрата, будет ли это интересно читателю, который может осознать смысл высказывания, учитывая контекст?

Вышеприведенные примеры подчеркивают значимость контекстуального анализа при определении способа перевода, потребности в переводческой трансформации, комментария; анализ переводческого решения только на уровне слова при переводе художественного произведения невозможен.

При переводе на русский язык романов О. Грушиной, одна из первых сложностей, как представляется, заключается в передаче ее фамилии: в англоязычном мире она известна как Olga Grushin. Локализация фамилии (опущение гендерного окончания), возможно, не понравится российскому читателю, в подобных случаях нередко говорят о потере русскокультурного субстрата. В данном случае следует учитывать, стратегию доступности в ориентации на читателя: англоязычный индивид, невладеющий русским языком, не понимает гендерной значимости окончания; ориентируясь на русскоязычную аудиторию, в переводном варианте используется исходная форма.

В романе О. Грушиной значительное число номинаций русскокультурного субстрата представлено советизмами, поскольку в центре внимания автора именно советская действительность. В следующем фрагменте функционирует ряд политических клише, восстанавливающих эпоху тотальной идеологизации, монументальности (искусства, в частности, живописи) и культа личности: “Great Leader” paintings, so-called Socialism with a Human Face:

“... the whole scene was oddly like ... one of those easily recognizable “Great Leader” paintings, with Lenin (or someone else, heavily mustachioed and currently unnameable) thundering from a far-off podium, on the unreachable horizon, and tides of workers and peasants spreading outward from it, ... presently growing larger, larger, until here they were, bigger than life, almost bursting out of the frame... Other, milder creations hung under the spotlights, presenting to the audience so-called Socialism with a Human Face.”

«...мгновенно узнаваемые произведения из серии «Великий вождь», где Ленин (или некто другой, с густыми усами и одиозным на данный момент именем) гремел с отдаленной трибуны у недосягаемого горизонта, а оттуда катился вал рабочих и крестьян, ... постепенно увеличивались в размерах, вымахивали, одетые в лохмотья, выше человеческого роста и едва не вырывались из рамы... Другие, более умеренные работы, умело подсвеченные, наглядно демонстрировали «социализм с человеческим лицом».

Ни в тексте оригинала, ни в тексте перевода не введена экспликация лозунга «социализм с человеческим лицом», что представляется оправданным, т.к. в целом напряженная атмосфера описываемого периода ощущается; художественное произведение не должно заменять собой учебное издание. Следует признать, однако, что определенный комментарий, экспликация значения, например, за пределами основного текста в авторском/переводческом предисловии, как принято в изданиях переводов на английский язык, поможет неинформированному читателю «проникнуть» в текстовый мир.

Экспликация политического смысла 1956 г. представляется необходимой при описании ситуации, где речь идет о последствиях разоблачения культа Сталина, например, в нижеследующем фрагменте:

“And then came the year 1956, and everything he had once held true – all the comfortable ideas and beliefs and ways of life – was swept away”.

«А потом наступил год тысяча девятьсот пятьдесят шестой, и все, что он принимал на веру, – все привычные идеи, убеждения, жизненные устои, – было сметено».

Переводчик романа О. Грушиной нередко использует локализацию названий: полная форма (калькированный вариант) в переводе заменяется сокращенным, не требующим экспликации, что представляется вполне оправданным:

1. “– A very nice young man. What is he doing, I forget?

– He is at the Foreign Affairs Institute, graduating next spring,” replied Sukhanov proudly”.

«–Хороший парень. Напомни, он чем занимается? – Учится в МГИМО, весной заканчивает, – с гордостью ответил Суханов».

2. “– I’m working for a Moscow State University magazine,” she replied evenly”.

«– Я работаю в одном из журналов МГУ, – сказала она серьезно».

Локализация выявляется и в ряде описаний метафорического характера, например: “The greenish cobblestones, slippery from the rain, glistened coldly, and the cathedral of Vasily Blazhennyi rose before him like a many-headed, iridescent, scaly dragon from some tale with an unhappy ending”.

«Зеленоватая, скользкая от дождя брусчатка холодно блестела, а впереди переливался многоглавый собор Василия Блаженного, как чешуйчатый Змей Горыныч из какой-то былины с несчастливым концом».

Объем статьи ограничен, поэтому привести больше примеров не представляется возможным; были выделены наиболее типичные варианты, позволяющие понять специфику переводческих решений.

Заключение: Естественно, что в полной мере сохранить все оттенки русскокультурного субстрата ни в интерлингвокультурном произведении, ни в его переводе на русский язык практически невозможно. Переводчику сложно определить целевую аудиторию, учитывая отсутствие идеологической цельности, свойственной советской эпохи: с одной стороны, советская действительность идеализируется в сознании ряда россиян, как старшего, так и молодого поколения, с другой стороны, категорически отрицаются советские ценности другими. Современные американские писатели русского происхождения нередко восстанавливают свои детские ощущения, опыт жизни в СССР не столько свой, сколько родителей, что предопределяет определенные ностальгические нотки в их произведениях. В англоязычном литературном мире произведения авторов русского происхождения получают все больше признания, вызывая при этом интерес и русскоязычной читательской аудитории, что предопределяет потребность в изучении как способов выражения русскокультурного субстрата посредством английского языка, так и специфики его передачи в переводном тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность: русскоязычный национальный писатель и особенности его русского художественного текста: монография. М.: Триада, 2005.

2. Огнева Е.А. Когнитивно-дискурсивное пространство текста при переводе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания», 2012. № 1. С. 88–95.

3. Огнева Е.А. Структурирование концептосферы художественного текста при переводе // Когнитивные «исследования языка», 2013. Вып. XIII. С. 614–625.

4. Пшеницын С.Л. Интерпретация переводного текста в свете теории интертекстуальности // Studia Linguistica. XVII. СПб., 2008. С. 179–187.

5. Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 202–228.

6. Туманова А.Б. Контаминированная языковая картина мира как результат взаимодействия языков и культур // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4 (017). С. 133–137.

7. Фикс У. Проявляется ли культурная специфика в типах текста? // Вестник ВГУ. 2001. № 2. С. 100–107.

8. Хугаев И.С. К проблеме этнокультурной идентичности транслингвального текста (этнический субстрат литературного осетинского русскоязычия) // Вестник 2010. № 1. С. 168 – 178.

9. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. 208 с.

10. Юзефович Н.Г. Интерлингвокультурное художественное произведение как особый формат знания // Когнитивные исследования языка. 2008. Вып. XI. С. 235–238.

11. Vamiro, E.O. Transcultural Creativity in World Englishes: Speech Events in Nigerian En-

glish literature // International Journal of Linguistics. 2011. Vol. 3(1). 1–16.

12. Kachru B.B. The Bilingual Creativity: Discoursal and Stylistic Strategies in Contact Literatures // Studies in the Linguistic Science. 1983. No 13. 37–55.

13. Kellman St.G. Switching languages: translingual authors reflect on their craft. London: University of Nebraska Press. 2003.

14. Pantano, D. Review: Steven G. Kellman. Switching Languages: Translingual Writers Reflect on Their Craft 2011. URL: <http://findarticles.com/p/articles/> (Accessed March 21, 2011).

15. Pennycook A. Translingual English // Australian Review of Applied Linguistics. 2008. Vol. 31 (3). 301–309.

16. Scott P.G. Gabriel Okara's *The Voice: The Non-Ijo Reader and the Pragmatics of Translingualism* // Research in African Literatures. 1990. 21 (3). 75–88.

17. Wanner A. Russian Hybrids: Identity in the Translingual Writings of Andrei Makine, Wladimir Kaminer, and Gary Shteygart // Slavic Review. 2008. Vol. 67 (3). 662–681.

18. Wilson R. Cultural mediation through translingual narrative // Target. 2011. 23 (2). 235–250.

Источники

эмпирического материала

19. Грушина О. Жизнь Суханова в сновидениях; [пер. с англ. Е. Петровой]. М., 2011. URL: <http://lib.rus.ec/a/175862> (дата обращения: 25.12.2012).

20. Штейнгарт Г. Абсурдистан; пер. Е.З. Фрадкиной. СПб: Амфора, 2007.

21. Grushin, O. The Dream Life of Sukhanov. Penguin Books. 2007. URL: <http://www.rulit.net/tag/contemporary-prose/> (дата обращения 11.10.2012).

22. Shteyngart G. Absurdistan. – N.Y.: Random House, 2007.

REFERENCES

1. Bakhtikireeva U.M. Creative bilingual personality: National Russian-speaking writer and his fiction (Monograph). Moscow: Triada, 2005.

2. Ogneva E.A. Cognitive-discursive text space in translation In: Vestnik Rossiiskogo uni-

versiteta druzhby narodov. Seriya “Russkiy i inostranniy yazyki i metodika ikh preopdavaniya”. 2012. No 1. Pp. 88–95.

3. Ogneva E.A. The Structuring of Fictional Conceptual Sphere in translation. In: Kognitive issledovaniya yazyka. 2013. Vyp. XIII. Pp. 614–625.

4. Pshenitsyn S.L. Interpretation of the translated text: Intertextuality Theory Approach. In: *Studia Linguistica*. XVII. Saint-Petersburg, 2008. Pp. 179–187.

5. Rise K. Texts Classification and Translation Methods. In: *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow, 1978. Pp. 202–228.

6. Tumanova A.B. Contaminated Language World Mapping in Language and Culture Contacts. In: *Voprosy kornitivnoi lingvistiki*, 2008. No 4 (017). Pp. 133–137.

7. Fiks U. Is there any Culture in Text Types? In: *Vestnik VGU*, 2001. No 2. Pp. 100–107.

8. Khugaev I. S. Enthocultural Identity in a Translingual Text: Ossetia Substrate in the Russian Language. In: *Vestnik MGOU. Russian Philology*, 2010. No 1. Pp. 168–178.

9. Chernyavskaya V.E. Text Linguistics. *Discourse Linguistics*. Moscow, 2013.

10. Yuzefovich N.G. Interlinguacultural Fiction as 'Knowledge Format' In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2008. Vyp. XI. Pp. 235–238.

11. Bamiro E.O. Transcultural Creativity in World Englishes: Speech Events in Nigerian English literature. In: *International Journal of Linguistics*. 2011. Vol. 3 (1). Pp. 1–16.

12. Kachru B.B. The Bilingual Creativity: Discoursal and Stylistic Strategies in Contact Literatures. In: *Studies in the Linguistic Science*. 1983. No 13. Pp. 37–55.

13. Kellman St.G. Switching languages: translingual authors reflect on their craft. London: University of Nebraska Press. 2003.

14. Pantano D. Review: Steven G. Kellman. *Switching Languages: Translingual Writers Reflect on Their Craft* 2011. URL: <http://findarticles.com/p/articles/> (date of access: March 21, 2011).

15. Pennycook A. Translingual English. In: *Australian Review of Applied Linguistics*. 2008. Vol. 31 (3). Pp. 301–309.

16. Scott P.G. Gabriel Okara's *The Voice: The Non-Ijo Reader and the Pragmatics of Translingualism*. In: *Research in African Literatures*. 1990. 21 (3). Pp. 75–88.

17. Wanner A. Russian Hybrids: Identity in the Translingual Writings of Andreï Makine, Wladimir Kaminer, and Gary Shteygart. In: *Slavic Review*. 2008. Vol. 67 (3). Pp. 662–681.

18. Wilson R. Cultural mediation through translingual narrative. In: *Target*. 2011. 23 (2). Pp. 235–250.

Fiction cited

19. Grushina O. *The Dream Life of Sukhanov* [transl. E. Petrova]. Moscow, 2011. URL: <http://lib.rus.ec/a/175862> (date of access: December 25, 2012).

20. Shteyngart G. *Absurdistan*. transl. E.Z. Fradkina. Saint-Petersburg, 2007.

21. Grushin O. *The Dream Life of Sukhanov*. Penguin Books. 2007. URL: <http://www.rulit.net/tag/contemporary-prose/> (date of access: November 11, 2012).

22. Shteyngart G. *Absurdistan*. – N.Y.: Random House, 2007.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ:

Юзефович Наталья Григорьевна

доцент кафедры английской филологии и МК,

кандидат филологических наук

Дальневосточный государственный

гуманитарный университет

ул. К. Маркса, 68 г. Хабаровск, 680000

Россия

E-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Iuzefovich Natalia Grigoryevna

Assistant Professor of the Chair of the English

philology and Intercultural Communication,

Candidate of Philology

Far Eastern State University for the Humanities

68, K. Marksa Str. Khabarovsk, 680000

Russia

E-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru

Рецензент:

Кобенко Ю.В., доцент кафедры ЭНИН, доктор филологических наук, доцент,

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

УДК 81'374

Будыкина В.Г.

О роли электронного словаря в изучении языка, переводе и межкультурной коммуникации

АННОТАЦИЯ

Электронный словарь является современным, актуальным и мобильным средством оптимизации процесса перевода иностранной лексики, изучения родного и иностранного языка, межкультурного общения. Статья посвящена изучению типов электронных словарей, преимуществ электронных словарей по отношению к печатным. Отмечаются такие положительные характеристики электронного словаря, как неограниченные возможности хранения и презентации лексикографического материала, огромные возможности поиска словарной единицы по разным параметрам, высокая скорость поиска, возможность регулярного обновления содержания словарных статей, разнообразие способов поиска лингвистической и экстралингвистической информации, мобильность, доступность и т.д. Электронные словари должны отвечать требованиям пользователей с различным языковым опытом и целями обращения к электронному словарю, что достигается с помощью структурирования словарной статьи, соответствующим интерфейсом и многими другими дополнительными опциями, которые предлагают современные одноязычные и переводные электронные словари.

Ключевые слова: электронный словарь; печатный словарь; роль словаря в изучении языка; он-лайн словарь; офф-лайн словарь; лексикография.

Budykina V.G.

The role of electronic dictionaries in language acquisition, translation and intercultural communication

АБСТРАКТ

Electronic dictionaries are gaining in popularity with an increasing number of L2 learners and the development of technologies that makes it possible to develop new lexicographical on-line and off-line products meeting the demands of L1 and L2 students, lexicologists, translators, etc. The advantages of electronic dictionaries such as sophisticated searching, unlimited storage capability, speed and types of search, etc. are described. The paper also examines the types of electronic dictionaries and the effects of dictionary use on vocabulary acquisition under electronic dictionary conditions and the role of dictionary format in the retention of meaning and collocations.

Key words: electronic dictionary; printed dictionary; language acquisition; lexicography; on-line dictionary, off-line dictionary.

The last few decades of the twentieth century saw the complete transformation of lexicographic work brought about by the advent of the computer as an analysis and editing tool. In the 1990s the first dictionaries were published in a digital form since then one could really start talking about electronic dictionaries. In the 1990's James-Catalano [7, c. 31] for the first time referred to electronic dictionaries as a 'valuable tool in the quest for knowledge'. Now it's considered to be not only a great pedagogical but communicative tool.

The term electronic dictionary (ED) can be used to refer to any reference material stored in electronic form that gives information about the spelling, meaning, or use of words [10, c. 839]. Electronic dictionaries may be divided into two main groups: those intended to be used interactively by people for consultation or reading, and those intended to be used automatically by computers for various applications, for instance in language technology contexts such as machine translation.

An electronic dictionary can be intended for use off-line and on-line [13, c. 438]. An off-line dictionary is stored with the individual user, either in a personal computer (PCD), or in an electronic pocket calculator or reading pen (PED). An on-line dictionary has been published on the internet and is consulted via the internet; it is thus not stored with the individual user. While the off-line dictionary, like the print dictionary can be regarded as a finished product, the on-line dictionary is in principle an unfinished product that can be continuously revised and enlarged, etc. V. Dubichinskiy considers this characteristic to be a valuable one as at any stage the electronic on-line dictionary can be edited and perfected [15, c. 368].

A further type of electronic dictionary – which is described by B. Svensen [13, c. 438] as a hybrid form between an on-line dictionary and off-line one – is stored on a server in the intranet of a company or institution, and is updated and consulted via that intranet and called Intranet dictionary.

For the lexicologist as well as language learners, one of the main advantages of an electronic dictionary over its printed counterpart is that it allows more sophisticated searching. Finding information in a printed dictionary (PD) is achieved

almost exclusively through the alphabetical list of lemmas. You could not, for example, discover all the words that have been borrowed into English from Hungarian, except by examining every etymology of every word in the dictionary [6, c. 147]. Electronic dictionaries allow searching of other field of information, so that the answer to the previous query could be ascertained quickly by searching the etymology in the electronic versions of the OED or the Concise Oxford Dictionary. The latter notes the following fifteen items as having a Hungarian origin: biro, cimbalom, coach, czardas, forint, goulash, hussar, kaposi's sarcoma, paprika, rubik's cube, sabre, shako, soutache, trigane, vampire.

Similarly, the definition 'field' of an electronic dictionary can be searched for all manner of information. A lexicologist or student who is investigating a particular lexical field can search for terms connected with the field in the definitions. If the field consists of specialist terms that are likely to be marked with a subject or domain label, then that label can be searched for. A search for 'prosody', which is a subject label in the concise Oxford dictionary, finds 46 items belonging to this lexical field [6, c. 147-148].

If the user is not sure of the spelling of the word *sought*, or feels a need to access all words where a certain combination of characters occurs, a Wildcard search facility may be used, where '*' may stand for an arbitrary number of unknown characters and '?' for a single unknown character. For instance, searching on 'perc*v'e' will yield perceive, reducing the list for every character added in the box (incremental search).

Some dictionaries are designed to meet the needs of crossword solvers or scrabble players and may also offer facilities such as anagram search and positional-alphabetical search (for instance, searching for all the words having eight letters of which the third is a 'g') [13, c. 442].

The use of an electronic dictionary is not hampered by the various obstacles present in print dictionaries. For instance, the user no longer has to wonder in which entry a certain word combination can be expected to appear. Thanks to the electronic dictionary, idiomatic word combinations can be said to have attained independent status for the first time in a general-purpose dictionary.

In 1989, W. Dodd predicted that the following types of search would be possible in an elec-

tronic dictionary [3, с. 89]: search for words with a certain pronunciation, words with a certain spelling, words of a certain origin, words of a certain age, words with a certain diastatic marking, words with a certain diatechnical marking, certain type of semantic relationship, a certain semantic field, words belonging to a certain part of speech, words used in a certain construction.

The prediction can probably be said to have come true.

Electronic dictionaries allow some extensive and advanced searching of the dictionary text, and that allows the user to get much information required; but there is no certainty that the information obtained is comprehensive and completely reliable [6, с. 148]. The problem arises from the fact that EDs are in most cases merely PDs transferred without any modification to the electronic format. As a result, all the inconsistencies of labeling and defining are replicated in the electronic version, with consequences for the reliability of search results.

Another advantage of an electronic dictionary is storage capacity.

The space restrictions of a printed book are not replicated in the CD-ROM medium. In the ED the amount of space available is more or less unlimited. The capacity of a CD-ROM, for example, is approximately 650 MB (=650 million characters). A normal English L2 dictionary will require only about a two hundredth of that space [9, с. 296].

Another characteristic difference between electronic dictionaries and print dictionaries involves dictionary structure. Several traditional structures have become less important or even quite irrelevant, and the structure predominating in ED is the access structure, which, however, functions in quite a different way there than it does in a print dictionary.

Access structure is the structure of the dictionary directing users to the information they are looking for in the dictionary. There are two kinds: outer access and inner access structure [13, с. 79]. The outer structure is the structure of the indicators which, at the macrostructural level, direct the users to the lemma they are looking for. One of the most important components of the outer access structure is the running heads, which are mostly located at the top left of the left-hand pages and at the top right of the

right-hand page, respectively. The most important component of the outer access structure is obviously the lemma itself.

The inner access structure is the structure of the indicators which, at the microstructural level, direct the users to the information sought about the lemma.

The most important access facility in ED is linking. A link may be either a dictionary-internal or dictionary external. The type of dictionary-internal link that is most reminiscent of print dictionaries is the cross-reference, from which a click of the mouse will take the user to the place where the nomination is given. However, the ED offers an endless number of other internal linking possibilities, for instance [13, с. 443]:

- ✓ Linking to a certain entry by clicking on the lemma concerned in an alphabetical lemma list displayed in a separate window.
- ✓ Linking to a certain entry by clicking on the lemma concerned when it appears in another entry.
- ✓ Linking to a certain sense by clicking on it in a window where the polysemy structure of the lemma is displayed in diagrammatic form.
- ✓ Linking to another dictionary component that may offer, among other things: audio pronunciation, a list of semantically related words, a picture, supporting a definition, a selection of examples showing the use of the word in the sense concerned, etc.

Dictionary-external links lead to components other than those included in the dictionary the user is currently consulting. Some EDs are provided with entire 'bookshelves' containing, for instance:

- ✓ An encyclopedia
- ✓ A technical dictionary
- ✓ A reverse-order dictionary
- ✓ An etymological dictionary
- ✓ A thesaurus
- ✓ A searchable corpus of authentic text.

The number of possibilities is increased when more than one language is involved.

Due to the unlimited amount of space available, there is a great risk of being drowned in information, and also a risk that the abundance of options and links will be confusing. The sole

fact that something is feasible does not necessarily imply that it must be done. Every option and every link must be clearly examined and justified by the genuine purpose of the dictionary.

One more advantage of electronic dictionaries is that the process of searching for a word is less time-consuming, which results in a large number of words looked up [1, c.70; 5, c. 65; 11, c. 111-112]. 'If a pedagogical tool is popular with the students, the chances are that it will also be beneficial for learning' [8, c. 68]. However, it is still uncertain if the fast search and a larger number of dictionary consultations stimulated by electronic reference tools have long-lasting educational advantages [11, c. 113; 14, c. 855].

The authors admit that the benefits of speed alone are an open question. Sharpe [12, c. 50] points out that the short time needed to retrieve information with the help of EDs may not enhance the retention of the information for language learning purposes. It is postulated that the ease of ED use can result in shallow processing of the looked up words, which may be downright detrimental to retention. H. Nesi [10, c. 844] points out, there is a 'possibility that the most easily extracted information may require least thought, and be soonest forgotten'. In fact, what really matters to word retention is the attention during the look-up process rather than the number of look-ups. Laufer and Hill [8, c. 72] claim that 'the number of times the word is looked up during a learning session bears almost no relation to its retention'.

Scholars have conducted research on the role of electronic and paper dictionaries in L2 acquisition. One of them investigated the role of monolingual English learners' dictionary in paper and electronic form in receptive and productive tasks, and assessed the role of dictionary form (paper and electronic) in the retention of meaning and collocations [4, c. 257-273].

The study conducted at Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland attempted to answer the following research questions:

(1) Is the ED more useful in L2 production and reception than the paper one?

(2) Which dictionary, paper or electronic, is a better learning tool? In other words, is vocabulary retention (i.e. the retention of meaning and collocations) dependent on the form of the consulted dictionary (paper vs. electronic)?

The experiment consisted of a pretest, a test proper, and an unexpected delayed recall test. The results of the experiment suggested that the ED is more useful in dealing with receptive and productive tasks. Moreover, it also proved to be a better learning tool than the paper dictionary; its use resulted in better retention of meaning and more effective retrieval of collocations. The findings seem to support James-Catalano's [7, c. 31] claim, with which the present paper opens, since the ED turns out to be genuinely helpful in language learning. Such a conclusion appeared to dispel fears of 'a technology that can answer questions so quickly that it may persuade its users that there is no point in memorizing for learning' and blur 'the distinction between information gained and knowledge sought' [12, c. 49-50].

The negative effect of shallow processing of dictionary information, which electronic dictionaries are said to induce and which is believed to result in poor retention of new words, was not justified by the experiment. Unfortunately, consultation time was not measured, but it was evident that the ED group needed less time to complete the tasks than the paper dictionary group. However, the findings from the study can support Laufer and Hill's [8, c. 72] postulate that what matters to word retention is greater attention during the lookup process. Yet, it is possible that the greater attention does not have to be associated with a larger effort, or time, put into dictionary search or the analysis of the information found. Instead, it appears that the visual impact created by the ED and the prominent position of a headword on the computer screen can attract more attention than a printed page. It is possible that the form of presentation on the computer screen is more captivating and less distracting than the view of headwords on a page in a paper dictionary, accounts for the superiority of electronic dictionaries over paper ones in the process of remembering the meaning of new words and learning collocations.

Additional research was conducted by Yu-zhen Chen in the College of Foreign Languages and Cultures of Xiamen University, Fujian, China. Electronic dictionaries, especially pocket ones, are gaining in popularity with an increasing number of EFL learners making an impact on the Chinese dictionary scene which is too

great to ignore. This study compared patterns of use and perceptions of pocket electronic dictionaries (PED) and PDs [2]. It also examined the effects of electronic and paper dictionary use on vocabulary acquisition.

The author proposes the following hypotheses: A) There are differences between ED and PD concerning patterns of dictionary use and dictionary perceptions, i.e. students' evaluation of the usefulness of different dictionary formats and their opinions on the advantages and disadvantages of these two types of dictionaries. Patterns of use refer to how often, when, where, and how students use them in L2 learning and communication. B) Electronic are no better than paper dictionaries in facilitating students' vocabulary acquisition. C) Electronic dictionaries are no more effective than paper on retention of the consulted words measured after a lapse of 7 days. D) It takes less time to complete the same vocabulary exercise PD condition than print dictionary condition. Students' responses to the questionnaire confirmed the validity of hypothesis A. From the experimental study, it can be seen that the effects of two types of dictionaries on new word comprehension and production are not significantly different. Hypothesis B cannot be rejected. The experimental study also found that there is no significant interaction between the retention test scores and groups. All this con-

firmed hypothesis C. It was also found that the time used for task completion by the PD group is significantly shorter than in the pocket dictionary group, which confirms the validity of hypothesis D. So, the study suggests that, despite researchers' and teachers' concerns, EDs can be as effective as PDs for new word acquisition.

It is true that the development of EDs was originally 'inspired by market forces rather than by pedagogical or lexicographical research' [10, c. 842]. Nowadays, the pedagogical potential of ED is too great to be ignored. Studies have provided conclusive evidence for the value of the electronic medium, its advantages like sophisticated searching, unlimited storage capability, speed of search but have hardly begun to explore the potential of this medium to transform the look-up process. Some researchers also express their concern that students may be overdependent on EDs and the study has proved the concerns and it seems inadvisable for students to rely too heavily on EDs while disregarding other resources available. Electronic dictionaries are certainly capable of offering the user choices of source material, search routes, and level of detail [9], yet we still know little of the benefits of different potential options and its influence on L1 and L2 acquisition. An exciting new medium requires creative new approaches to dictionary design to meet the user's needs and demands.

REFERENCES

1. Aust R., Kelley M. J., Roby W. B. "The Use of Hyper-Reference and Conventional Dictionaries", *Educational Technology Research and Development* 41, no. 4 (1993). Pp. 63-73.
2. Chen Yu. "Dictionary use and EFL learning. A contrastive study of pocket electronic dictionaries and paper dictionaries", *International Journal of Lexicography* 23, no. 3 (2003). Pp. 275-306.
3. Dodd W. S. "Lexicocomputing and the dictionary of the future". In *Lexicographers and their works*, edited by Gregory James. Exeter: University of Exeter, Exeter linguistic studies 14 (1989). Pp. 83-93.
4. Dziemianko A. "Paper or electronic? The role of dictionary form in language reception, Production and the Retention of meaning and

Collocations", *International Journal of Lexicography* 23, no. 3 (2010). Pp. 257-273.

5. Guillot M-N., Kenning M-M. "Electronic Monolingual Dictionaries as Language Learning Aids: A Case Study", *Computers in Education*, 23 (1994). Pp. 63-73.

6. Jackson Howard, Ze Amvela Etienne. *Words, meaning, and vocabulary: an introduction to modern English lexicology*. Trowbridge: The Cromwell Press, 2005.

7. James-Catalano C. N. 1996. "The Virtual Wordsmith", *Internet World* 7 (6), 1996. Pp. 30-31. Quoted in Dziemianko A. "Paper or electronic? The role of dictionary form in language reception, Production and the Retention of meaning and Collocations", *International Journal of Lexicography* 23, no. 3 (2010). 257 p.

8. Laufer B., Hill M. "What Lexical Information do L2 Learners Select in a CALL Dictionary

and How Does It Affect Word Retention?”, *Language Learning and Technology*, no.3, 2000. Pp. 58-76.

9. Leech G., Nesi H. Moving towards perfection: the learners' (electronic) dictionary of the future. In *The perfect learners' dictionary*, edited by T. Herbst, K. Popp. *Lexicographica*. Series Maior 95 (1999). Pp. 295-306.

10. Nesi H. Electronic Dictionaries in Second Language Vocabulary Comprehension and Acquisition: the State of the Art. Proceedings of the Ninth EURALEX International Congress 2000. Stuttgart University, Stuttgart, Germany, August 8-12, 2000. European Association for Lexicography, 2000.

11. ----- “On Screen or in Print? Students' Use of a Learner's Dictionary on CDROM and in Book Form.” In *EAP Learning Technologies*, edited by P. Howarth, R. Herington. Leeds: University Press, 2000. Pp. 106-114.

12. Sharpe P. “Electronic Dictionaries with Particular Reference to the Design of an Electronic Bilingual Dictionary for English-Speaking Learners of Japanese.” *International Journal of Lexicography* 8 (1995). Pp. 39-54.

13. Svensen Bo. *A Handbook of Lexicography. The Theory and Practice of Dictionary-making*. New York: Cambridge University Press, 2009.

14. Tono Y. “On the Effects of Different Types of Electronic Dictionary Interfaces on L2 Learners' Reference Behaviour in Productive/Receptive Tasks”: Proceedings of the Ninth EURALEX International Congress, EURALEX 2000. Stuttgart University, Stuttgart, Germany, August 8-12, 2000. European Association for Lexicography, 2000.

15. Dubichinskiy V.V. *Lexicography of Russian language*. M.: Nauka: Flinta, 2008. 432 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ:

Будыкина Вера Геннадьевна

заведующий кафедрой восточных и романогерманских языков, кандидат филологических наук, доцент

Челябинский государственный университет
ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск,
454001, Россия

E-mail: vbudykina@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Vera Gennadievna Budykina

Assistant Professor of the Chair of the German philology, Candidate of Philology, Assistant Professor

Chelyabinsk State University
129 Bratiev Kashirinykh Street, Chelyabinsk,
454001, Russia

E-mail: vbudykina@gmail.com